

Учредители:

Институт географии РАН
Смоленский государственный университет
Балтийский федеральный университет
им. И. Канта

Издатель:

Смоленский государственный университет
Журнал зарегистрирован в Министерстве
цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций РФ
Пер. № ПИ № ФС77-75135 от 07.03.2019

Журнал входит в Перечень рецензируемых
научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва)
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Международный редакционный совет:

акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток);
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Вишневский А.Г. (Москва); член-корр. РАН,
д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.э.н., проф.
Жихаревич Б.С. (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Зу-
баревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия);
акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); член-
корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.э.н.,
проф. Малов В.Ю. (Новосибирск); проф. Мерфи А.
(США); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Чи-
стобаев А.И. (Санкт-Петербург); д.г.н., проф. Шары-
гин М.Д. (Пермь); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва);
проф. Шиманьска Д. (Польша)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексан-
дрова А.Ю. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н., проф.
Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардомский
Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Екатерин-
бург); к.г.н. Глезер О.Б. (Москва); д.э.н., проф. Клима-
нов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О. В. (Мо-
сква); к.г.н., доц. Кузнецова Т.Ю. (Калининград); д.г.н.,
проф. Манаков А.Г. (Псков); к.г.н., доц. Наумов А.С.
(Москва); д.г.н. Нефедова Т.Г. (Москва); д.г.н., проф.
Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И.
(Смоленск); к.пед.н., доц. Розанова Н.Н. (Смоленск);
д.г.н., доц. Савоскул М.С. (Москва); д.г.н. Стрелецкий
В.Н. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н. Трей-
виш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.г.н., доц. Часовский В.И. (Калининград); д.г.н., проф.
Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н. Яськова Т.И. (Смоленск)

Адрес редакции:

214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д.4
Смоленский государственный университет
E-mail: region_issled@mail.ru

Подписано в печать 29.03.2019

Формат 70x108¹/₁₆, Гарнитура «Times»
Тираж 125 экз.

Отпечатано:

Типография «Белый ветер»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал**Основан в феврале 2001 года****Выходит 4 раза в год****№ 1 (63), 2019**

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1, 2019¹

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	4
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Тархов С.А.</i> Основные направления географического изучения административно-территориального деления	6
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
<i>Кузнецова О.В.</i> Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей	16
<i>Плясов А.Н., Богодухов А.О.</i> Новый взгляд на российское пространство: региональный транспортный налог	26
УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ	
<i>Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.</i> Развитие больших городов России в 2010-х годах	39
<i>Краснов А.И.</i> Факторы экономической дифференциации городских поселений Псковской области в системе расселения региона	52
<i>Слезнов Ф.В.</i> Опыт развития административных функций в пригородной зоне крупных агломераций	62
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ	
<i>Барбашова Е.Н., Конкин В.А., Шуметов В.Г.</i> Общественное здоровье в оценке качества трудового потенциала: региональный аспект	75
<i>Егоров Д.О., Николаев Р.С.</i> Роль миграции в усилении поляризации расселения Республики Татарстан	86
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ	
<i>Кришталь М.И.</i> Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003–2018 гг.	99
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Гладун И.В., Волосникова Г.А., Гладун П.И.</i> Концепция схемы обращения с твердыми коммунальными отходами в Хабаровском крае	108
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА	
<i>Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.</i> Территориальная идентичность как основание проектирования устойчивых региональных туристских кластеров	118
Требования к представлению и оформлению материалов для публикации	130

¹ Выпускающий редактор номера – Шувалов В.Е.

CONTENTS

№ 1, 2019¹

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF 4

THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

*Tarkhov S.A.*Key focuses in geographical studies
of administrative division 6

REGIONAL ANALYSIS

*Kuznetsova O.V.*Interregional cooperation in Russia:
prospects of regional governments' cooperation 16*Pilyasov A.N., Bogodukhov A.O.*New viewpoint at the Russian space:
regional transport tax 26

URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY

Zubarevich N.V., Safronov S.G.

Russia largest cities development in 2010s 39

*Krasnov A.I.*The factors of urban settlements economic differentiation
in Pskov oblast settlement system 52*Sleznov F.V.*Experience of government functions development
in a suburban zone of large agglomerations 62

REGIONAL RESEARCH OF POPULATION

*Barbashova E.V., Konkin V.A., Shumetov V.G.*Public health in assessment of the quality
of labor capacity: regional aspect 75*Egorov D.O., Nikolaev R.S.*Migrations role in polarizing
of settlement pattern in the Republic of Tatarstan 86

POLITICAL GEOGRAPHY

*Krishtal M.I.*Electoral preferences within
the Kaliningrad oblast in 2003–2018 99

ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT

*Gladun I.V., Volosnikova G.A., Gladun P.I.*Concept of Khabarovsk Krai scheme
for municipal solid waste management 108

REGIONAL PROBLEMS OF TOURISM DEVELOPMENT

*Koshcheev D.A., Isopeskul O.Yu.*Territorial identity as a designing basis
for sustainable regional tourist clusters 118¹Managing editor – Shuvalov V.E.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

В ваших руках – очередной, шестьдесят третий номер журнала «Региональные исследования». Но этот номер особый: с его выходом начинается новый этап в развитии журнала. Предыдущий этап, который был связан со Смоленским гуманитарным университетом и продлился 16 лет, завершился в 2018 г. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность руководству Смоленского гуманитарного университета, всем членам редакционного совета и редакционной коллегии за вклад в становление журнала. Наш журнал нашел не только своего специализированного читателя, но его электронный вариант сделал журнал доступным и для более широкого круга ученых, практиков, аспирантов и студентов, имеющих отношение к социально-экономической географии и смежным с ней региональным наукам.

За последние месяцы в жизни журнала произошли значительные изменения. «Региональные исследования» прошли различные процедуры, связанные с официальной перерегистрацией. В результате изменились учредители журнала: помимо Смоленского государственного университета (издатель журнала) ими стали: ведущий центр академических географических исследований в нашей стране – Институт географии РАН, а также один из основных центров вузовских региональных исследований – Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. В ближайшее время к ним официально присоединится и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (и, конечно, его географический факультет), который стоял у его истоков. Такое единство академической и университетской науки пойдет на пользу журнала, который уже зарекомендовал себя как авторитетное издание в области социально-экономической географии и смежных региональных наук.

В определенной степени изменился и состав редакционного совета и редакционной коллегии журнала, в который инкорпорированы новые члены – известные ученые в области региональных исследований не только из России, но и зарубежных стран. Сегодня в состав редакционных органов журнала входят представители 6 стран и 24 центров региональных исследований.

Успех журнала, его авторитет зависит от издательской политики, которая традиционно ориентирована на поддержку публикаций, направленных на выявление закономерностей территориальной организации общества, факторов и современных тенденций регионального развития. Особое внимание по традиции журнал уделяет методологии и теории, современным методам региональных исследований.

Мы по-прежнему будем поддерживать публикации по различным направлениям социально-экономической географии, по региональной экономике,

региональной социологии и другим направлениям региональной науки. Сохраним и оправдавшую себя практику выхода тематических номеров. Традиционно журнал будет поддерживать публикации по актуальной проблематике, подготовленные молодыми учеными.

Редакционная политика журнала по-прежнему будет строиться на единстве традиционных и инновационных подходов в географии и региональных науках, на принципах научного плюрализма, поддержке новых идей в региональных исследованиях. Поэтому журнал готов поддержать и обсуждение наиболее значимых дискуссионных вопросов. Мы готовы прислушаться к мнению читателей, профессионалов, чтобы сделать журнал лучше. Наша задача – добиться, чтобы журнал вошел в библиографическую и реферативную базу данных «Scopus».

Хочу пожелать нашим авторам и читателям, как существующим, так и потенциальным, новых интересных исследований и содержательных научных публикаций в журнале!

Главный редактор журнала
«Региональные исследования»
д.г.н., проф.

А.П. Катровский

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.3:33: 340

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ

© 2019 г. С. А. Тархов^{1,2}

¹ *Институт географии РАН, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

e-mail: tram.tarkhov@gmail.com

Рассмотрены основные направления географического изучения административно-территориального деления (АТД): иерархии его единиц, конфигурации сети АТД, ее топологии, особенностей распределения числа соседей и размера единиц АТД, пространственной логики районирования территории на административно-территориальные единицы (АТЕ), процессов изменения сети АТД, факторов формирования сети; количественные параметры АТД (число уровней иерархии, число АТЕ каждого уровня, территориальные размеры АТЕ, соотношение числа АТЕ к площади и численности населения АТЕ и ее среднего значения), изменчивость (увеличение или уменьшение числа АТЕ, укрупнение или разукрупнение самих единиц). Выявлены основные тенденции эволюции систем АТД на уровне страны: попеременные волны укрупнения и разукрупнения АТЕ первого ранга иерархии; этапы укрупнения и разукрупнения разделяются длительными фазами устойчивого равновесия; нарушение устойчивости системы АТД приводит к ее разрушению и переустройству сетки единиц АТД, заканчивающемуся достижением нового устойчивого равновесия близкого к исходному.

Ключевые слова: административно-территориальное деление (АТД), административно-территориальные единицы (АТЕ), изменчивость и устойчивость системы АТД, АТЕ-эфемеры.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-1

Введение и постановка проблемы. Административно-территориальное деление (АТД) – разделение территории унитарного или квазифедеративного государства (страны, региона) на части, называемые административно-территориальными единицами (АТЕ), управление которыми осуществляется из административных центров и столицы государства. Это разделение охватывает всю территорию страны (региона) без остатка. Административно-территориальные единицы имеют законодательно зафиксированные границы.

Более сложная и смешанная система АТД существует в федерациях и конфедерациях. В государствах с полным федерализмом их части имеют особый статус и обладают определенной самостоятельностью. Части такой

федерации (самостоятельные и самоуправляющиеся государства и регионы) не являются административно-территориальными единицами в обычном смысле и называются территориально-политическими единицами (например, земли Германии, штаты США, штаты Австралии, провинции и территории Канады). Территориально-политическое деление отличается от АТД тем, что отражает сложившееся исторически распределение по территории культурно-политических институтов, традиций, пространственные группировки политических элит. В каждой территориально-политической единице может существовать свое собственное внутреннее АТД, которое отличается от АТД соседней территориально-политической единицы одного и того же государства.

Территориальные единицы 1-го уровня в квазифедерациях (например, штаты Мексики, Венесуэлы и Бразилии, штаты и области Мьянмы) не обладают таким уровнем самостоятельности, а потому являются обычными элементами традиционного АТД унитарного государства. Квазифедерации состоят из неравноправных членов (например, штаты и союзные территории Индии, эмираты Абу-Даби и Дубай имеют больше полномочий, чем остальные эмираты ОАЭ, в Венесуэле есть штаты и федеральные территории).

Таким образом, АТД есть во всех типах государств, но оно различается в каждом из них своей пространственной организацией.

Основными принципами устройства АТД являются иерархичность, нормативность, оптимальность, убиквитетность, унитарность в сочетании с исключительностью, управляемость, коммуникативное единство.

Управляемость и надежность управления единицами АТД опираются на строго построенную иерархию АТЕ: каждая единица самого низшего уровня АТД подчиняется единицам всех более высоких уровней иерархии. Чем выше уровень иерархии АТЕ, тем число таких единиц меньше.

Система АТД по своей сути нормативна, так как предписывается заранее и установлена юридически (как правило, законодательно).

Сама система АТД и сетка АТЕ должны быть наиболее оптимальными, чтобы достигать своей главной цели – всеохватно управлять людьми на территории, на которой они проживают. В этой системе должно быть оптимально управляемое число АТЕ на каждом уровне иерархии. Если оно слишком велико, то управлять таким большим числом АТЕ невозможно. Поэтому для более эффективного управления большего числа АТЕ их либо объединяют в более крупные ячейки (например, федеральные округа в России), либо укрупняют низовые ячейки, чтобы повысить уровень их управляемости.

Система АТД убиквитетна (повсюдна), т.е. охватывает всю территорию и одинаково устроена на всех ее участках, т.е. она преимущественно унифицированная. Однако бывают исключения, поскольку при всей унитарности этой системы существуют особые АТЕ с иным юридическим статусом, чем все остальные АТЕ. Эти исключительные АТЕ всегда нарушают жесткую пространственную логику унитарности системы АТД.

Например, федеральные столичные округа в США, Мексике, Бразилии, России; автономные районы в КНР; территории с особым статусом и т.д.

Главный принцип системы АТД – управляемость людьми на территории из административного центра более высокого ранга. Она может достигаться только при наличии развитой системы коммуникаций (транспорта, связи) и оптимальных размеров самих АТЕ и их числа. Территория управляема только в условиях надежной системы коммуникационных возможностей, т.е. при наличии прямых железных и автомобильных дорог, водных путей, прямого авиасообщения из центра управления в управляемые подцентры; надежных телекоммуникаций между ними – сети Интернета, мобильной и стационарной связи, магистральных оптоволоконных кабелей.

Кроме традиционного АТД территория страны (региона) может делиться на 1) специальные государственные управленческие территориальные единицы (военные округа, железные дороги, лесные администрации и управления, почтовые районы и т.д.); 2) негосударственные институциональные территориальные единицы (например, конфессиональные – диоцезы, митрополии, епархии, приходы).

Функциональную структуру АТД изучает политология, а ее пространственную организацию – социально-экономическая география, в которой, в рамках политической географии, сложилось особое направление – география административно-территориального деления.

В предлагаемой читателям статье дается краткий обзор возможных направлений географического изучения систем АТД, методов количественного измерения последних и анализ их изменения во времени.

Обзор ранее выполненных исследований. Вопросами изучения географии АТД занимались всегда и во многих странах. Перечислить основные работы всех авторов по этой тематике в статье невозможно из-за их обилия. Отметим здесь лишь наиболее интересные отечественные публикации и исследования последних десятилетий. Прежде всего, это фундаментальная книга В.А. Колосова [6], в которой проанализированы существующие системы АТД разных стран, их проблемы пути их решения, результаты

реформ АТД в ряде стран. В более сжатом виде эти идеи изложены в учебниках [7, 18]. Об особенностях систем АТД России, изменении кратности числа АТЕ 2-го и 3-го уровней, оптимальном числе и размерах АТЕ писал А.И. Трейвиш в своей монографии [17]. Анализу принципов АТД России в историко-географическом плане посвящены работы А.Н. Жигло [5], Н.Т. Агафонова и соавторов [1].

Устойчивость границ и самих низовых ячеек АТД изучили Ю.С. Никульников, В.П. Мосунов и А.А. Сысоев на примере Канско-Ачинского бассейна [12], А.Г. Манаков [11] на примере Северо-Запада. М.П. Крылов в своей работе показал, что более половины границ областей Центральной России повторяют дореволюционные [8].

О необходимости проведения реформ систем АТД на низовом уровне в России писали Э.Л. Файбусович и В.В. Плеечанова [19], против их проведения выступали М.П. Крылов [9] и А.Г. Манаков [10].

Этапы эволюции системы АТД России за 300-летний период (1708–2002 гг.) эмпирическим путем выявлены автором настоящей статьи [13–15]. В этих работах им обнаружены сменяющие друг друга волны укрупнения и разукрупнения АТЕ России 1-го уровня. Изучением изменения структуры АТД России занималась также П.М. Шульгин и О.В. Шульгина [20–21]. Эволюцию системы АТД Молдавии подробно изучил А.А. Герцен [4].

В работах А.П. Васильева [2–3] тщательным образом проанализированы статические пространственные структуры АТД Франции и Германии, процессы их изменения за длительный (более чем 200-летний) период. Он использовал в своей работе анализ пространственных параметров национальных систем АТД, а также применил пространственно-временной подход при исследовании колебательного процесса устойчивости и изменчивости пространственной организации АТД этих стран.

В упомянутых выше работах в значительной степени раскрыты многие вопросы географии АТД.

Материалы и методика исследования. Основными направлениями исследований географии АТД являются изучение иерархии его единиц, конфигурации сети АТД, ее топологии, особенностей распределения

числа соседей и размера единиц АТД, пространственной логики районирования территории на административно-территориальные единицы, процессов изменения сети АТД, факторов формирования сети АТД, устойчивости и изменчивости сети единиц АТД и сети административных центров, эволюции пространственной структуры АТД.

Одним из важнейших для географов направлением изучения пространственной организации систем АТД является анализ их пространственных и количественных параметров.

Одной из задач географии АТД является подбор и поиск оптимального размера единиц АТД определенного иерархического уровня для конкретной страны (региона) в конкретных социально-экономических, культурно-исторических и геополитических условиях.

Сетка АТЕ повседневно используется географами, так как любой анализ территориальных различий опирается на статистику, собираемую государственными информационными органами по ячейкам АТД (низовым, среднего или высокого уровня). Единицы АТД используются для сбора региональной статистики. Чем территориально дробнее представлены статистические данные, тем детальнее можно изучать территорию, жизнедеятельность людей на ней. Сеть низовых ячеек АТД является одним из главных инструментов эконом-географа изучения реальности.

При пространственном анализе распределения какого-либо изучаемого экономико-географом явления с помощью статистических данных по низовым ячейкам АТД сначала составляются карты, а затем из этих мелких ячеек группируются (выделяются) ареалы распространения явления. АТЕ – объект, через который можно видеть территорию и изучать реальные социально-экономические, политические и иные процессы того или иного региона. Имея дробную территориальную статистику, можно генерализовать эти данные и выделить настоящие ареалы распространения изучаемых явлений.

Полученные результаты исследования.
Количественные и пространственные параметры системы АТД. К количественным параметрам систем АТД относятся *число уровней иерархии (1–2–3–4–5), число АТЕ каждого уровня иерархии, территориаль-*

ные размеры АТЕ (площадь, км²), соотношение числа АТЕ к площади (средним размером ячейки АТЕ) и к плотности (численности населения) АТЕ. Пространственными параметрами АД являются *число соседей* (или коэффициент соседства), *уровень транспортной проницаемости* (барьерности) *границ АТЕ*, *форма* (конфигурация) *АТЕ*, *максимальный диаметр ячейки АТЕ*. Наиболее сложным пространственным параметром системы АД является ее *топологическая структура*. Последняя количественно измеряется числом топологических ярусов [16], значениями топологического диаметра, топологического радиуса, степенью топологической центральности и эксцентриситета административного центра АТЕ.

В данной статье мы коснемся лишь *количественных параметров системы АД*.

Система АД имеет *несколько уровней* подчинения и пространственной *иерархии* (от 1 до 5): единицы 1-го, 2-го, 3-го и т.д. ранга иерархии. Это означает, что единица 1-го порядка состоит из нескольких единиц 2-го порядка, а единица 2-го порядка состоит из еще большего числа единиц АД 3-го порядка и т.д. Число уровней иерархии зависит от размера страны и единиц АД, а также их населенности.

Если рассмотреть в качестве объекта системы АД государств, то в мире в целом встречаются следующие типы стран по числу уровней иерархии АТЕ:

– 1-уровневые, или однозвенные; как правило, это – небольшие страны (например, Лихтенштейн с 11 общинами и Андорра с 7 приходами);

– 2-уровневые, или двухзвенные (например, Нидерланды: 12 провинций и 504 общин);

– 3-уровневые (например, Швейцария: 23 кантонов и 3 полукантона, 178 округов и районов, 2495 коммун);

– 4-уровневые (например, Боливия: 9 департаментов, 112 провинций, 324 муниципалитета, 1408 кантонов);

– 5-уровневые (например, материковая Франция: 12 регионов, 96 департаментов, 326 округов, 3.827 кантонов, 36.538 коммун).

Система АД Китая – самая сложная среди всех национальных систем АД. 1-й провинциальный уровень включает в себя 22 провинции, 5 автономных районов (провинции со значительной численностью националь-

ных меньшинств), 4 города центрального подчинения, 2 специальных административных района (Гонконг, Макау); 2-й окружной уровень – около 350 округов (283 городских округа, 30 автономных округов, 17 округов (префектур), 15 городов субпровинциального значения, 3 аймака, 1 автономный округ субпровинциального значения); 3-й уездный уровень – округа делятся на 1464 уезда, 117 автономных уездов, 374 городских уезда, 852 района городского подчинения, 49 хошунов, 3 автономных хошуна, 2 специальных района, 1 лесной район; 4-й волостной уровень – уезды делятся на 14677 волостей, 1.092 национальные волости, 19522 поселка, 181 сомон, 1 национальный сомон, 6152 уличных комитета; 5-й деревенский уровень – волости делятся на 80.717 городских селений (общинные комитеты, общины) и 623669 деревенских селений (деревенские комитеты, деревенские группы, административные деревни, естественные деревни).

Как правило в странах, преобладают системы АД с 3 уровнями иерархии.

Чаще всего встречаются четыре типа соотношений числа единиц АД 1-го и 2-го уровней иерархии: от 1:3 до 1:6; от 1:10 до 1:13; от 1:19 до 1:23; от 1:90 до 1:100. Остальные пропорции крайне редки. Эти соотношения детерминируются пространственными размерами страны, особенностями истории формирования системы ее АД.

Число и размер единиц АД первого звена во многом определяется размерами самого пространства страны (или региона). Оно не должно быть очень большим, иначе центр не сможет эффективно управлять таким большим количеством АТЕ. В федеративных государствах оно составляет 23–36, в унитарных, как правило, не превышает 50–55 (естественный порог управляемости; хотя есть исключения – США и Россия).

Проведенные нами расчеты числа АТЕ 1-го уровня иерархии в античных, средневековых империях и государствах (см. табл. 1) показывают, что оно варьирует в выше указанных пределах.

Из таблицы 1 видно, что при быстрой территориальной экспансии Римской империи число АТЕ 1-го уровня иерархии постоянно увеличивалось до тех пор, пока оно не достигло предельных значений, после чего империя стала неуправляемой и слабой и быстро распалась.

Таблица 1. Число АТЕ 1-го уровня в исторических государствах

Государство	Дата	Число АТЕ 1-го уровня иерархии
Персидское царство	485 г. до н.э.	30 сатрапий
Античная Греция	443 г. до н.э.	47 провинций
Римская империя	25 г. до н.э.	19 провинций
Римская империя	20 г. н.э.	28 провинций
Римская империя	47 г. н.э.	35 провинций
Римская империя	107 г. н.э.	43 провинции
Римская империя	166 г. н.э.	46 провинций
Римская империя	395 г. н.э.	120 провинций
Византийская империя	520 г.	64 провинции
Византийская империя	670 г.	3 фемы
Византийская империя	850 г.	17 фем
Византийская империя	927 г.	30 фем
Византийская империя	1045 г.	45 фем
Арабский халифат	786–809 гг.	32 вилайи
Османская империя	1596 г.	21 эялет
Османская империя	1905 г.	29 вилайетов
Священная Римская империя	1033 г.	28
Священная Римская империя	1648 г.	51
Речь Посполитая	1582 г.	34 воеводства
Речь Посполитая	1660 г.	33 воеводства
Речь Посполитая	1768 г.	33 воеводства

Составлена автором.

Сами системы АТД в отдельных странах устроены по-разному, так как на ее структуру оказывают воздействие одновременно сочетание разных факторов: экономических, политических, геополитических, социальных, исторических, культурных, этнических, военных, природных и др. В этом отношении каждая страна более уникальна, чем типична.

Прямой зависимости размера площади АТЕ от размера и населенности страны нет (см. табл. 2).

Размер ячейки АТД тесно связан с плотностью населения в ней, уровнем социально-экономической освоенности территории. Чем меньше населенность и освоенность территории, тем больше размеры ячейки АТД. Например, в центре Европейской России они мельче, на севере Европейской России и в Азиатской России – значительно больше, а в Китае на востоке мельче, на севере и западе – крупнее. В сетке графств США ячейки меньше и плотнее на северо-востоке и востоке, крупнее – на Великих равнинах, в Скалистых горах и на западе.

Изменчивость систем АТД. Система АТД не всегда постоянна. Ее пространственная и функциональная структура медленно, а иногда неожиданно быстро может трансформи-

роваться вместе с изменениями в пространственной организации общества, в системе управления людьми и территорией.

Эти изменения могут быть вызваны экономическими (экономическим ростом или спадом, деградацией) причинами, изменениями в социальных и политических отношениях; сменой технологий транспортных перемещений и телекоммуникаций, а также технологий управления людьми и территориями; политическими и военными событиями, а также геополитическими изменениями.

Часто причиной частичной или полной перекройки сети АТД является несоответствие старой сетки новым потребностям общества в принципах пространственного управления территорией. Социально-экономические и политические потребности заставляют местные и государственные власти создавать отдельные новые АТЕ разного ранга иерархии или изменять (повышать, понижать) статус АТЕ.

Кардинальные и иные изменения в жизни общества и экономики страны заставляют государство изменять сложившуюся систему АТД, т.е. осуществлять реформу сети АТД, чтобы более эффективнее и удобнее управлять территорией. В этих случаях сетка АТД

Таблица 2. Средний территориальный размер АТЕ 1-го уровня (площадь, км²) и их людность в крупноплощадных странах

Страна	Средняя площадь АТЕ 1-го уровня, тыс. км ²	Средняя людность, тыс. чел.
Австралия	1,107	2,482
Канада	768	2,575
Россия	210	1,721
США	188	6,054
Бразилия	328	7,065
КНР	311	40,598
Индия	94	34,558

Источник: расчеты автора.

пересматривается полностью или частично. Обычно изменения системы АТД осуществляются с помощью правовых (юридических) актов (законов, указов и т.д.).

В ходе такого изменения размеры единиц АТД могут увеличиваться или уменьшаться. Любые изменения системы АТД преследуют цель улучшения системы управления территорией и населением. Таким образом, они приводят в равновесие систему АТД. Поэтому система АТД относительно устойчива, инерционна и весьма консервативна.

Под устойчивостью системы АТД автор понимает длительную (продолжительную) неизменность ее пространственной структуры, под инерционностью – замедленную относительно внешних факторов (экстерналий) скорость трансформации последней, не соответствующую скорости самих социально-экономических изменений, вызывающих потребность в пересмотре системы АТД. Консервативность системы АТД – квазиестественное свойство (стремление) пространственной структуры АТД не меняться даже в условиях быстрых изменений внешних по отношению к ней факторов.

Основными процессами изменения сети АТД являются увеличение или уменьшение числа административных единиц, укрупнение (объединение мелких единиц в более крупные) или разукрупнение самих единиц. Эти два процесса – укрупнение и разукрупнение – могут сменять друг друга в условиях неустойчивости системы АТД, вызванной быстрыми изменениями воздействующих на нее внешними факторами. Такая их черед называется цикличностью. Цикличность этих процессов обычно наблюдается в очень сложных по структуре и размеру системах АТД, подверженных резким политическим или геополитическим изменениям.

В античности и средние века АТЕ, как правило, привязывались к естественным формам рельефа (им соответствовали долины рек, горные котловины, изолированные природными барьерами части страны, акватории архипелагов, морские побережья), а их границы проводились вдоль природных рубежей и барьеров (по водоразделам, горным хребтам, вдоль больших рек и озер). Конфигурации АТЕ тогда были более компактными, чем позже.

Появление гужевых трактов, а позже железных дорог и других путей сообщения привели к изменению механизма пространственной организации сетки АТД: АТЕ стали меньше зависеть от природных рубежей и барьеров, а больше от конфигурации транспортной сети, которая стала сильнее диктовать проведение административных границ. Конфигурации АТЕ стали в результате более вытянутыми и неправильной формы, т.е. менее компактными. При проведении границ АТЕ стали больше руководствоваться этническими, историческими (границы старых княжеств и герцогства) и конфессиональными (линии религиозных разломов) принципами.

В XIX–XXI вв. формы новых АТЕ стали более правильными (регулярными) в виде прямоугольников, трапеций (например, штаты США и Австралии; границы некоторых АТЕ в Канаде, Аргентине и Африке; в пустынных и степных частях Казахстана, Узбекистана, Туркмении, стран Сахары и Аравийского полуострова; западная граница Папуа Новой Гвинеи). Границы АТЕ стали проводиться часто по прямым линиям без учета природных, исторических и этнических принципов, поскольку это были в основном неосвоенные и мало освоенные территории.

Эволюция систем АТД России. Системы АТД в течение длительного периода времени медленно изменяются в определенном ритме. Нами ранее было проведено изучение этого процесса на примере изменения АТЕ 1-го уровня иерархии России – СССР за 300 лет и отдельных ее регионов [13, 14]. Оно позволило выявить определенные закономерности всей системы АТД в ходе этой эволюции.

В Российской империи, СССР и современной России система АТД подвергалась трансформациям несколько раз. В течение последних 300 лет для нее были характерны *попеременные волны укрупнения и разукрупнения единиц АТД* первого ранга иерархии: волна укрупнения сменялась волной разукрупнения. Этот феномен пульсации подтвердил при изучении процесса эволюции АТД Франции и Германии А.П. Васильев [2, 3].

Резкие изменения в существующей структуре АТД происходили либо в связи с изменениями политического режима государства, либо со сменой принципов региональной политики, политики хозяйственного освоения и принципов управления территорией и регионами.

Этапы укрупнения и разукрупнения (размельчения), как правило, разделяются длительными фазами *устойчивого равновесия*. Большинство единиц первого звена АТД (42) оказались в ходе реформ достаточно устойчивыми и в той или иной форме сохранились, с меньшим или большим размером территории. Это были в основном губернии Европейской части России (например, Владимирская, Воронежская, Вятская и т.д.), а также некоторые губернии и области Азиатской части (Енисейская в форме Красноярского края, Иркутская, Якутская области в форме АССР, Дагестанская область в форме АССР, Забайкальская и Амурская области).

В 1917–1921 гг. возникло еще 6 новых единиц, которые существуют и поныне (Алтайская, Брянская, Екатеринбургская, Мурманская, Омская, Челябинская губернии). В более позднее время к ним добавились новые области (Новосибирская, Калининградская, Кемеровская, Курганская, Липецкая, Магаданская), которые сохранились до сих пор.

На всех этапах модернизации системы АТД появлялись и исчезали неустойчивые единицы (как губернии, так и советские области, выделявшиеся географически не-

удачно), которые автор назвал АТЕ-эфимерами (недолговечными). До революции ими были Белгородская и Выборгская губернии. Очень недолго (3–8 лет) просуществовали советские губернии 1920-х гг. – Рыбинская, Северо-Двинская, Череповецкая. Такими же АТЕ-эфимерами стали большие области госплановского типа, которые были слишком велики по своим размерам (имели до 130–150 районов), а потому плохо управляемыми. Из-за этого они были очень быстро разукрупнены, просуществовав 6–11 лет.

В 1930–1950-е гг. в пределах СССР возникали и затем исчезли внутренние области Дальне-Восточного края (Приморская, Уссурийская, Хабаровская, Нижне-Амурская), в послевоенное время – Южно-Сахалинская, Арзамасская, Балашовская, Великолукская, Грозненская, Каменская области, а также внутренние области Башкирской (Стерлитамакская, Уфимская) и Татарской АССР (Бугульминская, Казанская, Чистопольская), области в Прибалтике и Закавказье. Их большинство просуществовало не более 1–4 года, а Великолукская и Грозненская – 13 лет, и только Нижне-Амурская – 22 года.

Тем не менее, число неустойчивых АТЕ 1-го уровня иерархии (АТЕ-эфимеров) было меньше, чем число устойчивых АТЕ. Большинство единиц АТД в ходе реформ оказались относительно устойчивыми. Из таблицы 3 очевидно, что число АТЕ 1-го уровня иерархии в 1987 г. (55 без учета национальных автономий) было почти таким же, как и в 1917 г. (56).

Таким образом, несмотря на многочисленные реформы системы АТД число АТЕ 1-го уровня иерархии стремилось к прежнему. Об этом свидетельствуют и данные таблицы 1 для Речи Посполитой, которая территориально в XVIII–XVIII вв. не расширялась.

Выводы. Основными направлениями исследований географии АТД являются изучение иерархии его единиц, конфигурации сети АТД, ее топологии, особенностей распределения числа соседей и размера АТЕ, пространственной логики районирования территории на административно-территориальные единицы, процессов изменения сети АТД, факторов формирования сети АТД, устойчивости и изменчивости сети АТЕ и сети административных центров, эволюции пространственной структуры АТД.

Таблица 3. Изменение числа АТЕ 1-го уровня в РСФСР в 1917–1987 гг.

Даты	Губернии и области	Советские области и края	АССР	АО	Национальные (автономные) округа
1917	56	–	–	–	–
1.1.1922	72	–	7	8	–
1.1.1923	63	–	11	14	–
1.1.1924	61	1	12	12	–
1.1.1925	51	2	9	15	–
1.1.1926	40	3	11	12	1
1.1.1927	38	4	11	12	1
1.1.1928	33	5	11	12	1
1.1.1929	16	8	11	13	1
1.1.1930	–	13	11	13	2
1.1.1931	–	14	11	14	10
1.10.1931	–	14	11	15	10
1.6.1933	–	24	12	14	10
15.7.1934	–	34	12	14	11
1.3.1937	–	32	17	6	9
1.10.1938	–	41	17	6	11
1.5.1940	–	41	16	6	10
1.7.1945	–	54	12	6	9
1.1.1947	–	56	12	6	10
1.5.1949	–	56	12	6	10
1.10.1950	–	56	12	6	10
1.1.1951	–	56	12	6	10
1.3.1954	–	61	12	6	10
1.1.1955	–	61	12	6	10
1.1.1958	–	55	14	7	10
1.1.1959	–	55	15	6	10
1.7.1960	–	55	15	6	10
1.1.1962	–	55	16	5	10
1.4.1963	–	55	16	5	10
1.1.1965	–	55	16	5	10
1.7.1967	–	55	16	5	10
1.7.1971	–	55	16	5	10
1.1.1980	–	55	16	5	10
1.1.1983	–	55	16	5	10
1.1.1987	–	55	16	5	10

Составлено автором.

В ходе формирования сети административно-территориального деления поочередно сменяются два противоположных процесса – разукрупнение единиц АТД и их укрупнение. Для системы АТД в целом характерна устойчивость, а периоды неустойчивости скоротечны.

Всякое радикальное нарушение устойчивости этой системы приводит, в конце концов, к ее разрушению и переустройству сетки единиц АТД, заканчивающемуся достижением нового устойчивого равновесия близкого к исходному. По прошествии некоторого времени

после проведения очередной реформы АТД, его система стремится вернуться в исходное состояние оптимального размера.

Для систем АТД в целом характерна все же большая устойчивость, нежели изменчивость и неустойчивость.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках бюджетной темы Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008 и Программы Президиума РАН № 53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Н.Т., Демьяненко А.Н., Жигло А.Н., Межевич М.Н. Методологические основы реформ административно-территориального устройства РСФСР в 20-х годах. Препринт научного доклада. СПб., 1992. 44 с.
2. Васильев А.П. Закономерности эволюции систем коммун Франции и общин Германии // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 135–143.
3. Васильев А.П. Пространственные закономерности эволюции административно-территориального деления Германии // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 26–36.
4. Герцен А.А. Эволюция административно-территориального деления Молдавии: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / Ин-т географии РАН. М., 2010. 31 с.
5. Жигло А.Н. Реформы административно-территориального устройства России в XX веке: историко-географический анализ. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук / СПбГУ. СПб., 1992. 17 с.
6. Колосов В.А. Политическая география: Проблемы и методы / отв. ред. С.Б. Лавров. Л.: Наука, 1988. 190 с.
7. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
8. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
9. Крылов М.П. О социальном значении некоторых мер по реформированию регионального устройства // Известия РАН. Сер. географ. 2013. № 3. С. 103–109.
10. Манаков А.Г. Наиболее вероятные последствия оптимизации административно-территориального деления региона // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 179–186.
11. Манаков А.Г. Изменение административно-территориального деления Северо-Запада России в советскую эпоху // Псковский регионологический журнал. 2015. № 24. С. 72–87.
12. Никульников Ю.С., Мосунов В.П., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.
13. Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2001. № 15. С. 1–32; № 21. С. 1–32; № 28. С. 4–37.
14. Тархов С.А. Этапы модернизации сети административно-территориального деления России за 300 лет // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2004. С. 188–209.
15. Тархов С.А. Административно-территориальное деление постсоветского пространства // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / Отв. ред. Ю.Г. Липец. М.: Ин-т геогр. РАН, 2005. С. 57–70.
16. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск–М.: Универсум, 2005. 384 с.
17. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
18. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
19. Файбусович Э.Л., Плеечанова В.В. О возможных изменениях в административно-территориальном делении Российской Федерации // Известия РАН. Сер. географ. 2013. № 2. С. 121–129.
20. Шульгин П.М., Шульгина О.В. Противоречивость тенденций изменения административно-территориального деления России в XX в. // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 278–297.
21. Шульгина О.В. Особенности, этапы и факторы формирования административно-территориального деления России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2009. Вып. 5. С.38–48.

Об авторе

Тархов Сергей Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Высшей школы урбанистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Для цитирования:

Тархов С.А. Основные направления географического изучения административно-территориального деления // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 6–15.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-1.

Key focuses in geographical studies of administrative division

S. A. Tarkhov^{1,2}

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

e-mail: tram.tarkhov@gmail.com

The main discourses of geographical studies of administrative-territorial division (ATD; the hierarchy of its units, configuration of ATD network, its topology, features of the distribution of neighbor's number and size of administrative-territorial units (ATU), spatial logics of division of the territory into

ATU, the processes of changes of ATD network, factors of changes of this network), its quantitative measures (number of hierarchy levels, number of ATU of each hierarchal level, spatial size of ATU, ratio of its number to the area size and population of each unit and its average value) and dynamics (increasing or decreasing of ATU number, its enlargement or disaggregation) are discussed. General trends of the evolution of the ATD at the country-level are revealed (alternate waves of enlargement and disaggregation of units of 1st hierarchic level; phases of enlargement and disaggregation are divided by lasting periods of sustained equilibrium; interruption of ATD system's equilibrium leads to its destruction and reorganization of the network of ATU, ending by the obtainment of new sustained equilibrium close to the original one).

Key words: administrative-territorial division (ATD), administrative-territorial units (ATU), changeability and stability of ATD, ephemera ATU.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 332.14: 911.9

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ КООПЕРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

© 2019 г. О. В. Кузнецова^{1,2}

¹ Федеральный исследовательский центр

«Информатика и управление» РАН, Москва, Россия

² Всероссийская академия внешней торговли, Москва, Россия

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

В статье рассматривается современное состояние межрегионального сотрудничества в России (взаимодействия органов власти субъектов РФ в социально-экономическом развитии регионов), актуальность которого возросла в связи с подготовкой стратегий развития макрорегионов. Выявляются препятствия для развития межрегионального сотрудничества: относительно низкая потребность в межрегиональном сотрудничестве в сравнении с межмуниципальным, дефицит средств региональных бюджетов для реализации межрегиональных проектов, сложности достижения договоренностей о пропорциях софинансирования таких проектов, недостаточность регламентации межрегионального сотрудничества в федеральном законодательстве. Предлагаются меры поддержки развития межрегионального сотрудничества со стороны федеральных властей: введение новых видов межбюджетных трансфертов – на софинансирование межрегиональных проектов, обусловленности создания новых особых экономических зон и их аналогов наличием согласованной позиции региональных властей макрорегиона по их специализации, обязательности формирования общей позиции региональных властей макрорегиона по содержанию стратегий развития этого макрорегиона.

Ключевые слова: макрорегионы, стратегии социально-экономического развития, межрегиональные ассоциации, сложносоставные регионы, корпорации развития, «горизонтальные» субсидии, Московский транспортный узел, Енисейская Сибирь.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2

Введение и постановка проблемы. Тема межрегионального сотрудничества – сотрудничества органов власти субъектов РФ в решении вопросов социально-экономического развития территорий – в последнее время была поднята в связи с необходимостью разработки стратегий социально-экономического развития макрорегионов, существование которых в системе российского стратегического планирования предусмотрено федеральным законом 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [18]. При этом состав и границы макрорегионов определяются в Стратегии пространственного развития РФ.

Необходимость выделения макрорегионов, разработки стратегий их развития вызвала в ходе обсуждения Стратегии пространственного развития РФ немало споров, поскольку смысл стратегий макрорегионов не вполне очевиден¹. По закону о стратегическом планировании, макрорегион – это два или более субъекта РФ, «социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования» [18, статья 3]. Из этой формулировки можно

¹ Макрорегионы могут выполнять в системе государственного управления очень разные функции [8].

сделать вывод, что макрорегиональный уровень стратегического планирования нужен как основа для федеральной региональной политики, т.е. разработки направлений и мер поддержки проблемных (или геостратегических) территорий. Однако такой подход вступает в противоречие с предлагаемой сеткой макрорегионов, например, совершенно очевидно, что с точки зрения федеральной региональной политики отдельным макрорегионом является Крым, но Республика Крым и город Севастополь – это субъекты РФ в составе Южного макрорегиона, совпадающего с Южным федеральным округом. Не все макрорегионы нуждаются в особой федеральной поддержке, т.е. не нужны стратегии развития всех макрорегионов. Кроме того, вряд ли разработка стратегий развития макрорегионов принесет что-то принципиально новое в региональную политику федеральных властей, поскольку роль таких стратегий в определенной степени уже выполняют государственные программы по направлению «региональное развитие».

В федеральном законе о стратегическом планировании говорится также, что стратегии развития макрорегионов «разрабатываются и корректируются в целях обеспечения согласованности проведения в территориальном и временном отношении мероприятий, предусмотренных стратегией пространственного развития РФ, отраслевыми документами стратегического планирования РФ, стратегиями социально-экономического развития субъектов РФ, генеральными схемами, плановыми и программно-целевыми документами государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием, в соответствии с положениями, определенными стратегией национальной безопасности РФ, стратегией социально-экономического развития РФ, а также на основе данных прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период» [18, статья 21, пункт 2]. Эта формулировка фактически означает, что стратегии развития макрорегионов конкретизируют Стратегию пространственного развития, однако это тоже не имеет особого смысла. Так, например, для реализации последней уже утвержден комплексный план модернизации и расширения магистральной

инфраструктуры², и вряд ли федеральные власти смогут изыскать значительные дополнительные объемы финансирования на проекты, которые могут появиться в стратегиях развития макрорегионов.

Следовательно, необходим поиск каких-то задач, которые могли бы решать стратегии развития макрорегионов, не дублируя уже решаемые задачи. В ходе выполнявшейся в 2018 г. в СОПС ВАВТ Минэкономразвития России прикладного экономического исследования по теме «Разработка предложений по реализации приоритетных направлений социально-экономического развития макрорегионов» были предложены две такие задачи.

Первая – решение с помощью системы макрорегионов проблемы чрезмерной дробности политико-территориального деления России без проведения крайне сомнительной реформы по укрупнению субъектов РФ. Совершенно очевидно, что при существующих очень небольших размерах многих регионов предоставление в каждом субъекте РФ всего спектра необходимых населению социальных услуг (прежде всего, в сфере образования и здравоохранения) невозможно. Поэтому можно решать задачу обеспечения всех видов социальных, да и рыночных услуг именно в границах макрорегионов, предусматривая при этом нормальную транспортную доступность макрорегиональных центров для всех жителей макрорегиона. Правда, возможности реализации этой задачи сократились в связи с итоговым вариантом выделения макрорегионов, когда были существенно расширены границы Дальнего Востока, да и макрорегионы в конечном итоге сформированы не только и не столько с учетом транспортной доступности макрорегиональных центров, сколько существующих границ федеральных округов (фактически в четырех крупных федеральных округах было выделено по два макрорегиона).

Вторая задача, которую могут решать стратегии макрорегионов – стать основой для институционализации межрегионального сотрудничества. Конечно, сотрудничать могут не только соседние или близко расположенные субъекты РФ, однако в границах макрорегионов оснований для сотрудничества все-таки больше (могут быть совместные

² Этот план был утвержден даже раньше самой Стратегии пространственного развития РФ – правительственным распоряжением от 30 сентября 2018 г.

инфраструктурные проекты, межрегиональные кластеры и т.п.). О необходимости сотрудничества и кооперации регионов впоследствии много говорят (часто противопоставляя конкуренции регионов), однако о конкретных действиях в этом направлении мало что известно. Поэтому в данной статье мы обобщаем существующий опыт межрегионального взаимодействия, выделяем препятствия и предпосылки для его дальнейшего развития.

Обзор ранее выполненных исследований. Вопросы межрегионального сотрудничества, на наш взгляд, относятся к одной из слабо разработанных тем регионалистики. Научных работ по межрегиональному сотрудничеству на первый взгляд немало, однако этот термин трактуется по-разному. Во-первых, под межрегиональным сотрудничеством часто имеется в виду сотрудничество российских регионов с регионами соседних стран, включая приграничное сотрудничество ([7] – типичный пример). Во-вторых, также нередко при анализе межрегионального сотрудничества внимание уделяется сотрудничеству предприятий регионов – географии взаимных поставок сырья и комплектующих, готовой продукции, а не взаимодействию региональных властей (например, [15]). Авторы, занимающиеся комплексным анализом сотрудничества именно региональных органов власти, единицы [2, 5, 11]. Несколько лучше ситуация с исследованием отдельных аспектов межрегионального сотрудничества.

В научной литературе в явном или неявном виде, конечно, обсуждаются собственно цели межрегионального сотрудничества, более широко – взаимодействия органов власти соседних территориальных единиц. Важный вывод, который можно сделать из обобщения существующих работ, – такое сотрудничество является хорошим способом преодолеть недостатки системы административно-территориального деления. В каких-то случаях необходима уже упомянутая экономия на масштабе предоставления общественных услуг, в других приходится сталкиваться с проблемой границ, разделяющих на части единые агломерации (чаще всего отделяющих их центр от периферии). Такие ситуации гораздо чаще возникают на уровне муниципальных образований, а не более крупных территориальных единиц, поэтому межмуниципаль-

ное сотрудничество и в мире, и в России развито гораздо больше, чем межрегиональное. Есть публикации по зарубежному опыту межмуниципального сотрудничества [12]. В России, к примеру, обсуждался опыт создания образовательных округов для развития школьного образования [13]. Наличие гораздо больших предпосылок для развития именно межмуниципального, а не межрегионального сотрудничества прослеживается и на уровне официальных документов. Так, в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» есть целая глава, посвященная межмуниципальному сотрудничеству, при отсутствии даже упоминания такого вопроса в законе об органах власти субъектов РФ. В разработанных в свое время Минрегионом России рекомендациях по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества тоже хорошо виден явный крен в сторону последнего [16].

Если обобщить имеющуюся информацию по форматам взаимодействия субъектов РФ, то основных их два: межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия и договора/соглашения между отдельными субъектами РФ (чаще двусторонние, но не только).

Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия появились в России еще в начале 1990-х гг. в соответствии с президентским указом еще от 11 ноября 1991 г. № 194, посвященному именно взаимодействию регионов в проведении экономической реформы. В дальнейшем был принят федеральный закон от 17 декабря 1999 г. № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации». По закону, ассоциация – это некоммерческая организация, учредителями которой являются органы государственной власти субъектов РФ, и которая создается на добровольной основе в целях межрегиональной интеграции и социально-экономического развития субъектов РФ. О межрегиональных ассоциациях довольно много говорили, но примерно до середины 2000-х гг. ([6], есть целый ряд публикаций по опыту отдельных ассоциаций). После этого роль межрегиональных ассоциаций и, соответственно, интерес к ним заметно ослабли; в настоящее время эта тема практически не обсуждается.

Межрегиональные соглашения становились объектом анализа в научных публикациях, но, к сожалению, чаще всего речь идет о примерах отдельных регионов (например, в [14] рассматривается опыт Москвы, в [9] – Кировской области, [4] – наиболее актуальный вопрос соглашений с Крымом). Из этих публикаций сложно сделать выводы о реальных масштабах явления в стране, значении подписанных соглашений для социально-экономического развития регионов. Но в рамках нашей статьи эта тема и не имеет особого значения, поскольку мы говорим все же о межрегиональном сотрудничестве субъектов РФ, которые, пусть и с большой долей условности, но претендуют на вхождение в единый экономический район. Вместе с тем важным исключением, о котором пойдет речь ниже, являются соглашения в сложносоставных субъектах РФ.

Кроме того, можно выделить еще два формата межрегионального сотрудничества:

- совместное учреждение органами власти субъектов РФ юридических лиц, например, корпорации развития. Такие примеры единичны, и анализ их опыта в научных исследованиях, насколько нам известно, пока не получил отражения;

- софинансирование проектов в рамках т.н. «горизонтальных» межбюджетных трансфертов, т.е. средств, передаваемых из бюджета одной территории бюджету другой территории (того же уровня в иерархии административно-территориальных единиц). Этот формат межрегионального сотрудничества в России только формируется, поэтому пока есть работы, посвященные анализу зарубежного опыта в этой сфере [3].

На основе обобщения существующих исследований межрегиональное сотрудничество целесообразно разделить, на наш взгляд, на два принципиально разных блока: финансовый и нефинансовый. Нефинансовое взаимодействие, т.е. не требующее сколько-нибудь значимых бюджетных вложений со стороны субъектов РФ, развито в России довольно хорошо, в т.ч. в рамках межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия. К нефинансовому направлению межрегионального сотрудничества можно отнести:

- информационное взаимодействие – обсуждение региональными властями тех или иных вопросов социально-экономическо-

го развития территорий, обмен мнениями и лучшими практиками, выработка общей позиции по отношению к иницируемым федеральными властями реформам;

- взаимодействие регионов при формировании своей нормативно-правовой базы (такой опыт рассматривается в [1]), возможна даже унификация регионального законодательства;

- с некоторой долей условности – взаимодействие в культурной сфере.

Вместе с тем одна из важных составляющих нефинансового взаимодействия субъектов РФ – согласование стратегий их социально-экономического развития – практически не развита [10]. Очень немного примеров сотрудничества регионов в финансовой сфере, т.е. совместного финансирования проектов, подразумевающих значимые вложения со стороны региональных бюджетов. Тем не менее авторы существующих публикаций, представители федеральных и региональных органов власти говорят о том, что потенциал развития межрегионального сотрудничества далеко не исчерпан, и дальнейшие шаги в этом направлении необходимы, в пользу чего приводится ряд аргументов:

- необходимо развитие инфраструктуры межрегионального значения, в т.ч. связывающих соседние регионы транспортных коммуникаций;

- важно согласование стратегий социально-экономического развития регионов, поскольку, как минимум, необходимо обеспечить оптимальное размещение инфраструктурных объектов (например, далеко не в каждом регионе нужен авиационный хаб) и территориальное разделение труда (поддержка однотипных инвестиционных проектов в соседних регионах приводит к перепроизводству товаров и неоправданному расходованию средств на государственную поддержку таких проектов).

Материалы и методика исследования. Исходя из сказанного выше, задача данной статьи – более детально посмотреть на существующий актуальный опыт взаимодействия регионов, прежде всего в рамках финансового направления межрегионального сотрудничества, для выявления существующих проблем и препятствий для развития такого, и на этой основе сформулировать предложения по возможностям активизации межрегионального сотрудничества, созда-

ния стимулов его развития в рамках федеральной политики.

Проведение такого исследования может основываться только на анализе оперативной информации: Интернет-сайтов структур межрегионального сотрудничества (межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, учрежденных субъектами РФ юридических лиц), сообщений в СМИ о результатах деятельности таких структур, комментариях представителей региональных органов власти о состоянии дел в межрегиональном взаимодействии. Кроме того, мы анализируем проекты федеральных нормативно-правовых актов, касающихся вопросов межрегионального сотрудничества.

Полученные результаты и их обсуждение. Остановимся, прежде всего на современном положении дел с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия. Количество и состав этих ассоциаций неоднократно менялись [6, 8], в том числе в связи с переходом от экономических районов к федеральным округам. К концу 2018 г. в России осталось только 6 ассоциаций:

- «Центральный федеральный округ», состав которой отражает ее название;
- «Стратегическое партнерство «Северо-Запад», объединяющее субъекты РФ Северо-Западного федерального округа;
- «Юг», соответствующая Южному федеральному округу;
- «Северный Кавказ» в границах Северо-Кавказского федерального округа;
- «Сибирское соглашение», куда помимо субъектов РФ Сибирского федерального округа входят Тюменская область и Ханты-Мансийский АО и продолжают входить Республика Бурятия и Забайкальский край;
- «Дальний Восток и Забайкалье» – Дальневосточный федеральный округ в нынешних его границах.

Как видим, в числе действующих межрегиональных ассоциаций нет объединений субъектов РФ Приволжского и Уральского федеральных округов (ранее существовали ассоциации «Большая Волга» и «Большой Урал»), что само по себе уже свидетельствует о проблемах этого института межрегионального взаимодействия. Интернет-сайт ассоциации «Северный Кавказ» несколько месяцев находится в состоянии разработки, что тоже ставит под вопрос наличие реальной деятельности структуры. Таким об-

разом, можно говорить о более или менее реальном функционировании только пяти межрегиональных ассоциаций при восьми федеральных округах.

Падение интереса региональных властей может быть связана с разными факторами, в том числе с трансформацией системы взаимодействия федеральных и региональных властей (в 1990-е гг. ассоциации часто представляли консолидированное мнение регионов в федеральных структурах). Но, дело, скорее всего, в общих проблемах экономического взаимодействия субъектов РФ, которые станут более очевидными по другим его примерам.

Вместе с тем отметим, что сам по себе федеральный закон о межрегиональных ассоциациях можно назвать довольно удачным. В нем предусматривается обширный перечень целей и задач ассоциаций, который позволяет организовывать межрегиональное сотрудничество по любым его направлениям, в том числе активно обсуждаемым в настоящее время. Например, ассоциации могут готовить предложения по вопросам рационального использования экономических потенциалов субъектов РФ; обеспечивать взаимодействие субъектов РФ по организационному, экономическому, научно-техническому и социальному развитию регионов; участвовать в разработке и реализации совместных программ и проектов, в том числе федерального значения; изучать рынок труда для разработки совместных мер по обеспечению максимальной занятости населения, дополнительного профессионального образования кадров; создавать комплексные информационные структуры и формировать банки данных, необходимых для принятия оптимальных управленческих решений и целый ряд других.

Одной из нетипичных структур межрегионального взаимодействия стало ОАО «Корпорация развития», учрежденная в 2006 г. как ОАО «Корпорация «Урал Промышленный – Урал Полярный» (переименование произошло в 2012 г.). Соучредителями корпорации стали Тюменская область и автономные округа, Свердловская и Челябинская области.

На 2018 г. «Корпорация развития» сообщает о таких своих проектах: железнодорожная магистраль «Северный широтный ход»; мост через реку Надым; инфраструк-

тура «Транснефти» в Ямало-Ненецком АО; ТЭС «Полярная» и ТЭС «Харп-12» в том же Ямало-Ненецком АО; «Повышение энергоэффективности тепловых источников. Малая генерация (котельные), Челябинская область»; «Полярный кварц» в Ханты-Мансийском АО. Как видим, межрегиональных проектов, ради которых и необходимо развивать межрегиональное сотрудничество, почти нет. Подавляющее большинство проектов значимы для отдельных субъектов РФ. Из этого следует не только уже названная проблема дефицита проектов межрегионального значения, но и неизбежно возникающие конфликты между регионами по поводу значимости совместно учрежденного института и, соответственно, об адекватности финансового вклада каждого из субъектов РФ в деятельность корпорации. Кроме того, «Корпорации развития» не удалось избежать довольно типичной российской проблемы – эффективно расходования средств в принципе.

Пожалуй, самым наглядным примером того, что одной из ключевых проблем межрегионального сотрудничества является сложность достижения договоренностей между субъектами РФ по пропорциям финансирования совместных мероприятий, является опыт сложносоставных субъектов РФ. Их на сегодняшний день осталось, как известно, только два: Тюменская область с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским АО и Архангельская область с Ненецким АО. Сотрудничество внутри сложносоставных субъектов определяется договорами между органами государственной власти регионов; в Тюменской области еще есть программы по реализации такого договора. Автономные округа, конечно, не заинтересованы в укрупнении субъектов РФ и ликвидации собственной самостоятельности, поэтому договоренности внутри сложносоставных субъектов РФ достигаются. Однако в СМИ периодически появляется информация о возникающих вокруг межбюджетных отношениях конфликтных ситуациях.

Еще одним примером отсутствия большого числа проектов межрегионального значения, даже если со стороны регионов есть желание организовывать межрегиональное взаимодействие, является Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь». С идеей разработки такого проекта главы трех регионов – Красноярского края, Республики

Хакасия и Республики Тыва – обратились к президенту страны В. Путину в начале 2018 г., когда шла разработка Стратегии пространственного развития РФ. Фактически это обращение стало инициативой создания макрорегиона «снизу». Правда, в результате присоединения Республики Бурятия и Забайкальского края к Дальневосточному федеральному округу был сформирован Ангаро-Енисейский макрорегион, включающий в себя еще Иркутскую область (изначально предусматривался Байкальский регион, традиционно включавший в себя Бурятию, Забайкальский край и Иркутскую область).

Если посмотреть на предлагаемый перечень отдельных проектов, входящих в комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь», то из более чем 30 проектов однозначно межрегиональных только два:

- строительство железнодорожной линии «Элегест – Кызыл – Курагино» в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва (это уже далеко не первая попытка реализовать такой проект);

- создание трансграничного автомобильного коридора «Красноярск – Абакан – Кызыл – Хандагайты – Улангом – Ховд – Урумчи».

Остальные проекты, безусловно, могут иметь мультипликативный эффект, способствовать кооперации предприятий внутри макрорегиона. Вместе с тем, нет убедительных аргументов в пользу того, что такие проекты не могут быть реализованы и без формирования комплексного инвестиционного плана, и что речь не идет лишь о новой попытке руководителей регионов привлечь внимание федеральных властей на давно обсуждаемые проекты. Еще одним реанимированным проектом (помимо железной дороги в Тыву) является проект развития Ангаро-Енисейского экономического района, предусматривающего в том числе строительство целлюлозно-бумажного комбината в Красноярском крае (строительство ЦБК фигурировало в комплексном проекте развития Нижнего Приангарья, который получил поддержку Инвестиционного фонда РФ, но во второй половине 2000-х гг. инвестора на ЦБК так и не нашли).

Несколько настораживающим фактом является то, что, насколько нам известно, на протяжении уже нескольких месяцев после появления инициативы по «Енисейской Сибири», других аналогичных инициатив

со стороны субъектов РФ не появилось (по крайней мере в открытом информационном пространстве о них речь не идет). Поэтому возникает вопрос о возможности тиражирования опыта «Енисейской Сибири».

Пример «Енисейской Сибири» важен еще и тем, что в реализации межрегионального сотрудничества региональные власти рассчитывают на участие федеральных властей, которое в нынешних реалиях неизбежно из-за дефицита финансовых ресурсов на местах. В какой-то мере федеральные власти могут помочь и в достижении договоренностей между органами власти субъектов РФ. В этом отношении показателен пример АНО «Дирекция Московского транспортного узла», участником которой являются не только Москва и Московская область, но и федеральные структуры.

Таким образом, для развития финансово-хозяйственного сотрудничества регионов есть несколько объективных препятствий:

– в какой-то мере недостаточность регламентации такого рода сотрудничества в нормативно-правовых актах. Вместе с тем это далеко не самое главное, поскольку эксперты довольно единодушно говорят о том, что, например, при отсутствии в Бюджетном кодексе РФ норм по «горизонтальным» субсидиям (по которым сейчас вносятся поправки в кодекс), подобного рода субсидии Бюджетный кодекс РФ не запрещал. Возможны были и другие разнообразные и уже рассмотренные выше форматы софинансирования проектов. Поэтому двигаться в сторону более детальной регламентации форм межрегионального сотрудничества необходимо, но это скорее надо рассматривать как методическую помощь властям субъектов РФ, а не снятие формальных ограничений на развитие сотрудничества;

– отсутствие в региональных бюджетах свободных средств, которые можно было бы выделить на реализацию программ межрегионального сотрудничества, и это, пожалуй, главное препятствие для дальнейшего продвижения в рассматриваемой сфере. Наверняка многие субъекты РФ не отказались бы от организации строительства хороших автомобильных дорог, скоростных железных дорог между своими регионами (региональными центрами), но у них на это просто нет средств. Поэтому, опять-таки, реальные перспективы развития межрегионального

сотрудничества в обозримой перспективе есть у тех субъектов РФ, которые на сегодняшний день имеют высокий уровень бюджетной обеспеченности. Условно, таковыми можно считать т.н. регионы-«доноры» – субъекты РФ, которые не получают дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ;

– далеко не всегда даже у соседних субъектов РФ есть объективная потребность в реализации совместных проектов или каких-то других форм финансово-хозяйственного взаимодействия (что, конечно, не отменяет необходимости информационного взаимодействия). Точнее, такие проекты при желании всегда можно предложить, но все равно это не снимет вопроса о недостаточно высокой приоритетности таких проектов. Например, в глазах жителей дополнительные вложения в развитие образования или здравоохранения в регионе наверняка будут выглядеть гораздо более разумным решением, нежели более абстрактный проект по усилению связности с соседним субъектом РФ. В отношении приоритетности межрегиональных проектов по сравнению с остальными расходами региональных бюджетов неизбежно будут возникать вопросы и при оценке эффективности региональных расходов федеральными органами власти;

– в условиях отсутствия серьезных традиций межрегионального сотрудничества, предусматривающего наличие определенного опыта достижения договоренностей по объемам софинансирования тех или иных расходов, неизбежным оказывается возникновение если не конфликтных, то спорных ситуаций по определению долей участия субъектов РФ в проектах межрегионального значения. Причем эта проблема тем острее, чем меньше финансовые ресурсы в бюджетах регионов. Соответственно, для решения этой проблемы необходима выработка методических рекомендаций по оценке долей участия субъектов РФ в совместных проектах. Эти же методы рекомендации могут лежать в основе и оценки эффективности проектов межрегионального сотрудничества в рамках оценки расходов региональных бюджетов.

Таким образом, развитие межрегионального сотрудничества – это перспектива, прежде всего, для «богатых» регионов. Исходя из этого, важнейшей задачей становится фе-

Таблица 1. Механизмы развития межрегионального сотрудничества на федеральном и региональном уровнях

Механизм	Создание стимулов для межрегионального взаимодействия на федеральном уровне	Действия на региональном уровне
Согласование планов развития субъектов РФ в макрорегионе, прежде всего, в ходе разработки стратегий развития макрорегионов.	Запрос в субъекты РФ на коллективные – от субъектов РФ макрорегиона – предложения в стратегии развития макрорегионов (через аппараты полпредов Президента РФ в федеральных округах или межрегиональные ассоциации).	Подготовка коллективных – от субъектов РФ макрорегиона – предложений в стратегии социально-экономического развития макрорегионов.
Информационное взаимодействие в разных сферах.	В дополнительных стимулах не нуждается, но может быть условием для дополнительной федеральной финансовой поддержки (см. следующий пункт).	Обсуждение совместных планов развития, унификация инвестиционного законодательства, создание совместных Интернет-ресурсов.
Формирование новых инвестиционных проектов макрорегионального значения, реализуемых с участием федерального бюджета.	Внедрение нового вида федеральных субсидий региональным бюджетам – на поддержку проектов межрегионального значения. Введение обусловленности принятия решений о применении механизмов развития территорий (особых экономических зон, территорий опережающего развития, индустриальных парков и т.п.) наличием согласованных субъектами РФ решений о специализации таких территорий.	Формирование Комплексных инвестиционных планов развития макрорегионов, включающих в себя перечень новых территорий локализации инвестиций с их специализацией.
Совместное финансирование проектов / мероприятий регионами.	Разработка методических рекомендаций по внедрению системы «горизонтальных» субсидий.	Внедрение системы «горизонтальных» субсидий.
Содействие развитию взаимодействия хозяйствующих субъектов макрорегиона (формированию межрегиональных кластеров, созданию цепочек добавленной стоимости, поиску поставщиков в субъектах РФ макрорегиона).	Разработка методических рекомендаций по выделению межрегиональных кластеров, созданию условий для их дальнейшего развития, а также для формирования цепочек добавленной стоимости.	Проведение в макрорегионах аналитической работы по выделению межрегиональных кластеров. Проведение мероприятий (выставок, форумов) для организации взаимодействия предприятий субъектов РФ. Достижение договоренностей о совместной работе по содействию развитию инфраструктуры кластеров (развитие образования и др.).

деральная финансовая поддержка межрегионального сотрудничества. Причем это должны быть специально выделяемые средства именно на проекты межрегионального значения. Что, конечно, не отменяет необходимости ряда других мер, в обобщенном виде представленных нами в таблице 1.

Выводы. Таким образом, в целом перспективы развития межрегионального сотрудничества в России выглядят неоднозначными. Точнее, нефинансовое взаимодействие региональных властей, в становлении которого достигнуты хорошие результаты (за исключением согласования стратегий социально-экономического развития регионов), продолжит активно развиваться и дальше. Для дальнейшего продвижения в развитии финансового взаимодействия региональных властей, в реальной координации направлений из социально-экономического развития, далеко не всегда существуют объективные предпосылки:

- необходимость экономии на масштабе или преодоления проблемы разделяющих на части агломерации административных границ, которая является важной основой для сотрудничества органов власти соседних территориальных единиц, очевидна на уровне муниципальных образований, но не всегда на уровне субъектов РФ,

- реализация совместных проектов субъектами РФ часто сталкивается с дефицитом

бюджетных ресурсов на реализацию таких проектов, а даже при высокой бюджетной обеспеченности возникают конфликты по определению объемов софинансирования совместно реализуемых регионами мероприятий.

Поэтому для дальнейшего развития межрегионального сотрудничества, потенциал которого все же существует, как представляется, нужны определенные усилия не только со стороны самих региональных, но и федеральных властей:

- значимой мерой может стать формирование отдельного направления финансовой поддержки социально-экономического развития регионов (например, нового вида межбюджетных субсидий), предоставляемой на реализацию исключительно межрегиональных проектов,

- не исключено инициирование развития межрегионального сотрудничества (в том числе путем внесения поправок в федеральные нормативно-правовые акты), например, коллективное участие субъектов РФ в разработке стратегий социально-экономического развития макрорегионов, введение обязательности межрегиональных согласований проектов создания особых экономических зон и их аналогов,

- разработка методических рекомендаций, распространению лучших практик по развитию межрегионального сотрудничества, прежде всего внедряемых «горизонтальных» субсидий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Л.В.* Опыт взаимодействия региональных парламентов Поволжского региона // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении. Сб. статей. Казань, 2016. С. 51–67.
2. *Бакуменко О.А.* Межрегиональное взаимодействие как фактор развития региональных социально-экономических систем (на примере Северо-Западного федерального округа): Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Псков, 2017. 179 с.
3. *Богачева О.В., Феоктистова О.А.* «Горизонтальные» межбюджетные трансферты: опыт зарубежных стран и возможность применения в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 24 (258). С. 55–68.
4. *Борщик Н.Д.* Межрегиональные связи субъектов Российской Федерации: теория и практика // Политика, экономика и инновации. 2016. № 3 (5). С. 1–6.
5. *Бурак П.И., Ростанец В.Г., Топилин А.В.* Межрегиональные и межмуниципальные связи в экономике Российской Федерации: перспективы развития и пути координации. М.: Научный консультант, 2017. 225 с.
6. *Климанов В.В.* Региональные системы и региональное развитие в России. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
7. *Кудин К.Ю.* Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы: Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 173 с.
8. *Кузнецова О.В.* Система макрорегионов в экономическом пространстве России // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 33–43.
9. *Ларионова Н.А.* Соглашения о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации как механизм государственного регулирования межрегиональных связей // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 7 (430). С. 142–152.
10. *Мартынов В.В., Сазонова И.Е.* Межрегиональное взаимодействие в «Стратегиях развития» субъектов Федерации (на примере Северо-Западного экономического района) // Псковский регионалистический журнал. 2014. № 20. С. 21–31.

11. Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А., Малышев Д.П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона. Псков: Псков. гос. ун-т, 2017. 118 с.
12. Одинцова А.В. Межмуниципальное сотрудничество: уроки зарубежного опыта // Федерализм. 2013. № 2 (70). С. 145–158.
13. Орлова Е.Р., Кошкина Е.Н. Формирование нового образовательного пространства в российских регионах // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. 2010. № 1. С. 6–18.
14. Рогачева Л. Межрегиональные связи как фактор формирования гражданского общества и укрепления государства // Власть. 2010. № 5. С. 20–23.
15. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие как фактор роста экономики. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 76 с.
16. Методические рекомендации по организации межрегионального и межмуниципального сотрудничества в сфере реализации расходных полномочий и вопросов местного значения / Министерство регионального развития РФ. М., 2009. 40 с. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/municipal/info/metodicheskie_rekomendacii.pdf (дата обращения: 01.12.2018).
17. ОАО «Корпорация развития». URL: <http://www.cupp.ru/> (дата обращения: 15.11.2018).
18. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Об авторе

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН; заместитель председателя Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России, г. Москва.

Для цитирования:

Кузнецова О.В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 16–25.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-2.

Interregional interaction in Russia: prospects of cooperation of regional authorities

O. V. Kuznetsova^{1,2}

¹ Federal Research Center «Computer Science and Control»
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

The article discusses the current state of interregional cooperation in Russia (interaction of the regional authorities in the socio-economic development of the regions), the relevance of which has increased in connection with the preparation of strategies for the development of macroregions. Obstacles to the development of inter-regional cooperation are identified: a relatively low need for interregional cooperation in comparison with intermunicipal, a shortage of regional budgets for the implementation of inter-regional projects, the difficulty of reaching agreements on the proportions of co-financing such projects, the lack of regulation of interregional cooperation in federal legislation. Measures to support the development of interregional cooperation by the federal authorities are proposed: the introduction of new types of interbudgetary transfers – to co-finance interregional projects, the conditionality of the creation of new special economic zones and their analogues by the presence of a coordinated position of the regional authorities of the macroregion on their specialization, the obligation to form a common position of the regional authorities of the macroregion on the content of development strategies of this macroregion.

Key words: macro-regions, strategies of socio-economic development, interregional associations, composite regions, development corporations, «horizontal» subsidies, Moscow transport unit, Yenisei Siberia.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ НАЛОГ

© 2019 г. А. Н. Пилясов^{1,2,*}, А. О. Богодухов^{2,**}

¹Институт регионального консалтинга (АНО «ИРК»), Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: pelyasov@mail.ru

**e-mail: andrej.bogodukhov.98@mail.ru

Пространственное распределение ставок регионального транспортного налога является интересным и новым объектом экономико-географического исследования, синтезирующим анализ территориальных структур и институтов. Предпринятое исследование по материалам 2018 г. позволило сделать несколько выводов: 1) регионы Сибири и Дальнего Востока отличаются от регионов Центральной России более низкими ставками транспортного налога по многим видам транспортных средств и интервалам мощности двигателя; 2) обнаруживается меридианная цепочка регионов от Республики Коми до Республики Башкортостан с максимальными ставками транспортного налога на маломощные мотоциклы и легковые автомобили (до 45 л. с.); 3) внутри Центральной России обнаруживается устойчивый «клин» регионов по оси «Смоленск-Пермь» с низкими ставками транспортного налога на джипы-внедорожники и супербайки. Обнаруженные территориальные структуры и кластеры регионов со сходными ставками транспортного налога подтверждают наличие пространственного измерения у экономических институтов, возможность и необходимость его выявления и анализа.

Ключевые слова: территориальные структуры российского пространства, региональный транспортный налог, пространственное измерение институтов.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-3

Введение, постановка проблемы и обзор ранее выполненных исследований по теме. В последние годы российские экономико-географы активно осваивают институциональный подход для исследований классических сюжетов нашей науки: изучения системы расселения, размещения производительных сил и инвестиционной привлекательности регионов, пространственного развития [3, 5, 8, 11]. С другой стороны, с 1980-х гг. существует обширный блок экономико-географической литературы по территориальным структурам и роли транспорта (транспортных сетей, линейно-узловой каркаса), транспортной освоенности в их формировании и реконструкции [1, 2, 4, 7, 12].

Однако работ, интегрирующих эти два направления, по территориальным институциональным структурам, в которых предпринимаются попытки картировать институты, выявлять пространственные закономерности в распределении институтов по всей России, насколько нам известно, пока нет. А это исключительно интересный сюжет, актуальность которого в контексте недавно принятой Стратегии пространственного развития

России [10], которая как раз и нацелена на выявление эффективных структур пространства страны в интересах ее более динамичного развития, не вызывает сомнений.

Замысел данной статьи как раз и состоял в том, чтобы на примере регионального транспортного налога осуществить интеграцию институционального подхода (нормы, нормативы, правовые рамки) с концепцией территориальных структур – увидеть пространственную структурность в распределении институтов (в нашем случае региональных ставок транспортного налога) по регионам России. Сама постановка этой задачи не является совершенно новой: и до нас исследователи проводили сопоставление региональных ставок транспортного налога по отдельным федеральным округам, отдельным обособленным или соседним регионам. Новым является масштаб предпринятого исследования (и в силу этого и большая его трудоемкость) – все регионы Российской Федерации и по всем видам транспортных средств, с которых взимается транспортный налог.

Несмотря на новизну нашего исследовательского замысла, у нашей работы,

несомненно, есть прямые предшественники. Только искать их нужно не среди тех, кто занимается транспортом, транспортным налогом или экономическими институтами. Это советская школа географической экспертизы нормативов, основоположником которой был замечательный иркутский экономико-географ Кирилл Петрович Космачев. Именно его работа [6] вдохновила нас предпринять данное исследование. Наша работа может рассматриваться в этом же русле – как попытка первичной «экспертизы» географического распределения нормативов транспортного налога в пространствах России.

Транспортный налог, ставки которого устанавливают сами законодательные органы субъектов Российской Федерации, – исключительно благодарный объект экономико-географического исследования. В отличие от других региональных налогов на прибыль, на имущество организаций, на игорный бизнес – он очень географичный по своей сути.

С одной стороны, он хорошо «схватывает» ландшафтные особенности местности за счет того, что речь, по сути, идет не об одном, а о целом семействе налогов на наземные, речные, воздушные транспортные средства. Понятно, что в регионах с развитой гидрографической сетью у населения будет больше речных катеров и моторных лодок и налог на водные транспортные средства будет иметь большее значение для местных сообществ, чем в соседнем, «маловодном» регионе. Географическая зональность российского пространства хорошо диагностируется в распространности снегоходов: в арктических и северных регионах местные сообщества острее реагируют на ставки этого транспортного налога, чем, например, в Астраханской области, где его влияние на индивидуальную мобильность населения ничтожно.

С другой стороны, транспортный налог связан с инфраструктурной обустроенностью регионального пространства, которая определяет наличие у населения определенного транспортного средства. Например, в дорожно обустроенных пространствах Центральной России сравнительно больше доля бюджетных автомобилей малой и средней мощности – в то время как в регионах Дальнего Востока с редкой и плохой по качеству дорожной сетью выше доля мощных внедорожников.

Транспортный налог – предельно «атомарный», в максимальной степени привязан к конкретным физическим лицам: по итогам 2017 г. их доля в сборе этого налога составила 82,4% [17]. Можно сказать, что транспортный налог «снизу» отражает особенности свойств конкретного пространства и уклада жизни местных сообществ (хотя, конечно, если бы это был не региональный, а местный, муниципальный, налог, точность характеристики местного пространства была бы много большей, учитывая обширность территории типового российского региона Сибири и Дальнего Востока). По исходному федеральному замыслу это именно налог на транспорт как средство перемещения в пространстве по наземным, водным и воздушным каналам, как средство мобильности, а не грузовой работы. Транспортные средства, которые выполняют основную коммерческую работу: железнодорожный транспорт, морские речные и воздушные суда для грузовых и пассажирских перевозок и рыбного промысла, тракторы, комбайны, спецмашины для производства сельхозпродукции, – транспортным налогом не облагаются [9].

Такая природа транспортного налога позволила нам по-новому понять его сущность: для нас первична не фискальная его функция (для многих регионов его доля в структуре бюджетных доходов просто ничтожна), а его роль в диагностике особенностей индивидуальной мобильности жителей российских регионов. Именно поэтому акцент в исследовании сделан на транспортные средства физических лиц (легковые автомобили, снегоходы, моторные лодки, речные катера), которые эту мобильность обеспечивают. Нас интересовала мобильность людей в российском пространстве, «схваченная» через показатель ставок регионального транспортного налога.

Материалы и методика исследования.

Основным источником информации для нашего исследования послужили данные по налоговым ставкам по транспортному налогу по регионам России 2018 г. [13], которые вводились в файл в формате Excel для последующей работы. В ходе этой работы мы встретили 45 случаев, когда регионы изменяли общепринятую шкалу мощности транспортного средства для целей налогообложения – как правило, делали ее менее дробной; значительно реже, наоборот, детализировали.

Например, по автобусам вместо общепринятой градации – менее 110 л. с., 110–200 л. с., более 200 л. с., Астраханская область приняла градацию: менее 130 л. с., 130–200 л. с., более 200 л. с.

Для того чтобы унифицировать шкалы мощностей для всех регионов, потребовалось вводить новые интервальные шкалы – даже в том случае, когда только один-два региона отступали от общераспространенной шкалы интервалов мощности (в этом случае для остальных 83–84 регионов мы повторяли налоговые ставки соседнего интервала). В итоге, чтобы учесть все 45 случаев отхода регионов от общераспространенной, исходной шкалы налогообложения, мы получили набор шкал, которая более детализирована, чем первоначальная (табл. 1).

Помимо данных по региональному транспортному налогу, мы использовали также информацию Росстата (прежде всего по подушевым денежным доходам, числу личных легковых автомобилей и плотности автодорог) [16]; аналитического агентства Автостат по самым распространенным моделям транспортных средств в стране в целом¹ [14]; данные по продажам автомобилей в России [15] и данные интернет-сайтов для определения «портрета» каждого вида транспортного средства в контексте его разбивки на главные градации по мощности для взимания транспортного налога.

Методика нашего исследования включала три этапа. На первом, «грубом», рекогносцировочном, предпринимались усилия по определению причинно-следственных связей между различными экономическими параметрами и региональными ставками транспортного налога. В большинстве случаев результат был отрицательным – коэффициенты корреляции – предельно низкими.

Но иного и быть не могло: тенденции по группам транспортных средств малой и значительной мощности порой диаметрально противоположные – факторы, которые работают на уменьшение ставки налога в первом случае, во втором случае, наоборот, способствуют ее увеличению, поэтому трудно рассчитывать, что прямо «в лоб» удастся установить твердые зависимости. Поэтому наши усилия здесь в большей степени сосредоточивались на установлении не прямых

зависимостей, а общих тенденций. И это получалось.

Например, в ходе проведения 30 корреляционных анализов между среднедушевыми доходами населения, плотностью автомобильных дорог, числом личных автомобилей и региональными налоговыми ставками по машинам различной мощности (табл. 2), удалось увидеть постоянное нарастание силы связи между числом личных автомашин и ставками налогов по мере увеличения мощности двигателя: то есть ставки налогов чувствительны к числу личных автомобилей, но только в интервалах значительной, более 150 л. с., мощности двигателя (а значимой связи между доходами населения и налоговыми ставками, плотностью автомобильных дорог и налоговыми ставками не было обнаружено для всех интервалов мощности двигателя).

Вывод, что уровень налоговых ставок зависит напрямую не от реальных подушевых денежных доходов (т.е. способности платить – здесь зависимость скорее слабо обратная, чем выше доход жителей региона, тем осторожнее власти идут на повышение ставок транспортного налога), а прежде всего от самого количества личных автомобилей, был подтвержден в ходе более «микроскопического» сопоставления трех автономных округов – Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского (табл. 3). Первоначально, до шкалы в 150 л. с., имеющий лучшие показатели дорожно-транспортной системы Ханты-Мансийский автономный округ-Югра устанавливает самые низкие ставки по транспортному налогу, – несмотря на то, что здесь максимальное количество легковых автомобилей. Расчет делается на получение налогового дохода не на высокой ставке, а на самой «массе» налогооблагаемых единиц.

С другой стороны, после 150 л. с. ситуация радикально изменяется и начинают работать уже совсем другие эффекты: здесь уже Югра становится чемпионом по величине ставок транспортного налога и начинают работать эффекты самой налоговой ставки, а не количества транспортных средств. Неудивительно, что между переменными числа автомашин и ставками транспортного налога нет однонаправленной корреляции. Для самых массовых машин мощностью

¹ Данные по количеству транспортных средств по регионам в большинстве случаев неполные, закрыты для общего пользования и являются платными.

Таблица 1. Набор исходных шкал для формирования базы данных по региональным ставкам транспортного налога в 2018 г.

Транспортное средство	Градации мощности транспортного средства, л. с.									
	0–45	45–80	80–100	100–125	125–150	150–175	175–200	200–225	225–250	250+
Легковые автомобили	0–45	45–80	80–100	100–125	125–150	150–175	175–200	200–225	225–250	250+
Грузовые автомобили	0–100	100–130	130–150	150–200	200–250	250–300	300+			
Мотоциклы и мотороллеры	0–20	20–35	35–45	45–100	100–150	150+				
Автобусы	0–110	110–200	200–250	250+						
Другие самоходные транспортные средства, машины и механизмы на пневматическом и гусеничном ходу (с каждой л. с.)	0–100	100–150	150–200	200+						
Снегоходы, мотосани	0–50	50–100	100+							
Катера, моторные лодки и другие водные транспортные средства	5–12	12–25	25–50	50–100	100–300	300+				
Яхты, другие парусно-моторные суда	0–100	100–200	200–300	300–500	500+					
Гидроциклы с мощностью двигателя	0–100	100–150	150+							
Несамоходные (буксируемые) суда, для которых определяется валовая вместимость (с тонны)										
Самолеты, вертолеты и иные воздушные суда, имеющие двигатели (с лошадиной силы)										
Самолеты, имеющие реактивные двигатели (с кг)										
Другие водные и воздушные транспортные средства, не имеющие двигателей (с единицы транспортного средства)										

Примечание: интервал мощности всегда включает в себя и «верхнее», максимальное значение.

Таблица 2. Корреляция между некоторыми показателями и категориями легковых автомобилей по мощности двигателя [13, 16]

Проверяемый показатель	Единицы	Категории мощности двигателя (в л. с.)									
		менее 45	45–80	80–100	100–125	125–150	150–175	175–200	200–225	225–250	более 250
Среднедушевые денежные доходы, скорректированные на региональный прожиточный минимум	тыс. руб./чел.	0,23	0,23	0,20	0,23	0,26	0,17	0,17	0,14	0,15	0,15
Плотность автомобильных дорог	км/1000 км ²	0,16	0,14	0,13	0,15	0,22	0,14	0,17	0,18	0,22	0,17
Число собственных легковых автомобилей	ед./1000 чел.	0,14	0,15	0,14	0,41	0,40	0,46	0,45	0,48	0,47	0,49

до 100–150 л. с. зависимость скорее обратная, т.е. регионы с развитой транспортной сетью и личной автомобилизацией устанавли-

вают более щадящие ставки, чтобы не поощрять уход в тень. С другой стороны, по мощным элитарным кроссоверам и джипам

Таблица 3. Сопоставление экономических и фискальных показателей для трех автономных округов

Регион	Средне-душевые денежные доходы, тыс. руб./чел. (2017)	Плотность автодорог, км/1000 кв. км. (2017)	Число собственных легковых автомобилей, уд./1000 чел. (2017)	Ставки налогообложения для автомобилей с мощностью двигателя, руб./ л. с., 2018									
				менее 45	45–80	80–100	100–125	125–150	150–175	175–200	200–225	225–250	более 250
Ненецкий АО	70587	1,4	198,4	10	10	10	15	15	25	25	30	30	50
Ямало-Ненецкий АО	67797	3,0	294,1	15	15	15	24,5	24,5	25	25	37,5	37,5	75
Ханты-Мансийский АО – Югра	44359	10,7	335,4	5	5	5	7	7	40	40	60	60	120

Таблица 4. Изменение количества регионов с минимальной и максимальной ставкой транспортного налога по мере увеличения мощности двигателя легкового автомобиля

	Мощность двигателя легкового автомобиля, л. с.									
	менее 45	45–80	80–100	100–125	125–150	150–175	175–200	200–225	225–250	более 250
Максимальная ставка, руб./л. с.	25	25	25	35	35	50	50	75	75	150
Минимальная ставка, руб./л. с.	5	5	5	7	7	10	10	15	15	30
Число регионов с максимальной ставкой	4	4	4	8	9	25	27	42	43	42
% от общего числа	4,7	4,7	4,7	9,4	10,6	29,4	31,8	49,4	50,6	49,4
Число регионов с минимальной ставкой	9	8	7	5	5	2	2	1	1	1
% от общего числа	10,6	9,4	8,2	5,9	5,9	2,4	2,4	1,2	1,2	1,2

от 150 л. с. и выше в регионах развитой автомобилизации в среднем устанавливаются более высокие ставки транспортного налога.

Идея о том, что для массовых маломощных и элитарных мощных легковых автомобилей действуют разные закономерности (факторы, причины) в установлении ставок транспортного налога, подтверждается и тем, что по мере роста мощности двигателя все больше регионов устанавливает максимальную, предельную ставку налога (табл. 4). С другой стороны, число регионов с минимальной ставкой налога по мере наращивания мощности двигателя выклинивается.

На втором этапе картографической визуализации, который собственно и был основной целью проводимого исследования, исходно черне формировался атлас из 52

карт распределения ставок транспортного налога по регионам России, по всем видам транспортных средств и по всем градациям мощности двигателя. Во многих случаях карты распределения налоговых ставок транспортных средств «соседних» интервалов мощности двигателя фактически дублировали друг друга (отличия по одному-двум регионам визуально не фиксировались). Поэтому решено было оставить только 30 карт значимых отличий пространственного распределения налоговых ставок. Их для дальнейшей работы были отобраны только те, которые позволяли дать интерпретацию геометрических форм полученных пространственных структур.

И для этих случаев в результате обращения к Интернет-ресурсам формировался обобщенный «портрет» транспортного средства

конкретной мощности. Это было необходимо, чтобы предложить сущностную интерпретацию обнаруженного пространственного распределения. Например, географическое распределение налоговых ставок для легковых автомобилей мощностью до 45 л. с. означает, что речь идет об отечественном автомобиле «Ока» – ВАЗ-1111.

Результаты исследования. Три группы результатов являются основными в проведенном исследовании:

1) обнаружение обширных ареалов соседствующих регионов со сходными ставками транспортных налогов и более локализованных кластерных форм из нескольких соседних регионов (можно назвать этот исследовательский путь анализом интервалов мощности транспортных средств и географического распределения налоговых ставок в каждом);

2) обнаружение регионов-аномалий (этот исследовательский путь был анализом абсолютных экстремумов, регионов с минимальными ставками транспортного налога);

3) выявление различных территориальных структур в российском пространстве ставок транспортного налога из сопряженных друг с другом регионов.

Например, на карте распределения налоговых ставок на автомобили с мощностью двигателей 150–200 л. с. (рис. 1) обособляются территории Сибири и Дальнего Востока, которые практически повсеместно, за редким исключением, имеют минимальные ставки транспортного налога. Эти имеющие полный привод кроссоверы, внедорожники максимально востребованы в пространствах Сибири и Дальнего Востока со слабым круглогодичным дорожным обустройством и развитыми сезонными трассами (зимниками). Неудивительно, что именно эти транспортные средства так хорошо отграничивают пространства Сибири и Дальнего Востока от других.

Вторая группа результатов связана с отдельно предпринятым исследованием регионов-аномалий, в которых были установлены *абсолютные* минимумы ставок транспортного налога, с одной стороны; с другой стороны, регионов-аномалий, которые имели *сравнительные* минимумы ставок транспортного налога, будучи анклавами, окруженными регионами с более высокими налоговыми ставками (акцент на регионы абсолютно мини-

мальных, а не максимальных ставок был связан с тем, что число таких регионов всегда было существенно меньше – и легче было предлагать объясняющую гипотезу).

Беспримерную щедрость демонстрирует Оренбургская область, которая установила в 2018 г. нулевую ставку налога для автомашин до 100 л. с. Можно предположить, что здесь сказались два фактора: с одной стороны, хорошая дорожная обустроенность региона; с другой стороны, относительная бедность населения, владеющего в основном бюджетными легковыми автомобилями до 100 л. с., число которых невелико и потому для регионального бюджета потенциальные потери незначительные.

Минимальную ставку транспортного налога для легковых автомобилей всех других интервалов мощности всегда устанавливал Чукотский автономный округ, что объяснимо слабой развитостью региональной дорожной сети (почти исключительно внутри городских поселений региона). В интервале 100–150 л. с. к Чукотскому автономному округу примыкали также Республика Крым и Севастополь, Югра и Ингушетия: каждый регион при этом имел свои причины минимальной ставки транспортного налога.

Для Республики Крым и Севастополя это объяснимо стремлением амортизировать переходный период адаптации к российскому (более дорогому) уровню жизни для самых распространенных в регионе транспортных средств и сделать регион привлекательным для регистрации здесь автомобилей «материковой» России. Для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры это намеренная уступка богатого бюджета домохозяйствам, которые почти сплошь имеют машины именно этой категории мощности (и еще более мощные внедорожники). Наконец, для Республики Ингушетия, с одной стороны, это стремление повышать мобильность местного населения, создавая привлекательные условия, прежде всего, для национальной элиты, способной покупать и эксплуатировать дорогие иномарки; с другой стороны, создавать условия для перерегистрации дорогих внедорожников и кроссоверов других российских регионов здесь.

Во всех интервалах, начиная от 100 л. с., но особенно свыше 200 л. с. обнаруживаются сильнейшие контрасты между соседними – Магаданской областью, которая всегда близка

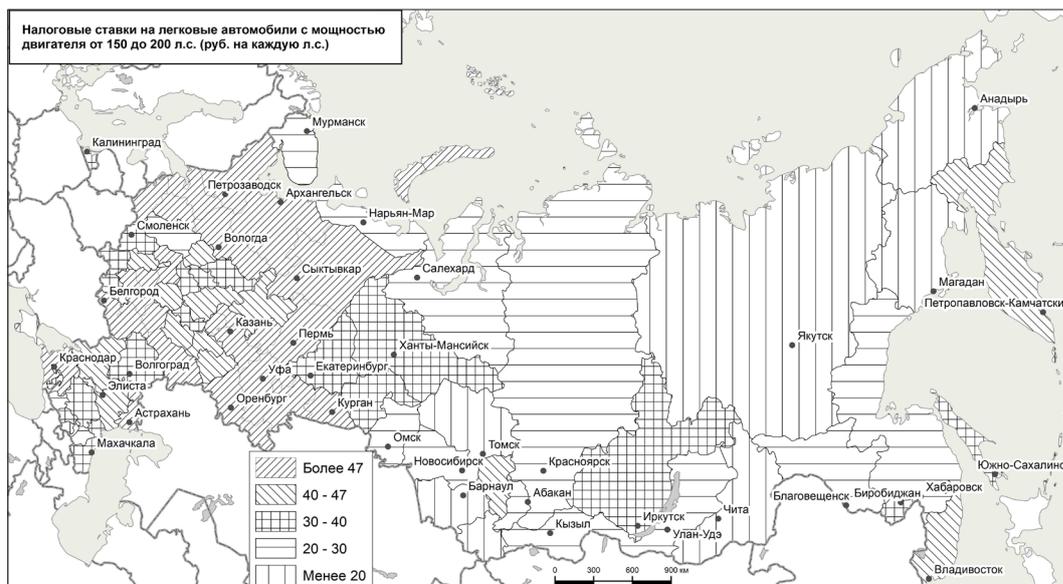

Рис. 1. Ставки транспортного налога на легковые автомобили мощностью 150–200 л. с.

к минимальной ставке налога, и Камчатским краем, который, наоборот, устанавливает предельные ставки транспортного налога. Разница ставок между соседними регионами доходит до четырех-пяти раз. Например, в интервале для автомобилей мощностью более 250 л. с. Магаданская область установила ставку в 36 руб. за лошадиную силу, а соседние Камчатский, Хабаровский, Приморский края и Сахалинская, Амурская области – в 150 руб.

Камчатский край на всех картах обособляется от соседних регионов – Магаданской области и Чукотского автономного округа, а на многих картах также и от юга Дальнего Востока, максимальными ставками транспортного налога. Одно из возможных объяснений – нетранзитное, по сути, островное экономико-географическое положение в сочетании с относительно развитой, по сравнению с другими регионами Северо-Востока России, дорожной сетью – определяет многочисленность транспортных средств и невозможность «спрятать» их. Поэтому региональные власти устанавливают по всем категориям транспортных средств и группам мощности максимальные ставки налога.

Для мотоциклов всех градаций мощности регионами минимальных ставок оказываются Оренбургская область, для которой это отражение, с одной стороны, бедности домохозяйств, хорошей дорожной оснащен-

ности и сравнительно большей распространенности мотоциклетного транспорта, чем у соседей; Ненецкий автономный округ, для которого это, наоборот, следствие тотальной бездорожности и высочайших доходов местных домохозяйств, у которых totally находятся в собственности легковые автомобили различной мощности, но практически нет мотоциклов.

Очень интересно наблюдать, как возникает красноярский «пульсирующий» анклав при изменении интервалов мощности снегоходов (рис. 2): для маломощных снегоходов типа «Буран», многие владельцы которых их официально вообще не регистрируют, в Красноярском крае минимальные ставки транспортного налога, как и в большинстве соседних территорий Сибири и Дальнего Востока. Но вот для мощных снегоходов, используемых для элитарных туров для иностранных и российских столичных гостей края, здесь установлены максимальные ставки транспортного налога.

И это тем более интересно, что картина распределения при переходе от маломощных к мощным снегоходам у соседних регионов практически не меняется: имеющие максимальные ставки так и сохраняются, а у кого были минимальные ставки, так их и сохраняют. Только для Красноярского края характерна значительная динамика в уровне налоговых ставок. И это можно объяснить

а)

б)

Рис. 2. Изменения ставок транспортного налога на снегоходы разной мощности в Красноярском крае: а) мощностью до 50 л. с.; б) мощностью более 50 л. с.

только тем, что край настолько велик, что отдельные его части сориентированы на разные группы «потребителей» услуг снегоходов: есть группа бедных пользователей малобюджетных «Буранов», для которых чувствительно любое повышение налоговых ставок (а вообще для них лучше официально вообще не регистрировать свою технику), и это прежде всего коренные малочисленные народы Эвенкии и Таймыра. С другой стороны, в крае есть и организаторы сафари-туров на мощных и дорогих снегоходах

в северных районах края, на плато Путорана, в других местах. Ввиду ориентации на спрос высокодоходных, элитных групп населения Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Красноярска, они способны оплачивать и высокие ставки транспортного налога на свои мощные снегоходы.

Третья группа результатов связана с выявлением устойчиво воспроизводящихся территориальных структур с однотипными ставками транспортного налога. Пожалуй, наиболее ярким примером здесь является

пояс регионов Центральной европейской России со сравнительно более низкими ставками, «зажатого» с севера и юга обширными ареалами регионов с высокими ставками (рис. 3) – ось от Смоленской области на западе по Пермского края на востоке². Абсолютно неслучайно эта структурность выявляется только для автомобилей и мотоциклов сверхвысокой мощности (джипы-внедорожники и супербайки). Дело в том, что хорошее состояние дорог и развитость дорожной сети в этой полосе Центральной России уменьшают актуальность владения сверхмощными транспортными средствами. Поэтому и региональные власти не видят смысла облагать их максимальными ставками: в структуре парка легковых автомобилей их сравнительно меньше, чем, например, северных и дальневосточных регионах России с редкой сетью дорог плохого качества.

Характерная меридианная территориальная структура обнаруживается при анализе регионального распределения ставок транспортного налога на маломощные мотоциклы (рис. 4). Именно в такой пространственной конфигурации располагаются регионы, установившие максимальные ставки транспортного налога на маломощные мотоциклы. Можно интерпретировать этот феномен как массовое использование бюджетных мотоциклов для коротких внутрирегиональных перемещений по шоссейным и грунтовым дорогам. И в этом можно увидеть проявление специфичной местной культуры мобильности, адаптированной к условиям средних доходов, среднего и плохого качества местных дорог. Интересно, что такая же территориальная структурность высоких ставок транспортного налога обнаруживается и для легковых автомобилей мощностью до 45 л. с.

Выводы и обсуждение результатов исследования.

1. Казалось очевидным, что ставки транспортного налога устанавливаются региональной властью в зависимости от способности платить: чем выше доходы региональных домохозяйств, тем выше и ставка. Наше исследование опровергает этот вывод.

Ставки транспортного налога как самого географичного из всех региональных налогов зависят не столько от состояния бюджета, дорожной сети, количества транспортных средств, хотя все это и важно. Важное

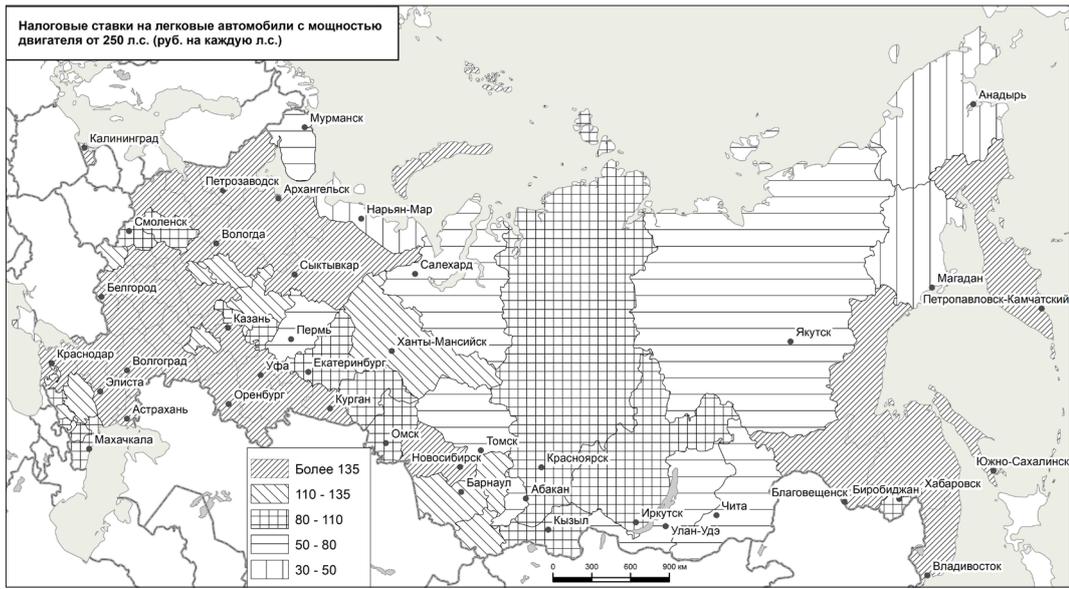
значение имеет сложившаяся в региональном сообществе культура мобильности, под которой понимается пространственное поведение людей, основанное на использовании имеющихся у них транспортных средств. В одном случае эту мобильность в местном пространстве обеспечивают прежде всего джипы-внедорожники, в другом – моторные лодки, в третьем – мотоциклы и мотороллеры.

Возвышается то транспортное средство, которое в конкретных условиях пространства и времени обеспечивает искомую мобильность людей и потому совершенно по-особому ими оценивается. И нередко именно оно и облагается максимальной ставкой транспортного налога – или, наоборот, характеризуется максимальной поблажкой полного или частичного освобождения от уплаты транспортного налога. В любом случае именно оно находится в фокусе внимания региональной власти, потому что именно это транспортное средство прежде всего обеспечивает жизненно важную для местного сообщества мобильность.

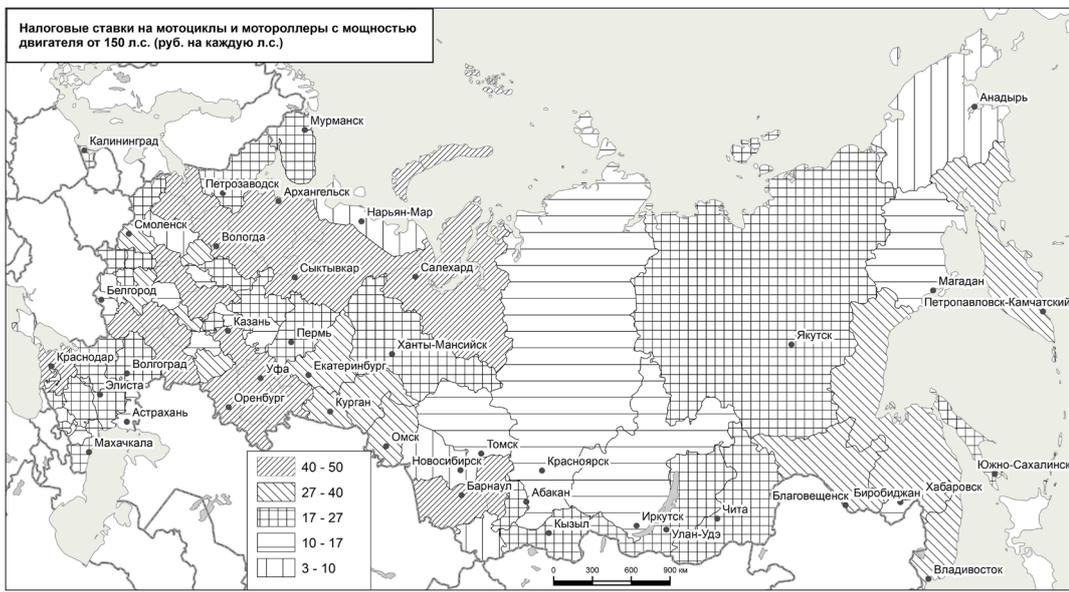
На складывающуюся в местном сообществе культуру мобильности значительно влияют свойства местного пространства. Очень грубо, в бинарной логике, можно выделить здесь два случая: транзитный и «островной», запертый. Транзитные регионы обладают неспецифичным экономико-географическим положением и часто усредненными ставками транспортного налога. С другой стороны, замыкающие, «островные» регионы, со специфичным экономико-географическим положением, характеризуются и аномальными ставками транспортного налога – как в сторону предельного минимума (например, Чукотский, Ненецкий автономные округа), так и в сторону предельного максимума (Камчатский край).

2. Анализ атласа из 30 карт географического распределения ставок транспортного налога в Российской Федерации в 2018 г. позволяет сформировать целостное представление об обнаруженной институциональной территориальной структуре российского пространства. На картах регионального распределения налоговых ставок для многих транспортных средств (легковые автомобили, мотоциклы, снегоходы и др.) различной мощности двигателя обособляется специ-

² Ось «Смоленск–Тверь–Москва–Ярославль–Иваново–Киров–Чебоксары–Ижевск–Пермь».

а)

б)

Рис. 3. Центральный пояс (коридор) регионов с низкими ставками транспортного налога на сверхмощные внедорожники и мотоциклы:
 а) налоговые ставки на легковые автомобили с мощностью двигателя более 250 л. с. ;
 б) налоговые ставки на мотоциклы и мотороллеры с мощностью двигателя более 150 л. с.

фичность слабо инфраструктурно обустроенных пространств Сибири и Дальнего Востока. В отличие от европейского Центра, в условиях преобладающего бездорожья, региональные власти устанавливают здесь предельно низкие ставки транспортного налога. Сибирь и Дальний Восток – это не просто удаленные от центра территории России. Здесь люди по-другому относятся к своему пространству, обладают иной культурой мо-

бильности, когда для них «сто километров не крюк». Анализ регионального распределения ставок транспортного налога не ухватывает этот феномен, но самим фактом резкого контраста между центральными и сибирско-дальневосточными пространствами России в неявном виде он его диагностирует. Границей между данными контрастными пространствами может служить Урал. Действительно, в процессе анализа здесь

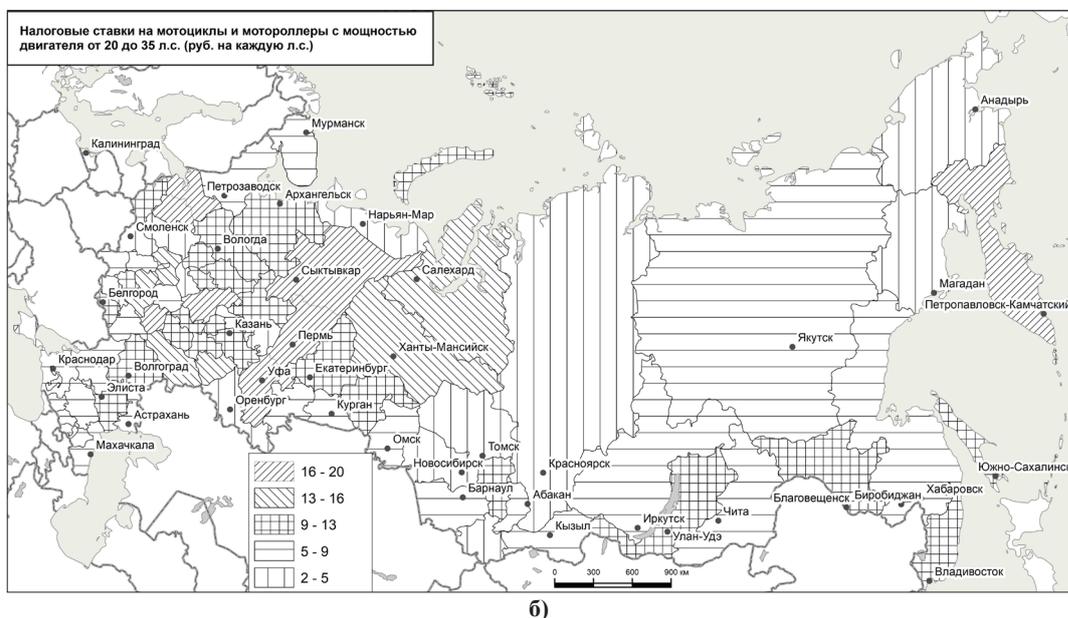
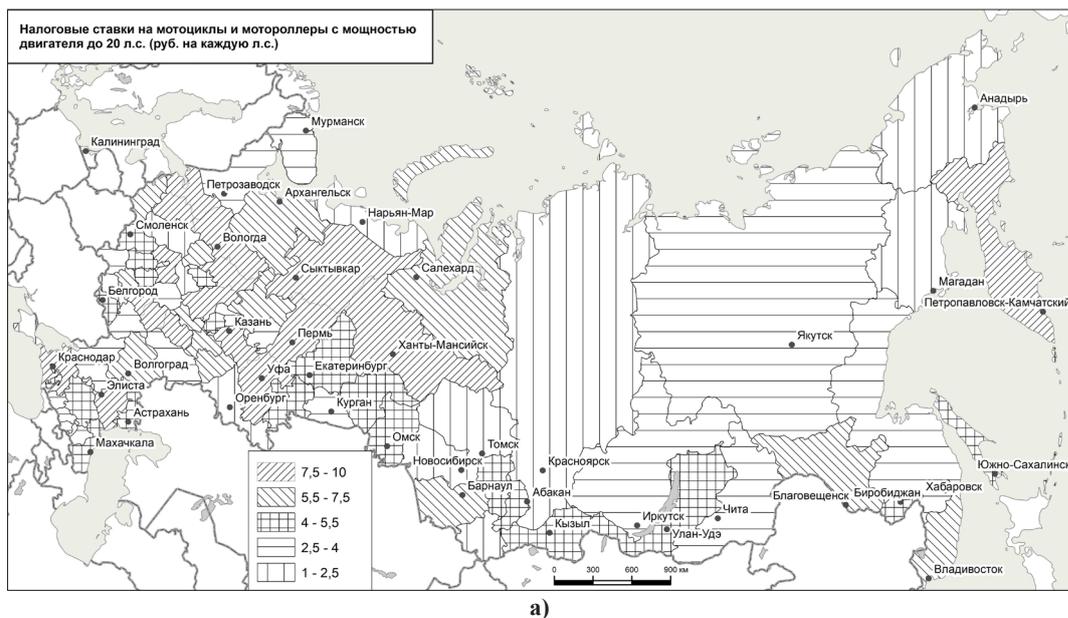

Рис. 4. Ось регионов с высокими ставками транспортного налога на маломощные мотоциклы и мотороллеры: а) мощностью до 20 л. с.; б) от 20 до 35 л. с.

выявилась вертикальная цепочка регионов, устанавливающих высокие налоговые ставки на маломощные транспортные средства (мотоциклы и легковые автомобили).

А западнее, в Центральной России, хорошо виден «клин» регионов низких ставок транспортного налога (ось «Смоленск-Пермь») на мощные легковые автомобили – максимально инфраструктурно обустроенное транзитное российское транспортное пространство (зажатое с

севера и юга регионами с более высокими ставками транспортного налога). К этой картине можно добавить приграничный Кавказ (национальных республик) и в целом российский юго-запад, который по многим видам транспортных средств характеризуется пониженными ставками налога. Картине добавляет разнообразие присутствие окраинных и внутренних анклавов – регионов с аномально низкими или высокими ставками транспортного налога, где специфичность экономико-

географического положения транслируется в аномальность налоговых ставок.

Устойчивость воспроизводства обнаруженной на основании распределения ставок транспортного налога структурности российского институционального пространства целесообразно проверить анализом данных за соседние годы, например, 2017 и 2019 гг. Только после этого можно будет говорить о надежности и достоверности полученных нами предварительных выводов.

3. Экономические институты имеют пространственное измерение. Этот очевидный, но недооцененный вывод демонстрируется зарубежными исследователями при сопоставлении норм и правил различных стран (чтобы выявить, где институты лучше, где хуже), при сравнении институтов управления локальным жизнеобеспечивающим природопользованием соседних или географически обособленных местных сообществ.

Однако подлинный (и захватывающий) прорыв для экономико-географов состоит в картировании институтов, то есть от дискретной и фрагментированной картины отдельных (выборочных) кейсов перейти к целостному и системному (континуальному) представлению об институциональном пространстве, о существовании в нем устойчиво воспроизводящихся территориальных институциональных структур. В нашей работе на примере географического распре-

ления региональных ставок транспортного налога мы предприняли первую попытку в этом направлении.

Представляется, что такой подход – картирования институтов – может стать современным развитием идеи К.П. Космачева о географической экспертизе нормативов (федеральных норм и правил, региональной системы понятий, системы информации). Время массивов больших данных позволяет от выборочного решения этой задачи, как ее ставил К.П. Космачев, для отдельных специфических по своим природно-климатическим условиям территорий, которые «выламываются» из общего федерального стандарта, перейти к «сплошному», для всей России, – через картографические модели распределения норм и правил на всем пространстве страны.

Благодарности. Авторы выражают благодарность ведущему научному сотруднику МГУ имени М.В. Ломоносова, к.г.н. Н.Ю. Замятиной за идею расширить исследование региональных ставок транспортного налога в рамках гранта РГО-РФФИ 17-05-41168 РГО_а «Зональная мультимодальная транспортная система как основа новой комплексной схемы размещения и развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока» на всю территорию Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин В.Л., Горлов В.Н., Шувалов В.Е.* Роль и основные функции внешней зоны в территориальной структуре Московского региона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1988. № 4. С. 24–30.
2. *Бугроменко В.Н.* Современная география транспорта и транспортная доступность // Известия РАН. Сер. геогр. 2010. № 4. С. 7–16.
3. *Глезер О.Б.* Система местного самоуправления как составная часть институциональной среды расселения в современной России // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом. «Кодекс», 2013. С. 224–244.
4. *Гольц Г.А.* Культура, экономика, транспорт: пути использования взаимосвязей в прогнозировании // Проблемы прогнозирования. 2000. № 1. С. 152–167.
5. *Зубаревич Н.В.* Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.
6. *Космачев К.П.* Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 110 с.
7. *Маергойз И.М.* Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 302 с.
8. *Пиясов А.Н., Замятина Н.Ю.* Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. 2012. № 6. С. 239–250.
9. *Сахчинская Н.С.* Региональные и местные налоги и сборы с организаций: курс лекций. Самара: Самар. гум. акад., 2009. 76 с.
10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. 33 с.
11. *Сысоева Н.М.* Географическая экспертиза как вклад в развитие институционального направления в экономической географии (к 90-летию со дня рождения К.П. Космачева) // География и природные ресурсы. 2011. № 4. С. 157–160.
12. *Тархов С.А.* Транспортная освоенность территории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2018. № 2. С. 3–9.

13. Калькулятор транспортного налога 2018 года. URL: <http://calcs.su/html/calcs/transportnii-nalog.html> (дата обращения: 25.09.2018).
14. Аналитическое агентство «АВТОСТАТ». URL: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 12.01.2019).
15. Ассоциация Европейского Бизнеса. URL: <https://abreview.ru/stat/aeb/c> (дата обращения: 21.12.2018).
16. Росстат, данные 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/04-02.doc, http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/lssWWW.exe/Stg/d02/19-05.doc, http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/04-22.doc (дата обращения: 20.11.2018).
17. Федеральное казначейство, данные 2017 года (исполнение бюджетов субъектов РФ за 2017 год). URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 07.03.2019).

Об авторах

Пилисов Александр Николаевич – доктор географических наук, Генеральный директор автономной некоммерческой организации «Институт регионального консалтинга» (АНО «ИРК»), профессор кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Богодухов Андрей Олегович – студент бакалавриата кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Пилисов А.Н., Богодухов А.О. Новый взгляд на российское пространство: региональный транспортный налог // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 26–38.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-3

New viewpoint at the Russian space: regional transport tax

A. N. Pilyasov^{1,2,*}, A. O. Bogodukhov^{2,}**

¹ *Institute of Regional Consulting, Moscow, Russia*

² *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia*

**e-mail: pelyasov@mail.ru*

***e-mail: andrey.bogodukhov.98@mail.ru*

The spatial distribution of regional transport tax rates is an interesting and new object of geographical research, synthesizing the analysis of territorial structures and institutions. The undertaken study on the materials of 2018 data made it possible to draw several conclusions: 1) the regions of Siberia and the Far East differ from those of Central Russia by lower rates of transport tax for many types of vehicles; 2) the pre-Urals axis is found from the Komi Republic to the Republic of Bashkortostan of the regions with maximum transport tax rates on low-power motorcycles and cars (up to 45 hp); 3) within Central Russia, a steady «wedge» of regions along the Smolensk-Perm axis is found with low transport tax rates on SUVs and superbikes. Discovered territorial structures and clusters of regions with similar transport tax rates confirm the existence of a spatial dimension in economic institutions, the possibility and necessity of its identification and analysis.

Key words: territorial structures of the Russian space, regional transport tax, spatial dimension of institutions.

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 911.375:711.432

РАЗВИТИЕ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ РОССИИ В 2010-Х ГОДАХ

© 2019 г. Н. В. Зубаревич*, С. Г. Сафронов**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

**e-mail: nzubarevich@gmail.com*

***e-mail: saffff@mail.ru*

Различия в уровне социально-экономического развития больших городов с населением свыше 100 тыс. жителей зависят от объективных факторов – численности населения, статуса, специализации экономики и географического положения. Основная тенденция 2010-х гг. – снижение уровня дифференциации городов, в первую очередь нестоличных, по большинству социально-экономических показателей. Конвергенция показателей розничного товарооборота и инвестиций в период кризиса отражает негативное «выравнивание» городского развития. При этом сохраняется отставание нестоличных городов от региональных столиц, среди которых лидерами являются Тюмень, Краснодар и Казань. Еще один тренд – продолжающаяся концентрация населения и экономической деятельности в Московской агломерации. По основным социально-экономическим показателям ее доля сопоставима или превышает суммарный вес городов-миллионников – региональных центров. В разрезе экономических районов дифференциация городов почти повсеместно снижалась по основным социальным и демографическим показателям при сохранении различий в промышленном производстве и инвестициях, связанных с хозяйственной специализацией. Сверхцентрализация бюджетной системы и системы управления являются основными барьерами развития больших городов – муниципалитетов. Полицентрическое развитие России возможно только при децентрализации, передаче городам ресурсов и полномочий, усилении конкуренции городов за инвестиции и человеческий капитал.

Ключевые слова: большие города, агломерации, социально-экономическое развитие городов, неравенство развития, конвергенция, концентрация экономики, бюджеты городов.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4

Введение и постановка проблемы. Большие города – «моторы» развития любой страны, это показывают многочисленные международные исследования, в том числе известное и информативное – Доклад Мирового банка [17]. В России в 2017 г. было 178 городов с населением свыше 100 тыс. жителей (16% всех городов), в них проживало 77,7 млн чел. (53% населения). Больше всего их в Московской области – 21, это следствие растущей концентрации населения в столичной агломерации. Почти половина таких городов (42%) – региональные центры. К концу 2018 г. 15 городов России имели более миллиона жителей, за последние годы к миллионникам добавились Красноярск,

Воронеж и Краснодар, в основном за счет расширения их территориальных границ.

Два крупнейших города страны – Москва и С.-Петербург – резко опережают остальные миллионники по численности населения (соответственно в 9–10 и 4–5 раз), имеют статус федеральных городов (субъектов Федерации) и, как следствие, намного больше бюджетных ресурсов и полномочий. Все остальные являются муниципалитетами, в российской системе управления их бюджетные ресурсы и полномочия крайне ограничены. В России сформировалось сильное неравенство в развитии двух федеральных городов и всех остальных, в т.ч. городов-миллионников. Очевидно, что для страны с огромной территорией и редкой сетью

городов необходима полицентричность развития, но как этого добиться?

В недавно принятой Стратегии пространственного развития России (СПР) обозначен приоритет развития городских агломераций для ускорения развития и формирования полицентричного пространства. Выделено 40 агломераций с численностью населения от полумиллиона и выше, они названы «крупнейшими городами-потенциальными центрами роста»¹. Эксперты-географы, участвовавшие в подготовке СПР, провели предварительное исследование социально-экономического развития большинства (более 800) городов страны по муниципальным базам данных, разработали методы интегральной оценки развития, типологию городов и их рейтинги, выделили границы агломераций². Однако остались менее изученные вопросы.

Во-первых, это влияние последнего кризиса на развитие больших городов. Росстат в 2019 г. опубликовал статистику по городам с населением свыше 100 тыс. жителей за 2017 г., на ее основе можно оценить тенденции 2010-х гг.

Во-вторых, неясна динамика различий в развитии этих городов в 2010-е гг., в том числе региональных центров и нестоличных городов, – в сторону дивергенции (еще больших различий) или конвергенции (сближения) или же явные тренды отсутствуют?

В-третьих, по данным за 2017 г. можно сравнить уровень развития крупнейших городов с населением свыше полумиллиона жителей для оценки потенциала 40 агломераций СПР.

В-четвертых, в СПР не затрагиваются институциональные факторы развития, хотя именно «правила игры» являются важнейшими барьерами, препятствующими полицентричному развитию России.

Обзор ранее выполненных исследований. Социально-экономическое развитие городов России давно в фокусе внимания, выделим только важнейшие и новые публикации. Первая интегральная оценка уровня развития российских городов в 1990-е гг. была проведена на основе десяти экономических и социальных индикаторов и выяви-

ла большую устойчивость крупных городов с населением более 250 тыс. жителей [11]. Еще одно исследование по той же методике в конце 2000-х гг. показало стабильность дифференциации городов [12]. Оценивалось также развитие городов с населением свыше 100 тыс. жителей по другому перечню индикаторов [6], была выявлена неоднозначная динамика их неравенства на примере заработной платы [7].

Недавние исследования социально-экономического развития городов выявили процесс опережающего развития региональных столиц и концентрации в них населения и экономики по данным за 2000-е и начало 2010 гг. [16, 4], факторы неравномерного развития городов [2]. Проводился анализ демографических компонентов развития и динамики численности населения городов, в том числе региональных центров и вторых городов регионов [8], городов Севера [3], Сибири [5], Балтики [14]. Рассматривались сходства и различия миграционных тенденций в городах трех постсоветских стран [13], миграции в региональных центрах и их пригородах [10], преимущества крупнейших городов в долголетию населения [15].

Новым направлением стал анализ бюджетов городов: оценка бюджетных возможностей как фактора развития городов-миллионников [9], исследование состояния бюджетов региональных центров России, хотя его методология небесспорна [1]. В 2010-х гг. появились многочисленные рейтинги развития городов (рейтинг крупнейших городов IRP group, рейтинг больших городов Российского союза инженеров и др.), но их содержательная ценность невелика. Опубликованных исследований по поставленным в данной статье вопросам почти не было, за исключением анализа бюджетов отдельных групп городов, а динамика социально-экономического развития городов рассматривались в основном в период до начала последнего кризиса.

Материалы и методы исследования. В статье использованы данные Росстата о социально-экономическом развитии городов с населением более 100 тыс. жителей за 2011 и 2017 гг., а также данные Федерального

¹ Первоначальные версии включали 15–20 агломераций, последующий двукратный рост произошел из-за лоббизма региональных властей. В итоге были включены все полумиллионники, вне зависимости от их социально-экономического состояния и перспектив развития: Рязань, Тула, Ярославль и Липецк, находящиеся в зоне притяжения Московской агломерации, проблемный индустриальный Новокузнецк, менее крупный Ставрополь и др.

² Эти важные результаты до сих пор не опубликованы, но неоднократно докладывались экспертами на конференциях и обсуждениях.

Казначейства о бюджете городских округов. Социально-экономические индикаторы рассчитывались на душу населения и при сравнении за разные годы соотносились со средними показателями по РФ, что позволяет элиминировать влияние инфляции. Из-за сильных погодных колебаний, особенно заметных в период кризиса, душевые инвестиции и ввод жилья рассчитаны как средние за 2016–2017 гг. Показатели розничной торговли и заработной платы скорректированы на региональные ценовые различия.

Для анализа дифференциации городов проведены расчеты коэффициента вариации, позволяющие сравнивать показатели, имеющие разные единицы измерения. Расчеты проводились в трех вариантах: для всех городов России с населением более 100 тыс. жителей, для столичных и нестоличных городов, а также для городов разных экономических районов. Из расчетов исключены города, которые попадали в число больших городов только за один период – 2011 или 2017 гг., в том числе города Крыма.

Результаты исследования.

1. Что изменилось в 2010-х? О развитии городов принято судить по динамике численности населения, но корректно измерить ее за 2010-е гг. невозможно из-за изменений статистического учета после 2013 г. Более чем в трети рассматриваемых городов статистика теперь рассчитывается по муниципалитетам (городским округам), в состав которых входит не только город, поэтому динамика численности населения несопоставима. Изменения статистического учета повлияли и на другие показатели, но менее существенно, поэтому их можно сравнивать.

Демографическая ситуация в больших городах за 2017 г. ухудшилась, как и во всей стране. Численность населения сократилась в 22 региональных центрах, в 2011 г. депопулировали только 10. Быстрее всего в 2017 г. росло население Тюмени, Краснодара и Грозного, самая сильная депопуляция – в Мурманске, Кургане и Орле. В нестоличных городах ситуация намного хуже: в 2017 г. депопулировали 55% городов, в 2011 г. – 46%.

Динамика численности населения зависит от естественного прироста и миграции. Население больших городов стареет, в 2017 г. почти половина (47%) региональных центров имели естественную убыль, доля нестоличных городов с естественной убылью

еще выше (58%). Миграционный прирост в среднем за 2016–2017 гг. был отрицательным в трети региональных центров и более чем в половине (52%) нестоличных городов. Лидеры по миграционному приросту среди столиц регионов – Тюмень, Краснодар и Калининград, а среди нестоличных в десятке лидеров – только города Московской области и Сочи.

Проблемы старения видны и в возрастной структуре населения. В 28 региональных центрах (36% от их числа) доля жителей старше трудоспособного возраста в 2017 г. превышала среднюю по стране, максимальна она в городах Центральной России (Тамбов, Брянск, Орел, Калуга, Тула – 28–30%). В нестоличных городах постарение еще сильнее, доля старших возрастов превышала среднюю по России в 44% городов. Более молодая возрастная структура населения сохранилась только в городах нефтегазодобывающих регионов Севера и на Северном Кавказе.

Уровень экономического развития городов в 2017 г. оценивался по душевым показателям промышленного производства, инвестиций, розничной торговли и ввода жилья на 1000 населения, а также средней заработной платы. Дифференциация очень велика и устойчива с 2000-х гг. В первой десятке по душевому объему промышленного производства только нестоличные города со специализацией на металлургии, нефтедобыче и нефтехимии (Тобольск, Норильск, Нижнекамск, Череповец, Салават, Сургут и др.). Среди региональных центров показатели выше средних по стране сохранили Липецк, Тула, Уфа, Омск, Пермь, Волгоград и Челябинск, в 2010-х гг. к ним добавилась Калуга. В 40% городов душевой объем промышленного производства в два и более раз ниже среднего, а в каждом десятом городе он минимален (менее 20% от среднего), особенно в курортных городах юга и в городах слаборазвитых республик Северного Кавказа.

Больше всего инвестиций на душу населения в среднем за 2016–2017 гг. получил Тобольск, где расширяется нефтехимический комплекс «Сибур», лидируют и другие индустриальные города со специализацией на добыче и первичной переработке ресурсов (Норильск, Ухта, Нижнекамск, Новый Уренгой). Среди столиц лидировала по душевым инвестициям Москва (в 1,5 раз выше средних по стране), в С.-Петербурге инве-

стиции в 1,2 раза выше средних. Лидерами в 2016–2017 гг. были также некоторые подмосковные города (Химки, Домодедово, Красногорск, Одинцово). Без учета региональных центров, к которым статистически «приписаны» инвестиции в промышленные объекты, находящиеся за их пределами (Астрахань, Южно-Сахалинск), остальные центры сильно отстают от федеральных городов, только в шести (Якутск, Ханты-Мансийск, Тюмень, Калининград, Ростов-на-Дону и Краснодар) душевые инвестиции превышали средние по стране. В Ростове и Калининграде это краткосрочный рост, связанный с подготовкой к чемпионату мира по футболу (строительство стадиона, аэропорта). В 56% городов душевые инвестиции ниже средних в два и более раз, в самом низу рейтинга – два региональных центра (Махачкала, Иваново) и десятки нестоличных городов с депрессивной экономикой.

Изменения по сравнению с 2011 г. заметны только среди лидеров и связаны с проектами крупного индустриального бизнеса и инвестициями девелоперов и торговых сетей в города столичной агломерации (рис. 1а).

Изменения ввода жилья по сравнению с 2011 г. более значительны и обусловлены кризисным спадом жилищного строительства в 2016–2017 гг. (рис. 1б). Лидерами по вводу жилья на 1000 населения оставались города Московской области (в 3–7 раз выше средних показателей по РФ). Хотя ввод жилья в кризисный период сократился, преимущество столичной агломерации сохранилось. Среди других городов лидировали входящий в столичную агломерацию Обнинск, а также Тобольск и Назрань, среди региональных центров – Краснодар, где ввод жилья вырос вдвое по сравнению с 2011 г.

Душевой оборот розничной торговли 2017 г. максимален в прилегающих к столице городах Московской области благодаря строительству крупных торговых центров в 2010-е гг., а также в самой Москве и в С. Петербурге, и на порядок ниже в городах Северного Кавказа и в нестоличных городах Дальнего Востока (рис. 1в). Их торговый «упадок» во многом статистический – Росстат измеряет только оборот крупных и средних торговых организаций, а на Северном Кавказе и Дальнем Востоке до сих пор велика доля торговли на открытых рынках, выше доля малого бизнеса и индивидуальных

предпринимателей. Изменения за 2011–2017 гг. касаются в основном городов Подмоскovie и обусловлены как объективными, так и институциональными факторами – активным строительством крупных торгово-развлекательных комплексов и «обелением» неформальной розничной торговли во внешней зоне столичной агломерации.

Различия по заработной плате почти не изменились за 2011–2017 гг., неравенство городов устойчиво. На графике заметны только небольшие смещения отдельных городов с более высокой заработной платой (рис. 1г).

В целом различия крупных городов не так сильно изменились по сравнению с началом 2010-х гг., сохранился общий тренд – города Московской агломерации развиваются быстрее, а нестоличные города большинства регионов все более отстают. Промышленность продолжает концентрироваться в городах экспортных отраслей, инвестиции – в федеральных городах и крупных промышленных центрах, жилищное строительство – в городах Московской агломерации и агломерациях некоторых крупных региональных центров. Различия в заработной плате (с учетом стоимости жизни в регионах) также устойчивы – впереди города Севера со специализацией на добыче ресурсов и федеральные города. Неравенство городов обусловлено объективными факторами – размером, статусом, специализацией экономики и географическим положением.

2. Динамика неравенства городов – дивергенция или конвергенция? Расчеты коэффициента вариации показывают, что самые устойчивые различия – в заработной плате и душевом промышленном производстве (табл. 1). Различия нестоличных городов намного больше, т.к. среди них есть и благополучные индустриальные центры экспортных отраслей, и депрессивные города. Для региональных столиц с более терциаризированной экономикой различия существенно меньше.

Различия по демографическим показателям невелики и слабо изменяются, особенно по возрастной структуре населения. По коэффициенту миграционного прироста (убыли) в основном различаются нестоличные города. Более заметны различия в естественном приросте, что связано с незавершенностью демографического перехода в городах некоторых республик и разным эффектом

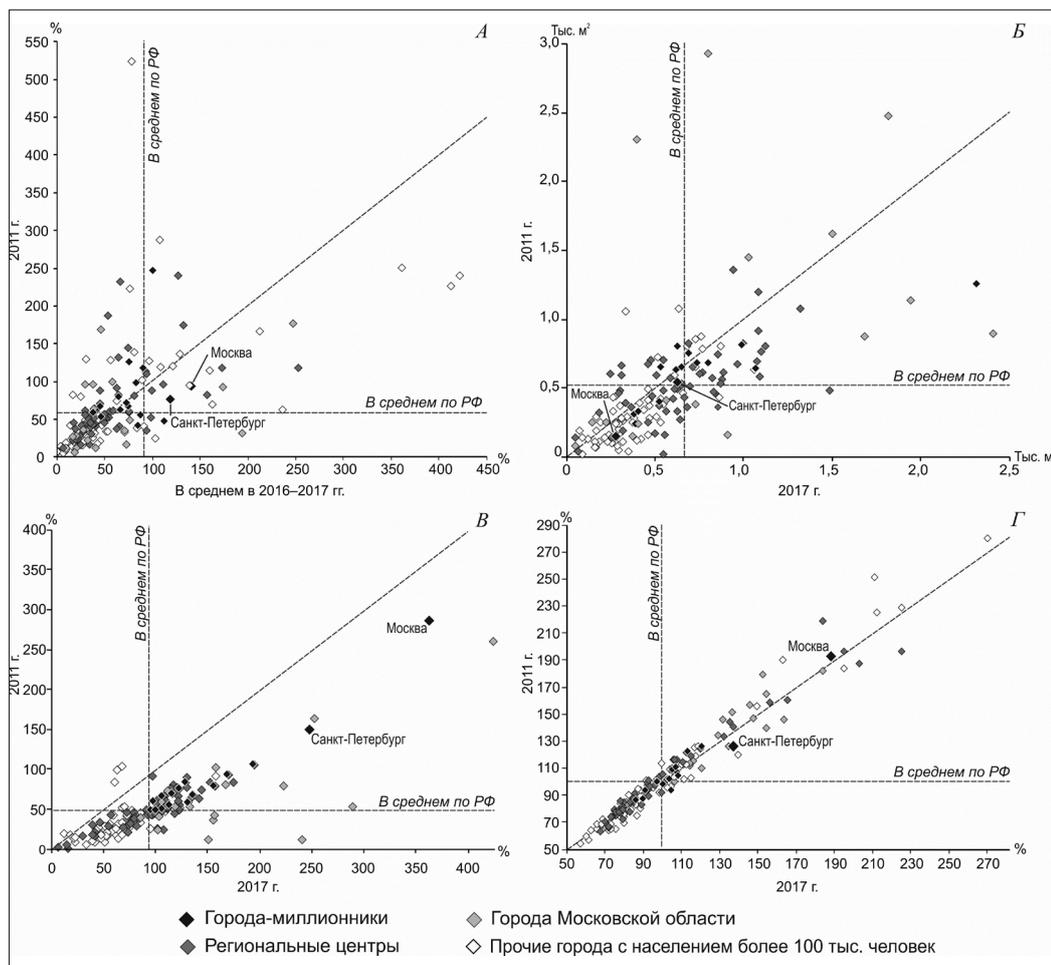

Рис. 1. Распределение крупных городов в 2011 и 2017 гг.
 по: а – душевым инвестициям, в % к средним по России; б – вводу жилья, тыс. м² на 1 тыс. населения;
 в – душевому розничному товарообороту, в % к среднему по России;
 г – средней заработной плате, в % к средней по России.
 Источник: расчеты по данным Росстата.

проводимой пронаталистской демографической политики.

Итак, за 2011–2017 гг. дифференциация городов снизилась по большинству показателей. Наиболее заметна конвергенция городов в потреблении (розничной торговле), в 2010-х гг. отрыв федеральных городов от остальных центров сокращался быстрее, чем внутригрупповая дифференциация региональных столиц, хотя он все еще велик. По инвестициям и по вводу жилья различия сократились за счет нестоличных городов.

Выросли различия по миграционному приросту, он концентрируется в крупнейших центрах с более высокими доходами, в городах с выгодным географическим положением и более комфортных для проживания. За счет усиливающегося отрыва федеральных

городов и отдельных быстро растущих региональных столиц (Тюмень, Махачкала, Краснодар) усилилась дифференциация региональных центров по численности населения.

Снижение дифференциации можно было бы рассматривать как положительную тенденцию в условиях роста экономики, однако на фоне стагнации такое «кризисное выравнивание» скорее свидетельствует о негативных тенденциях. В нестоличных городах, многие из которых отличаются проблемным рынком труда и неустойчивой градообразующей базой, тенденция конвергенции по экономическим показателям проявлялась сильнее, чем среди региональных столиц.

Коэффициент вариации рассчитан и для городов разных экономических районов (табл. 2). Сильнее всего дифференциация

городов по уровню промышленного производства и душевых инвестиций, что обусловлено специализацией и наличием крупных предприятий экспортных отраслей, повышенной долей индустриальных городов экспортных отраслей на Урале и в Сибири.

По остальным показателям внутрирайонная дифференциация городов невелика. По средней заработной плате несколько выделяется Западная Сибирь. По розничной торговле более поляризованы Дальневосточный и Восточно-Сибирский районы, а также Центральный и Северо-Кавказский: в них есть центры с межрегиональными функциями (Москва и ближайшие города-спутники, Краснодар, Сочи). По душевым показателям жилищного строительства сильнее различаются районы с крупнейшими столичными агломерациями и с более комфортными природно-климатическими условиями (Северный Кавказ).

Для большинства экономических районов характерна тенденция к снижению дифференциации городов в 2011–2017 гг. по большинству показателей. Для более однородных Центрально-Черноземного и Волго-Вятского районов она выглядит закономерной, а для Западной Сибири связана с замедлением развития нефтегазовых автономных округов. Наиболее интересны исключения из общей тенденции. На Дальнем Востоке поляризация усиливается за счет стягивания населения и экономической активности в крупные города юга района. Для городов Северо-Западного, Поволжского, Восточно-Сибирского районов резкий рост различий по душевым инвестициям был связан с локальными инвестициями в предприятия экспортно ориентированных отраслей в нестоличных городах (Ухта, Альметьевск, Нижнекамск, Норильск, Братск). В Северокавказском экономическом районе сочетаются разнонаправленные тенденции: спад различий в инвестициях после завершения олимпийского проекта и рост дифференциации в развитии промышленности за счет городов Краснодарского края и Ростовской области. Рост вариации по вводу жилья связан с интенсивным жилищным строительством в более комфортных центрах: Воронеж, Липецк, Тамбов – в Централь-

но-Черноземном, Краснодар, Сочи, Ставрополь, Ессентуки – в Северо-Кавказском экономических районах.

3. Полицентричность России: возможности и барьеры. Преимущества столичной агломерации очень велики: в Москве проживает 8,5% россиян, вместе с Московской областью – 13,6%, т.е. каждый седьмой житель страны. Доля Москвы в суммарном ВРП регионов превышает 20%, в инвестициях – 14,5%, в розничной торговле – 15% (вместе с Московской областью – почти 23%). В столичной агломерации строится более 16% всего жилья в стране. Доходы москвичей составляют 17% от всех доходов россиян, вклады в банках – 35%. С.-Петербург отстает от столицы по доле в население (3,6%), но еще сильнее – по доле в инвестициях, розничной торговле и доходах населения (4–5%).

Суммарная доля 13 миллионников – региональных центров и других крупных городов, входящих в их агломерации (с добавкой более чем миллионной агломерации Саратов–Энгельс) составляла в 2017 г. менее 13% численности населения страны, 17% жилищного строительства, 15%³ розничной торговли. Она ниже или сопоставима с долей Московской агломерации. Доля агломераций городов-миллионников в инвестициях (8,5%) почти в два раза ниже московской, т.к. инвестиции в России концентрируются в территориях с самыми большими конкурентными преимуществами – в столичной агломерации (20% от всех инвестиций в 2018 г.) и главном нефтегазодобывающем регионе – Тюменской области (14%).

Есть ли среди крупнейших городов, помимо федеральных, явные лидеры? Сравним социально-экономические показатели 40 крупнейших городов России с населением более 500 тыс. чел. за 2017 г., добавив к ним Калининград (рис. 2). Важнейшими индустриальными центрами остаются города со специализацией на металлургии и нефтехимии, эти отрасли получают большие доходы от экспорта продукции. Повышенные душевые показатели промышленного производства в Москве и С.-Петербурге – во многом следствие юридической регистрации в них компаний ТЭК. Больше инвестиций получают

³ Для сопоставимости муниципальной статистики розничной торговли (по крупным и средним организациям) со статистикой по регионам (по полному кругу организаций) суммарный показатель городов дооценен с учетом доли крупных и средних торговых организаций в обороте розничной торговли (47%).

Таблица 2. Коэффициенты вариации по основным социально-экономическим показателям крупных городов по экономическим районам

Экономические районы	Численность населения		Коэффициент естественного прироста		Коэффициент миграционного прироста		Доля населения моложе трудоспособного возраста		Доля населения старше трудоспособного возраста				
	2011	2017	2011	2017	2011	2017*	2012	2017	2012	2017			
Центральный	3,49	3,47	-0,02	0,56	0,59	0,02	0,40	0,46	0,06	0,11	0,07	0,11	0,04
Центральный без Москвы и Московской области)	0,48	0,48	0,01	0,59	0,61	0,02	0,26	0,18	0,06	0,08	0,07	0,07	0,00
Центрально-Черноземный	0,69	0,71	0,01	0,47	0,35	-0,12	0,31	0,15	0,08	0,06	0,09	0,06	-0,03
Северо-Западный и Северный	2,05	2,10	0,05	0,20	0,19	-0,02	0,26	0,34	0,09	0,07	0,09	0,07	-0,02
Северо-Западный и Северный (без Санкт-Петербурга)	0,32	0,34	0,03	0,21	0,19	-0,02	0,26	0,34	0,07	0,06	0,08	0,07	-0,01
Северо-Кавказский	0,88	0,92	0,03	0,72	0,56	-0,15	0,42	0,32	0,24	0,19	0,22	0,21	-0,02
Поволжский	0,79	0,80	0,01	0,56	0,52	-0,04	0,28	0,18	0,13	0,13	0,13	0,10	-0,03
Волго-Вятский	0,90	0,88	-0,03	0,43	0,36	-0,07	0,27	0,25	0,08	0,11	0,12	0,09	-0,03
Уральский	0,91	0,94	0,03	0,29	0,40	0,11	0,33	0,20	0,05	0,05	0,10	0,09	0,00
Западно-Сибирский	0,92	0,94	0,01	0,60	0,64	0,04	0,58	0,32	0,14	0,12	0,36	0,28	-0,08
Восточно-Сибирский	0,82	0,86	0,04	0,37	0,42	0,05	0,31	0,27	0,16	0,12	0,28	0,26	-0,02
Дальне-восточный	0,67	0,68	0,01	0,44	0,41	-0,04	0,38	0,26	0,13	0,10	0,15	0,15	0,00

Таблица 2. Окончание

Экономические районы	Среднемесячная зарплата			Душевой оборот розничной торговли			Ввод жилья на 1 тыс. населения			Душевые инвестиции			Душевой объем промышленного производства		
	2011	2017	2017-2011	2011	2017	2017-2011	2011	2017*	2017-2011	2011	2017	2017-2011	2011	2017	2017-2011
Центральный	0,30	0,28	-0,02	0,98	0,68	-0,30	1,02	0,94	-0,08	0,75	0,91	0,16	0,70	0,65	-0,05
Центральный (без Москвы и Московской области)	0,15	0,14	-0,01	0,37	0,30	-0,07	0,52	0,41	-0,11	0,52	0,50	-0,02	0,61	0,64	0,03
Центрально-Черноземный	0,13	0,11	-0,02	0,23	0,16	-0,08	0,35	0,47	0,12	0,52	0,36	-0,16	0,85	0,92	0,07
Северо-Западный и Северный	0,18	0,21	0,03	0,63	0,45	-0,18	0,67	0,62	-0,05	0,68	0,99	0,30	1,00	0,94	-0,06
Северо-Западный и Северный (без Санкт-Петербурга)	0,19	0,22	0,02	0,50	0,28	-0,22	0,71	0,66	-0,06	0,72	1,04	0,33	1,06	0,99	-0,07
Северо-Кавказский	0,19	0,17	-0,02	0,77	0,67	-0,11	0,64	0,76	0,13	1,50	0,94	-0,56	1,02	1,16	0,14
Поволжский	0,16	0,17	0,01	0,42	0,32	-0,10	0,54	0,46	-0,08	0,87	1,08	0,21	1,48	1,54	0,06
Волго-Вятский	0,17	0,16	-0,02	0,43	0,29	-0,14	0,50	0,42	-0,08	0,57	0,54	-0,03	0,23	0,31	0,08
Уральский	0,17	0,15	-0,02	0,58	0,41	-0,16	0,63	0,48	-0,16	0,72	0,67	-0,05	0,74	0,72	-0,01
Западно-Сибирский	0,49	0,47	-0,02	0,53	0,38	-0,16	0,68	0,65	-0,03	1,40	0,81	-0,59	1,05	0,77	-0,27
Восточно-Сибирский	0,31	0,34	0,03	0,69	0,53	-0,16	0,67	0,44	-0,22	0,84	1,05	0,21	1,70	1,63	-0,07
Дальне-восточный	0,26	0,31	0,05	0,46	0,65	0,19	0,62	0,86	0,24	0,63	0,74	0,11	0,46	0,73	0,28

*Среднее за 2016-2017 гг.

Источник: расчеты по данным Росстата.

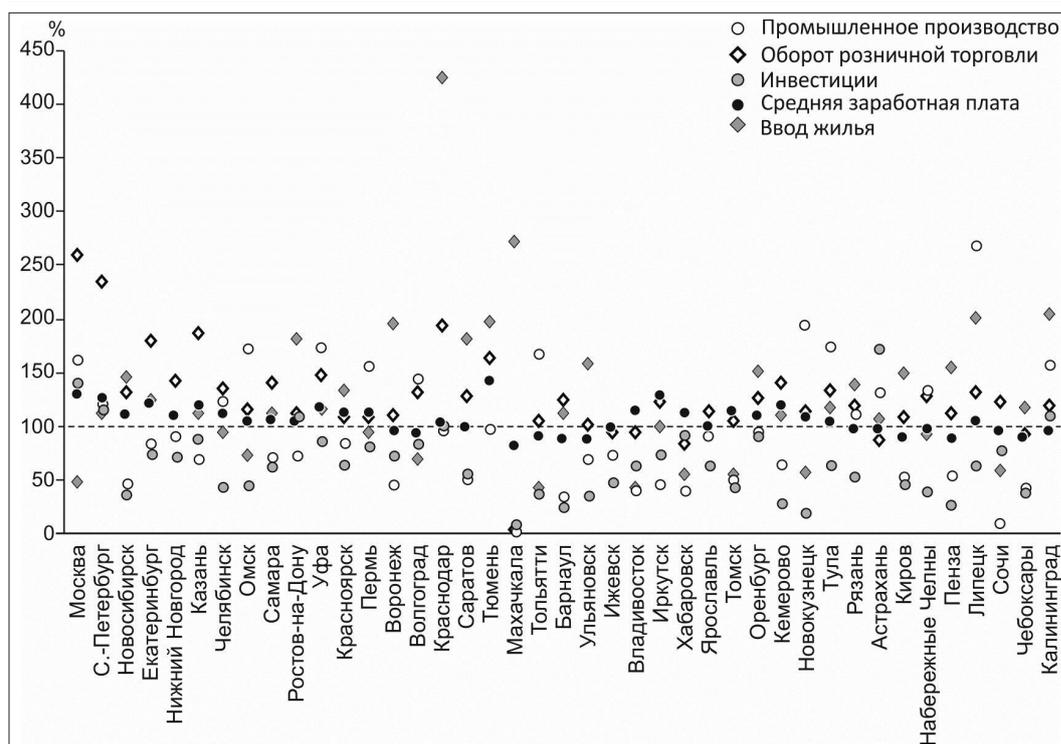

Рис. 2. Душевые показатели крупнейших городов России в 2017 г. с корректировкой на ценовые различия, в % к средним по РФ (РФ = 100%)
 Источник: расчеты по данным Росстата.

федеральные города, а также некоторые индустриальные города крупного бизнеса и региональные центры со стройками к особым датам (Ростов-на-Дону, Калининград). По душевому вводу жилья лидируют более комфортные для жизни города юга, региональные центры Черноземья, а также Тюмень и Калининград. Розничная торговля наиболее развита в федеральных городах и в более крупных или быстро растущих региональных центрах (Екатеринбург, Казань, Краснодар, Тюмень). По средней заработной плате, скорректированной на стоимость жизни, лидируют федеральные города, Екатеринбург, Тюмень и Иркутск, но в большинстве крупнейших городов различия невелики, поэтому нет и значительных перетоков мигрантов между ними – если уж уезжать, то в Москву. Городская статистика несовершенна, но она показывает, что лидерами среди крупнейших городов являются Москва и С.-Петербург, из остальных можно выделить Тюмень, Краснодар и Казань, но в целом различия между крупнейшими городами, помимо федеральных, невелики. Явных конкурентных преимуществ никто из них не имеет.

Перспективы развития агломераций крупнейших городов также зависят от достигнутой концентрации населения и экономики своего региона. Два огромных «пылесоса» – Москва и С.-Петербург – стягивают человеческие и финансовые ресурсы всей страны, но остальные крупнейшие города менее конкурентоспособны, им приходится довольствоваться в основном ресурсами своих регионов. Какие крупные города и их агломерации могут развиваться, имея более значительный запас этих ресурсов?

Расчеты по данным Росстата за 2017 г. показывают, что перспективы развития за счет концентрации ресурсов своего региона максимальны для агломераций юга страны (Краснодар, Ростов-на-Дону, Махачкала) и республик Поволжья (Казань, Уфа). Эти города имеют более низкую долю в численности населения, занятых, инвестициях, жилищном строительстве и розничной торговле своего региона (рис. 3). Возможности развития агломераций Самары, Новосибирска, Омска и Волгограда ограничены из-за уже достигнутого высокого уровня концентрации.

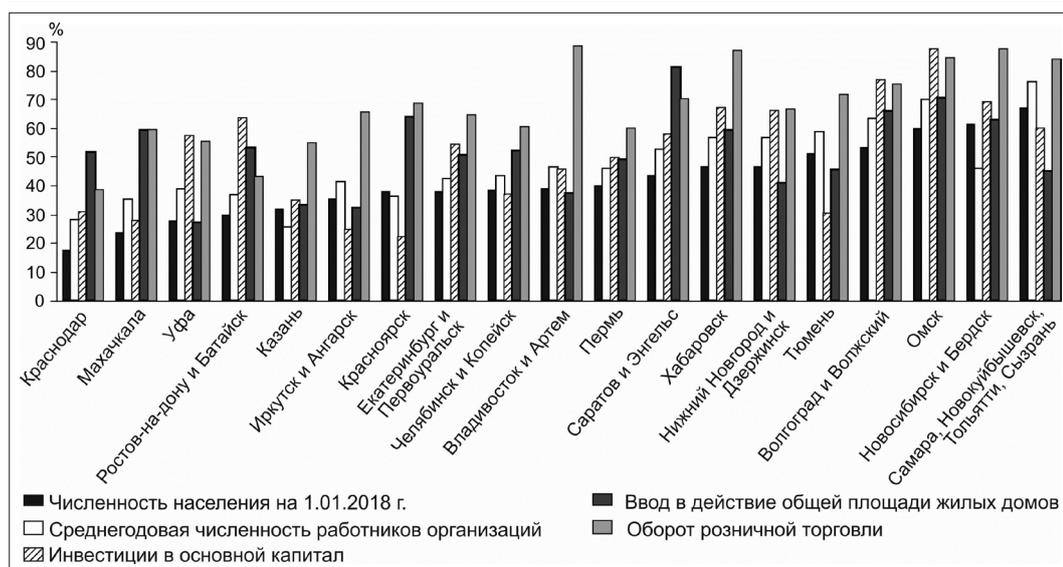

Рис. 3. Доля региональных центров (с крупными городами, входящими в их агломерации) в основных социально-экономических показателях своего региона в 2017 г., в %
 Источник: расчеты по данным Росстата.

Кроме объективных факторов, развитию крупных городов и их агломераций мешают институциональные барьеры. Все региональные центры имеют статус муниципалитетов (городских округов) и минимальные налоговые доходы. Они получают только 15% собранного на их территории НДФЛ (до 2012 г. было 30%), а налог на прибыль и на имущество юридических лиц поступает в региональный бюджет. Сформировать бездефицитный бюджет города за счет минимальной доли НДФЛ, налога на недвижимое имущество населения и налогов малого бизнеса невозможно. Уровень дотационности городских округов вырос с 47% в 2010 г. до 59% в 2018 г. (табл. 3). В регионах с городами-миллионниками самый высокий уровень

дотационности в 2018 г. имели городские округа Челябинской области (69%), выше среднего – Свердловской, Ростовской областей и Красноярского края (63–64%). Наименее дотационны городские округа в Татарстане (42%), Самарской и Новосибирской областях (47%), но и в них региональные власти контролируют почти половину бюджетов городов.

Власти городов ограничены и в принятии управленческих решений: в структуре трансфертов основную часть (34% из 59%) составляют субвенции, решения по которым принимает региональная власть и она же перечисляет городам бюджетные средства на их выполнение. Еще 16% – субсидии, это целевые трансферты, решения по которым

Таблица 3. Структура доходов бюджетов городских округов в 2018 г., %

Виды доходов	2010 г.	2016 г.	2018 г.
Налог на прибыль	1,0	0,3	0,3
НДФЛ	25,3	20,2	20,6
Налог на совокупный доход (малый бизнес)	4,4	4,7	4,9
Налог на имущество	7,5	6,1	6,2
Прочие налоговые и неналоговые доходы	14,7	10,9	8,7
Трансферты	47,1	57,7	59,3
в т.ч. дотации	6,4	5,2	5,4
субсидии	17,4	14,6	16,3
субвенции	20,0	34,9	33,8

Источник: расчеты по данным Федерального Казначейства.

также принимает регион, а город должен их софинансировать. На дотации (свободно расходующие городом средства) приходится только 5%. В результате денег на развитие мало, управленческие решения диктуются сверху, все или большая часть полномочий по социальной защите населения, здравоохранению, образованию переданы на региональный уровень.

До 2012 г. городские округа оставляли себе 30% НДФЛ и были более самостоятельными в принятии решений, но усиление «вертикали власти» ограничило их развитие. В результате конкуренция крупных городов идет не за человеческие ресурсы и инвестиции бизнеса, что способствует развитию, а за финансовую помощь из регионального и федерального бюджетов. Для снижения институциональных барьеров необходима децентрализация системы управления в России и конкуренция агломераций, стимулирующая их развитие. Однако в СПР институциональные проблемы вообще не рассматриваются, и это означает, что важнейшие барьеры полицентричного развития страны вряд ли будут устранены в нынешнем политико-экономическом цикле.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

Различия в уровне социально-экономического развития крупных городов-муниципалитетов обусловлены влиянием объективных факторов – численности населения, статуса, специализации экономики и географического положения.

Концентрация населения и экономической деятельности в Московской столичной агломерации сопоставима или превышает суммарную концентрацию в городах-миллионниках – региональных центрах, таким образом разрыв между ними остается устойчивым.

Различия в уровне развития крупнейших городов – региональных центров не так велики, относительными лидерами являются

Тюмень, Казань, Краснодар и отчасти Екатеринбург.

Состояние региональных центров лучше, чем нестоличных городов, поэтому любые попытки укрупнения регионов нанесут удар по «точкам роста» – региональным столицам.

За 2010-е гг. снизился уровень дифференциации крупных городов по базовым социально-экономическим показателям, сильнее это проявлялось в нестоличных городах, исходно более дифференцированных по сравнению с региональными центрами. Заметнее всего снизился коэффициент вариации душевого розничного товарооборота и инвестиций вследствие кризиса. Кризисное «выравнивание» способствует консервации негативных тенденций городского развития.

Для большинства экономических районов также характерна тенденция уменьшения различий между городами по большинству социальных и демографических показателей. Внутрирайонные коэффициенты вариации выше для показателей душевого объема промышленного производства и инвестиций, тесно связанных с унаследованной хозяйственной специализацией городов.

Для решения проблем крупных городов-муниципалитетов необходима децентрализация системы управления и снижение барьеров развития среднего и малого бизнеса, однако это не реализуемо в текущем политико-экономическом цикле. В результате крупные региональные центры будут и дальше отставать в развитии от Москвы и С.-Петербурга. Полицентрическое развитие России возможно только при кардинальной трансформации институтов – от сверхцентрализации к децентрализации, в том числе внутри регионов. Без такой трансформации невозможно решить проблему отставания агломераций крупных региональных центров от федеральных городов, даже при дополнительном финансировании развития инфраструктуры из федерального бюджета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым? / Стрелка, декабрь 2017 г. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com>
2. Голубчиков О.Ю., Махроа А.Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2013. № 2. С. 54–60.
3. Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах Российского Севера в 1990–2010-е гг. // Региональные исследования. 2017. № 2. С. 44–55.
4. Денисов Е.А. Социально-экономическая трансформация городов российского Севера: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2018. 181 с.

5. *Ипполитова Н.А.* Численность населения как один из индикаторов социально-экономического развития городов (на примере сибирских регионов) // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2018. Т. 4 (14). № 4. С. 175–186.
6. *Зубаревич Н.В.* Города как центры роста экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 5–19.
7. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России в 2000-е годы: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 6. С. 15–26.
8. *Карачурина Л.Б.* Динамика населения центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2018. № 4. С. 7–21.
9. *Кузнецова О.В.* Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2018. № 4. С. 75–82.
10. *Мкртчян Н.В.* Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2018. № 6. С. 26–38.
11. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* «Сильные» и «слабые» города России // *Полюса и центры роста в региональном развитии* / Под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 1998.
12. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // *Региональные исследования*. 2010. № 2 (28). С. 42–57.
13. *Нефедова Т.Г., Слепухина И.Л., Браде И.* Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2016. № 2. С. 27–38.
14. *Федоров Г.М., Разумовский В.М., Кузнецова Т.Ю., Гуменюк Л.Г.* Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // *Известия РГО*. 2017. Т. 149. № 6. С. 14–24.
15. *Щур А.Е.* Города-миллионники на карте смертности России // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–91.
16. *Antonov E. V.* Demographic and Economic Asymmetry of Urban Development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014 // *Regional Research of Russia*. Pleiades Publishing, Ltd (Road Town, United Kingdom). V. 8. № 1. Pp. 16–33.
17. *World Development Report 2009. Reshaping economic geography*. World Bank, 2009. (Мировой доклад о развитии 2009. Пересматривая экономическую географию. Мировой банк. 2009).

Об авторах

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов в России в 2000-х годах // *Региональные исследования*. 2019. № 1. С. 39–51. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-4.

Russia largest cities development in 2010s

N. V. Zubarevich*, S. G. Safronov**

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: nzubarevich@gmail.com

**e-mail: safffff@mail.ru

Differences in the level of socio-economic development of large cities with a population of over 100 thousand inhabitants depend on objective factors including population, status, economic specialization and geographical location. The concentration of the population and the economy in the Moscow agglomeration exceeds the concentration in the all regional centers with a population of over a million inhabitants. The development of regional centers is better than non-capital cities, leaders are Tyumen, Krasnodar and Kazan. During the 2010s, the differentiation of cities according to the main socio-economic indicators has decreased, especially in non-capital cities. The convergence of indicators of retail turnover and investment during the crisis reflects negative “leveling” of urban development. In economic districts, cities differences decreased in most social and demographic indicators, while maintaining differences in industrial output and investments which depend on the economic specialization of cities. The barrier to the development of large cities – municipalities is the over-centralization of the budget and management system. Polycentric development of Russia is possible only with decentralization, transfer of resources and powers to cities, competition of cities for investment and human capital.

Key words: the big cities, agglomerations, socio-economic development of the big cities, inequality, convergence, economic concentration, city budgets.

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

© 2019 г. А. И. Краснов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.krasnov@spbu.ru*

В статье рассматривается процесс динамики городских поселений Псковской области в демографическом и экономическом аспектах. На основе открытых данных о бюджетах городских поселений, муниципальной налоговой статистики и данных о численности населения проведен анализ взаимосвязей демографических и экономических изменений в городских поселениях, составляющих каркас системы расселения региона и являющихся административными центрами. Составлена ранговая иерархия поселений и проведен кластерный анализ взаимосвязей демографических и экономических показателей. Выявлена сложная пространственная структура распределения и дифференциации городских поселений Псковской области по уровню экономического и демографического развития, влияние на которую оказывают в первую очередь внешние условия и факторы, в то время как прямой взаимосвязи между состоянием экономики и демографической составляющей не наблюдается.

Ключевые слова: Псковская область, система расселения, каркас расселения, экономика региона, городские поселения, малые города, депопуляция.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-5

Введение и постановка проблемы. Состояние региональных систем расселения в России в целом и в Нечерноземье в частности на протяжении последнего столетия было крайне нестабильным. Параллельно с общемировыми трендами, имевшими место в развитых странах (дифференциальная урбанизация, поляризация), происходили «шоковые» процессы, кардинально менявшие, прежде всего, сельское расселение. К ним относятся коллективизация, индустриализация, ликвидация «неперспективных» деревень. Однако, помимо кардинальной трансформации сельской местности, существенно изменился и каркас городского расселения. В особенности это коснулось состояния малых и средних городов, выполнявших функции административных и организующих центров.

В городах сегодня проживает большая часть населения (70,9% для Псковской области), они аккумулируют основные производственные мощности и большинство мест приложения труда, там больше возможностей для самореализации. Таким образом, происходит возвышение городских поселений над окружающими территориями и одновременно усиливается взаимозависимость их друг от друга. Особенно ярко это проявляется в Нечерноземье, где сельская местность

не имеет возможности стимулировать городские территории, как это происходит, например, в Белгородской области или Краснодарском крае. Некоторые исследователи прямо говорят о кризисе сельской местности, тесно увязывая его с депопуляцией села и кризисом агропроизводства [18].

Псковская область относится к числу самых неблагоприятных с демографической точки зрения регионов России. Численность населения региона продолжает уменьшаться. Анализ показателей естественного прироста населения Псковской области даёт основание говорить о положительной динамике развития демографических процессов в регионе и некотором улучшении демографической обстановки. За 15 лет произошло значительное сокращение естественной убыли населения Псковщины. По сравнению с началом XXI в., в регионе заметно снизилась смертность и выросла рождаемость [8, 13].

Ранее нами анализировалась их пространственная экономическая дифференциация [9]. В итоге, была выявлена сложная пространственная структура распределения и дифференциации районов Псковской области по уровню экономического развития, влияние на которую оказывает целая группа локальных факторов, не потерявших актуальность и сейчас.

Помимо усиливающихся процессов поляризации, Псковская область входит в число самых неблагополучных в социально-экономическом отношении в стране. Общее сокращение численности населения с 1989 по 2018 г. составило 24,8%, причем городское население уменьшилось на 15,2%, а сельское – на 41%. Псковская область находится на 75 месте в России по уровню социально-экономического развития [27], на 62 месте – по качеству жизни населения [26], на 81 месте – по уровню зарплат [24] среди всех регионов страны.

Целью данной работы является выявление факторов экономической дифференциации городских поселений Псковской области и анализ их взаимосвязей с демографическими процессами.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучение систем расселения разных иерархических уровней является традиционной темой исследований социально-экономической географии. Скорость и направления изменений систем расселения зависит от многих пространственных (транспортная система, физико-географические условия, особенности заселения, центр-периферийные различия и пр.) и внепространственных (уклад экономики, тип общественного устройства, кризисные явления и пр.) факторов. При этом устойчивость регионального расселенческого каркаса обусловлена, прежде всего, социально-экономическим состоянием городским населенных пунктов.

Наиболее изученной региональной системой расселения является Московский столичный регион, как с точки зрения комплексных работ по постсоветской трансформации [2, 6], так и с позиции роли отдельных форм расселения преобразовании пространства [17]. Регионам, находящимся за пределами крупногородских ареалов и крупнейших урбанизированных зон, уделено значительно меньше внимания в трудах географов. Одним из наиболее ярких примеров исследований системы расселения слабоурбанизированной территории и функций районных центров являются работы А.А. Фомкиной, посвященные Тверской и Ивановской областям [21]. Малые города региона исследовались на примере Республики Карелия [8], где были выявлены и обоснованы новые тенденции в развитии малых городских поселений Республики Карелия.

Работы непосредственно по Псковской области затрагивают, прежде всего, историко-географические особенности заселения региона. А.Г. Манаковым и В.С. Дементьевым выявлены ключевые тренды в трансформации системы сельского расселения региона в период 1959–2010 гг. [15]. Рядом отечественных исследователей были выявлены неблагоприятные особенности системы расселения Псковской области, среди которых выделяются: слабая заселенность региона, разреженность сети поселений, «разорванность» региона между северным (Псков) и южным (Великие Луки) центрами, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры [20]. В последнее десятилетие перечисленные особенности не только не исчезли, но и их проявления усилились. При этом на первый план в трансформации системы расселения региона вышли социально-экономические факторы [4].

Процесс формирования городских поселений на территории Псковского региона имеет многовековую историю. На протяжении веков на их развитие оказывали влияние разные факторы. К ним относятся военно-стратегические интересы, выгоды географического положения, центр-периферийные отношения, развитие промышленности в начале XX в. и др. [3].

Значимые выводы по изучению системы расселения Псковской области, носящие, однако, в пространственном смысле фрагментарный характер, содержатся в монографии Т.Г. Нефедовой и соавторов [1].

Меж тем каркасу городов, его роли в кристаллизации системы расселения в данных работах должного внимания не уделено. Но районообразующая и районоорганизующая роль городов несомненна. Они являются важнейшими факторами социально-экономического развития окружающего района, оказывающими определяющее влияние на формирование в нем систем расселения, транспортной сети, территориально-рекреационных систем. Узлы опорного каркаса расселения дают ориентир развитию территориальной структуры подшефных районов, разносторонне их обслуживают, выступая в качестве региональных столиц [13].

Также отметим, что у городов, как у узлов опорного каркаса расселения, прослеживаются три главные функции: районоорганизующая, взаимодействия и освоенческая [22].

Рядом исследователей считается, что опорными узлами развития региона, помимо его центра, можно назвать города, отвечающие следующим требованиям: численность населения от 50 тыс. чел., выполнение функций по обслуживанию населения двух или более муниципальных районов, наличие диверсифицированной экономической базы, включенность в транзитные потоки региона и страны [19]. При данном подходе получается, что в Псковской области не существует опорных центров, кроме Пскова и Великих Лук. Это подтверждает актуальность исследования динамики демографического и экономического развития районных центров региона.

Процессы, связанные с динамикой численности населения и социально-экономическим развитием муниципальных образований, иногда укладывается в модель поляризованно-распределенного развития, где удаленные районные центры начинают играть роль в локализации экономической массы [5]. Также, успешно были применены подходы, опирающиеся на использование статистики ФНС (Федеральной налоговой службы), в частности, хорошо себя зарекомендовал показатель объема налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций в разрезе муниципальных образований (форма 5-ПМ) и другие виды налоговой статистики [11].

Материалы и методика исследования. В качестве объекта исследования выступает региональная система городов и городских муниципальных образований, являющаяся расселенческим каркасом пространства Псковской области.

Исследование опирается на данные по 22 городским поселениям (далее – ГП) Псковской области, являющиеся административными центрами районов. Информационную основу работы составляют данные Федеральной налоговой службы, базы данных показателей муниципальных образований, региональных статистических сборников, а также результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Из рассмотрения сознательно исключены Псков и Великие Луки как населенные пункты несоизмеримо большего демографического и экономического масштаба, чем все остальные центры.

Первым шагом исследования стала оценка демографического фона, на котором про-

истекают экономические процессы. Нами было выбрано два временных интервала – реперные значения численности населения муниципальных образований брались на осень 2002 г., осень 2010 г. (переписи населения) и 1 января 2018 г. (данные текущего учета).

На втором же этапе было проанализировано экономическое положение городских поселений региона, для чего были выбраны следующие ключевые показатели:

1. Количество зарегистрированных на территории муниципального образования (далее – МО) юридических лиц на 1000 чел. населения.

2. Собственные доходы бюджета МО на душу населения.

3. База налога на прибыль организаций, начисляемого на территории МО.

4. Динамика налога на доходы физических лиц, зарегистрированных в МО.

Данные показатели не лишены определенных недостатков. Во-первых, все они лишь косвенно свидетельствуют о масштабах и динамике экономики; во-вторых, существует упрощенная система налогообложения; в-третьих, при расчете налога на прибыль организаций есть нюансы с обособленными подразделениями крупных организаций. Но, несмотря на недостатки, они в сумме являются вполне удобным набором показателей, которые свидетельствуют об объемах и состоянии экономики на уровне отдельных поселений. Перечисленные показатели легли в основу интегрального рейтинга, показывающего состояние местной экономики.

Результаты исследований и их обсуждение. Период 2000–2010-х гг. характеризовался разнонаправленной и неодинаковой динамикой численности населения в районах и районных центрах (см. табл. 1). Абсолютно все сельские территории Псковской области замедлили темпы депопуляции в период с 2010 по 2018 г. по сравнению с межпереписным периодом, а Гдовский район так и вовсе увеличил свое население. В то же время для динамики численности населения городских поселений картина не столь радужная. Лишь 10 из 22 ГП замедлили свою депопуляцию, в остальных 12 ускорился процесс уменьшения численности населения. С негативной стороны особенно выделяются Струги Красные и Плюсса.

Таблица 1. Динамика численности населения муниципалитетов Псковской области в период с 2002 по 2018 г.

№	Муниципалитет Временной интервал	Городские поселения района				Сельские поселения района			
		2010 / 2002	2018 / 2010	2018 / 2002	Динамика между интервалами	2010 / 2002	2018 / 2010	2018 / 2002	Динамика между интервалами
1	пгт Бежаницы	89,4	80,0	71,5	-9,4	70,3	74,8	52,6	4,5
2	г. Гдов	84,7	79,0	66,9	-5,7	67,1	103,3	69,3	36,2
3	пгт Дедовичи	89,0	84,8	75,5	-4,2	73,7	76,8	56,6	3,1
4	г. Дно	90,2	84,8	76,5	-5,4	71,3	82,7	59,0	11,3
5	пгт Красногородск	82,4	94,4	77,8	11,9	67,7	92,2	62,4	24,5
6	пгт Кунья	88,7	87,4	77,5	-1,2	76,1	87,5	66,6	11,5
7	пгт Локня	79,1	88,4	69,8	9,3	67,7	82,0	55,5	14,4
8	г. Невель	88,0	92,4	81,3	4,3	80,3	84,7	68,0	4,4
9	г. Новоржев	89,6	88,0	78,8	-1,6	69,7	85,0	59,2	15,3
10	г. Новосokolьники	83,2	88,9	74,0	5,7	69,1	84,7	58,5	15,6
11	г. Опочка	83,1	87,4	72,6	4,3	70,6	89,0	62,8	18,3
12	г. Остров	86,4	94,3	81,5	7,9	81,2	89,3	72,5	8,0
13	пгт Палкино	91,3	88,8	81,1	-2,5	80,6	84,8	68,3	4,1
14	г. Печоры	85,7	88,2	75,6	2,4	89,3	90,9	81,1	1,6
15	пгт Плюсса	89,5	77,7	69,5	-11,8	74,0	84,2	62,3	10,2
16	г. Порхов	86,5	82,4	71,3	-4,1	67,6	79,2	53,6	11,6
17	г. Пустошка	83,8	87,0	72,9	3,1	72,5	85,5	62,0	13,0
18	пгт Пушкинские Горы	85,8	87,5	75,1	1,8	71,9	83,8	60,2	11,9
19	г. Пыталово	85,6	91,8	78,6	6,2	77,8	87,2	67,8	9,4
20	г. Себеж	89,3	84,7	75,7	-4,6	83,4	89,9	75,0	6,5
21	пгт Струги Красные	96,4	74,7	72,0	-21,7	64,2	74,0	47,5	9,8
22	пгт Усвяты	94,1	89,5	84,1	-4,6	82,1	88,8	72,9	6,7
	Среднее значение	87,0	87,4	76,0	0,3	74,5	85,8	63,9	11,4

Составлено автором по [23, 25].

Таким образом, в первом приближении видно, что с точки зрения демографических процессов сельские территории на сегодняшний день являются более устойчивыми, чем городские. Отчасти это объясняется тем, что именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. село подверглось большей потере населения, чем города. Но даже при этом можно утвердительно говорить, что стабилизация численности населения в сельской местности ближе, чем в городских поселениях,

а скорость демографической деградации значительно ниже.

Средним значением показателя количества зарегистрированных на территории МО юридических лиц на 1000 человек населения для всей Псковской области является 24,4 единицы. Причем, неоспоримым лидером, не отраженным в таблице, является Псков (41,1 ед.). При этом, исключив из рассмотрения Псков и Великие Луки по причинам, указанным выше, мы получим среднее

Таблица 2. Основные экономические показатели городских поселений Псковской области (серым цветом выделены ячейки, значения в которых превышают средние

Городские поселения	Показатели					Ранги					Сумма рангов
	Кол-во юр. лиц на 1000 чел., ед.	Собственные доходы бюджета ГП на душу населения, руб. (2017)	Налог на прибыль 2017, тыс. руб.	Динамика НДФЛ (2017/2011, %)	Кол-во юр. лиц на 1000 чел., ед.	Собственные доходы бюджета ГП на душу населения, руб. (2017)	Налог на прибыль 2017, тыс. руб.	Динамика НДФЛ (2017/2011, %)			
Печоры	18,2	3597,2	16244,0	123,9	2	4	2	2	10		
Гдов	25,6	4161,0	5651,0	126,8	1	2	9	1	13		
Пушкинские Горы	17,2	4667,8	5740,0	103,2	3	1	8	7	19		
Остров	13,2	2297,2	11275,0	106,9	10	11	3	4	28		
Пустошка	14,0	2968,6	463,0	106,6	6	7	17	5	35		
Порхов	12,5	2644,6	6846,0	97,6	12	9	7	10	38		
Дедовичи	11,3	2233,6	24659,0	95,1	15	12	1	13	41		
Себеж	14,2	4014,3	1293,0	66,3	5	3	14	22	44		
Бежаницы	11,5	3512,0	2175,0	90,4	14	5	11	17	47		
Пыталово	13,1	2734,3	2852,0	85,2	11	8	10	18	47		
Дно	6,8	3286,0	9443,0	92,7	22	6	5	15	48		
Невель	9,4	1713,4	10138,0	103,5	19	19	4	6	48		
Палкино	13,9	1786,3	1157,0	100,3	7	18	15	9	49		
Опочка	11,2	2200,6	1501,0	100,3	16	13	13	8	50		
Новосокольники	11,0	2534,8	9162,0	68,5	17	10	6	21	54		
Струги Красные	13,7	1970,9	1590,0	73,7	8	15	12	20	55		
Кунья	12,0	1994,5	270,0	96,3	13	14	18	12	57		
Плюсса	16,2	1221,3	2,0	97,0	4	22	21	11	58		
Локня	13,3	1848,9	259,0	92,7	9	16	19	16	60		
Усвяты	9,4	1611,2	0,0	114,5	20	20	22	3	65		
Новоржев	9,4	1814,9	629,0	81,6	18	17	16	19	70		
Красногородск	8,6	1377,5	109,0	93,9	21	21	20	14	76		
Среднее по городским поселениям	13,1	2526,1	5066,3	96,2	-	-	-	-	-		

Составлено автором по [23, 28].

значение 13,1 единицу, что ощутимо меньше среднеобластного значения.

Дисперсия показателя, характеризующего собственные доходы бюджета поселения на душу населения так же, как и в случае с предыдущим показателем, достаточно невелика. А вот разброс значений налога на прибыль уже оказывается гораздо более значителен.

Динамика собираемого налога на доходы физических лиц является разнонаправленной. Причиной этого является использование дефлятора ВВП и приведение значений налога к уровню цен одного года.

Нами была проведена ранговая иерархия городских поселений по выбранным экономическим показателям. О достоверности составленной иерархии говорит значимая корреляционная зависимость между итоговыми рангами и каждым из учтенных показателей (значения 0,66; 0,77; 0,64; 0,56 соответственно столбцам в таблице).

Отступив немного в сторону, уместно дать дополнительный комментарий по рассматриваемым показателям. Так, например, коэффициент корреляции между значениями собираемого налога на прибыль для всего муниципального района с одной стороны и его административного центра с другой в 2017 г. составило 0,98. При рассмотрении периода с 2012 по 2017 гг., колебания данного коэффициента лежат в пределах значений от 0,92 до 0,98. Указанные цифры свидетельствуют о *чрезвычайно высокой* хозяйственной зависимости районов Псковской области от своих центров и сверхконцентрации прибыльных субъектов экономической деятельности в них (центрах). Городские поселения–административные центры создают 83,2% все налогооблагаемой базы по налогу на прибыль в районах

Но при этом, если мы проанализируем структуры доходов местных бюджетов городских поселений и муниципальных районов, мы заметим, что доля собственных доходов бюджетов городских поселений составляет лишь 13% в общем объеме собственных доходов бюджетов муниципальных районов, достигая максимальных значений в Дновском (25%) и Пушкиногорском (24%) районах.

Возникает противоречие – налог на прибыль формируется практически полностью в городах (что говорит об их значимости),

а в собственных доходах бюджетов районов города представлены весьма слабо (что говорит об обратном). Из этого противоречия можно сделать несколько выводов. Во-первых, сильные организации в сельской местности (за пределами городских поселений) практически отсутствуют. Исключения составляют Плюсский (Ляды – центр молочной отрасли севера области) и, в меньшей степени, Бежаницкий и Себежский районы (имеются крупные рабочие поселки со статусом городского поселения). Во-вторых, прибыльные организации также, по всей видимости, вырастают в городской среде, а не в сельской местности.

Еще одним вариантом оценки экономического климата в муниципальном образовании может служить доля налога на доходы физических лиц в общей структуре доходов бюджета МО. Высокая доля НДФЛ в бюджетах свидетельствует об отсутствии на данной территории каких-либо значимых субъектов хозяйственной деятельности, чье функционирование могло бы отразиться в доходах бюджета. Поэтому бюджет в основном наполняется налогами с заработных плат работников госсектора. Либо, как вариант, в МО с высокими показателями доли НДФЛ работает крупное предприятие, зарегистрированное на другой территории. Так, средний показатель по городским поселениям исследуемого региона составляет 48%, то есть бюджеты этих поселений почти наполовину состоят из доходов в виде НДФЛ. Причем, взяв для сравнения аналогичный показатель на уровне муниципальных районов, его значение будет более чем вдвое меньше (21%). Это объясняется централизацией практически всех госструктур в административном центре района (школы, больницы, администрация, объекты ЖКХ и др.). Оказалось, что показатель доли НДФЛ в бюджетах поселений тесно связаны с некоторыми исследованными нами показателями. Например, корреляция с относительным количеством зарегистрированных юридических лиц на территории является достаточно высокой (–0,56). То есть налицо обратная связь между долей НДФЛ в бюджете поселения, и уровнем экономической активности населения (местного или пришлого).

Далее, уместно сравнить достижения рассматриваемых поселений в экономической сфере с их демографической динамикой.

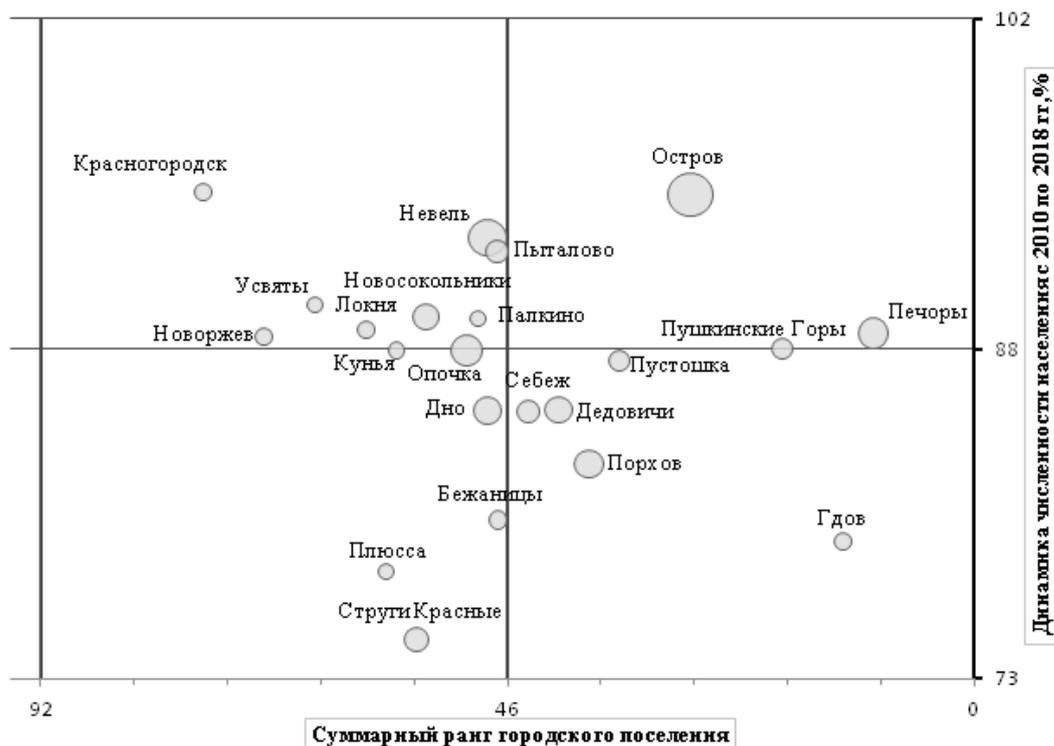

Рис. 1. Кластерный анализ взаимосвязей показателей

Ниже представленная система координат (рис. 1) показывает зависимости экономических показателей городских поселений с их демографической динамикой. За ось абсцисс принят суммарный ранг городского поселения, за ось ординат – динамика численности населения поселений с 2010 по 2018 г., а размер круга, обозначающий городское поселение – численность его населения. Дополнительные оси, пересекающиеся в центре графика, показывают средние значения по региону.

Поселения, расположенные в нижней левой (III) координатной четверти, депопулируют наиболее быстрыми темпами и имеют наихудшие значения интегрального ранга (например, Плюсса и Струги Красные). Поселения, попавшие в правую верхнюю (I) четверть, в свою очередь, сравнительно устойчивы в демографическом плане, теряя население медленно, и имеют наиболее благополучную экономику (например, Остров и Печоры).

Наблюдается почти полное отсутствие корреляции между уровнем экономического развития и направлением демографических преобразований. Экономическая ситуация

не зависит от размера населенного пункта, также она не определяется динамикой численности населения. Выявляется сложная пространственная структура распределения и дифференциации городских поселений Псковской области по уровню экономического и демографического развития, влияние на которую оказывают в первую очередь внешние условия и факторы.

На устойчивость городов и окружающих их территорий оказывала и оказывает влияние близость региональных центров и крупных транспортных магистралей. Так, расположенные вдали от указанных объектов Красногородск или Новоржев демонстрируют негативные динамики по всем почти показателям. В то же время, Гдов, Печоры, Остров, Пустошка – напротив, являются сегодня примерами сравнительного экономического благополучия.

Но географическое (транспортно-географическое) положение – лишь один из факторов дифференциации городских поселений. За последние годы, когда система расселения региона начала приобретать черты стабильности, оправляться после катастрофических явлений 1990-х и 2000-х гг., стали все более

очевидными механизмы адаптации территорий к новым реалиям. Например, наличие аттрактивных элементов в природном, экономическом или культурном ландшафте становится фактором притока инвестиций, туристов, рабочей силы, например, побережье Чудского озера (Гдов и Гдовский район), Пушкинский Заповедник (Пушкинские горы), Псково-Печорский Свято-Успенский мужской монастырь (Печоры), ОАО «ОЗЭМ» (Остров). Все перечисленные города находятся в правой части рисунка 1.

Еще одним фактором сравнительной устойчивости городского поселения является наличие одного крупного объекта, стабилизирующего рынок труда и прилегающую сельскую территорию. Дно является одним из крупнейших железнодорожных узлов региона, в Дедовичах работает крупная ГРЭС. Но в долгосрочной перспективе эти объекты скорее могут оказаться дестабилизирующими элементами, создавая фактически моноспециализированную экономику. Тем более, что их собственники территориально далеки от Псковской области.

Выводы. Таким образом, анализ демографических трендов в сочетании с базовыми экономическими характеристиками городских поселений Псковской области выявляет сложную пространственную структуру их распределения и дифференциации, влияние на которую оказывают в первую очередь внешние условия и факторы.

В первом приближении видно, что с точки зрения демографических процессов, сельские территории на сегодняшний день являются более устойчивыми чем городские. Отчасти это объясняется тем, что именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. село подверглось большей потере населения, чем города, фактически являя нам пример статистического эффекта «низкой базы». Но даже при этом можно утвердительно говорить, что стабилизация численности населения в сельской местности ближе, чем в городских поселениях, а скорость демографической деградации значительно ниже. А значит, есть все основания полагать, что депопуляция городов региона продолжится. При этом отметим, что темпы депопуляции не зависят от размера населенного пункта, коэффициент корреляции между этими показателями крайне незначителен ($R=0,27$). При этом демографическая ситуация не за-

висит от уровня экономической развитости городского поселения.

При этом основная прибыль концентрируется в городских поселениях, но она играет такую незначительную роль доходной части бюджетов, что затруднительно сказать, что они обеспечивают значимую долю бюджетов муниципальных районов.

В структуре городского расселения региона преобладают населенные пункты, выполняющие лишь административные функции. К ним относятся Красногородск, Усвяты, Кунья, Плюсса, Локня, Струги Красные и некоторые другие. Эти населенные пункты неизбежно ждет постепенная деградация, они не могут считаться *опорными центрами* развития региона. Но при этом потеря статуса административного центра района может привести к еще более негативным последствиям для территории и системы расселения. Фактически, для развития сельской местности и территории в целом, город в виде центра поселения или района не является больше необходимостью. Он остается востребованным как место рыночной торговли, куда сбывается продукция, производимая в ЛПХ, там сохраняются функции административного центра территории. Его функции меняются, все больше ориентируясь на удовлетворение потребностей и обслуживание рекреантов (дачников). Поэтому перед властями региона и научным сообществом стоит задача поиска новых подходов к пространственной организации социально-экономических систем.

Реальными опорными центрами могут становиться и становятся лишь крупные, удачно расположенные или обладающие некими аттрактивными компонентами населенные пункты (Остров, Печоры, Невель). При этом дополнительным фактором роста (или препятствия деградации) может становиться окружающая сельская местность в случае, если она в свою очередь является сравнительно благополучной, привлекательной для рекреантов или агробизнеса.

В заключение отметим, что фактором, сильно влияющим на систему расселения Псковской области и вносящим некоторый вклад в стабилизацию локальных экономик, является приток рекреантов и дачников из Санкт-Петербурга, Москвы и других субъектов РФ, но их роль в данной статье не оценивалась.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФИ по гуманитарным

и общественным наукам, проект №17-02-00069(а) «Оценка устойчивости социально-экономического развития городов разной людности в условиях геоэкономической неопределенности (на материалах Северо-Запада России)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нефедова Т.Г., Тревиш А.И.* Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ин-т геогр. РАН. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
2. *Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г.* Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003. 184 с.
3. *Дементьев В.С.* Развитие городских поселений Псковского региона в средневековую и губернскую эпохи: историко-географический анализ // Псковский регионологический журнал. 2017. № 1 (29). С. 112–125.
4. *Дементьев В.С.* Характеристики расселения Псковской области в период 1970–2010 гг.: историко-географический анализ // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Естеств. и физ.-матем. науки. 2016. № 8. С. 45–64.
5. *Дружинин А.Г., Лачинский С.С., Шендрик А.В.* Экономическая и селитебная динамика поселений Ленинградской области: влияние факторов трансграничной кластеризации // Известия РГО. 2018. Т. 150. № 3. С. 12–27.
6. *Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В.* Динамика расселения в московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 188–223.
7. *Кнобельсдорф Э.В.* Районообразующая роль городов и крупных сельских поселений // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С. 69–90.
8. *Колотева И.В.* Современные тенденции развития малых городских поселений Карелии: Дисс. ... канд. геогр. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 1999. 165 с.
9. *Краснов А.И., Сухарников И.И.* Экономическая дифференциация муниципальных районов Псковской области // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 27–38.
10. *Кривуля И.В.* Динамика процессов естественного движения населения Псковской области в XXI веке // Историческая география Восточной Европы: природное и культурное наследие. Мат-лы Междунар. научн.-практ. конф. Псков, 2016. С. 87–90.
11. *Кузнецов С.В., Лачинский С.С., Шендрик А.В.* Экономическая динамика городских поселений Ленинградской области // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 3–4 (56–57). С. 76–85.
12. *Кузьмина Л.Р.* Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости Белгор. Гос. ун-та. Сер.: Экономика. Информатика. 2016. Т. 39. № 16 (237). С. 16–23.
13. *Лаппо Г.М.* География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
14. *Лаппо Г.М.* Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1 (3). С. 3–12.
15. *Манаков А.Г., Дементьев В.С.* Динамика сельского расселения Псковской области в 1959–2010 гг. // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 55–63.
16. *Манаков А.Г., Кривуля И.В.* Демографическая обстановка в Псковской области в 2010 – первой половине 2012 гг. // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 76–82.
17. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
18. *Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна.* М.: ОГИ, 2005. 816 с.
19. *Смирнов И.П.* Средние города как опорные центры развития территории // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 116–121.
20. *Теренина Н.К., Васильева Т.В.* Особенности системы расселения и территориального развития Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2010. № 9. С. 13–18.
21. *Фомкина А.А.* Функции районного центра: новый взгляд // Вестн. Тверс. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2015. № 1. С. 79–87.
22. *Шайхеева Д.Х.* Роль малых и средних городов в опорном каркасе региона // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 3. С. 72–75.
23. База данных показателей муниципальных образований. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>
24. Исследование РБК: самые богатые и самые бедные города России. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/04/2015/552a6a419a79471fcb568dc8>
25. Портал муниципальных образований Псковской области URL: <http://reg60.ru/>
26. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2017. URL: <http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html>
27. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 г. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>
28. Федеральная налоговая служба. Статистика и аналитика. URL: https://www.nalog.ru/m60/related_activities/statistics_and_analytics/

Об авторе

Краснов Антон Иванович – старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

Для цитирования:

Краснов А.И. Факторы экономической дифференциации городских поселений Псковской области в системе расселения региона // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 52–61. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-5.

**The factors of urban settlements economic differentiation
in Pskov oblast settlement system**

A. I. Krasnov

*Saint-Petersburg University, St. Petersburg, Russia
e-mail: a.krasnov@spbu.ru*

The article discusses the process of the dynamics of urban settlements of Pskov Region in the demographic and economic aspects. On the basis of open data on the budgets of urban settlements, municipal tax statistics and population data, an analysis was made of the interrelationships of demographic and economic changes in urban settlements that form the framework of the region's settlement system and are administrative centers. A ranking hierarchy of settlements has been compiled and a cluster analysis of the interrelations of demographic and economic indicators has been carried out. A complex spatial structure of distribution and differentiation of urban settlements of the Pskov Region was identified in terms of economic and demographic development, influenced primarily by external conditions and factors, while there is no direct relationship between the state of the economy and the demographic component.

Key words: Pskov region, settlement system, the carcass of the settlement, the economics of the region, urban settlements, small towns, depopulation.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ В ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЕ КРУПНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ

© 2019 г. Ф. В. Слезнов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: philippsv@mail.ru*

В статье рассматривается опыт развития административных функций в пригородных зонах крупных городских агломераций на примере Берлина, Сеула и Москвы с их городами-спутниками. Исследуется влияние наличия административных функций на отдельные показатели социально-экономического развития территории пригородной зоны (динамику численности населения, заработной платы, темпы жилищного строительства, уровень цен на жильё, стоимость жизни), а также анализируются основные механизмы оказания данного влияния или, наоборот, причины его отсутствия. Делается вывод о наличии значимых функциональных связей между развитием административных функций в пригороде и последующей динамикой его показателей социально-экономического развития. Также выявляется зависимость между влиянием административных функций на развитие пригородов и другими решениями в рамках государственной политики, прежде всего, в части развития транспортной связности внутри агломерации.

Ключевые слова: вынос административных функций, пригородные зоны, социально-экономическое развитие, государственное регулирование территориального развития, Берлинская агломерация, Сеульская агломерация, Московская агломерация.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-6

Введение и постановка проблемы.

Социально-экономическое развитие крупнейших городов, бесспорно, является противоречивым. С одной стороны, такие города становятся центрами экономического роста, с другой стороны, сосредоточением целого ряда проблем [13]. Столь же неоднозначны взаимоотношения и взаимовлияние крупнейших городов и окружающих их территорий, в т.ч. их пригородов [12]. Ради предотвращения чрезмерного роста крупнейших городов и одновременно для поддержки развития их пригородных зон в мировой практике госрегулирования территориального развития уже накоплен некоторый опыт децентрализации (или переноса) органов власти непосредственно из границ города в соседние города-спутники [18]. И именно этому опыту посвящена данная статья. При этом в ходе своего анализа мы стремились дать ответы на актуальные для России вопросы: как децентрализация органов власти влияет на динамику численности населения крупнейшего города (ядра агломерации) и его пригородов; какие изменения происходят в социально-экономическом развитии административного центра в пригороде, превращается ли он в новую точку роста и при каких условиях.

Развитие административных функций (АФ) в пригородах крупного города может иметь два основных первоисточника. Первый – эволюционное развитие отдельных населённых пунктов пригородной зоны в качестве центров некоторой административно-территориальной единицы. Одним из примеров является рассматриваемый нами Потсдам как столица земли Бранденбург в Германии. Размещение органов власти за пределами ядра агломерации может быть связано с вхождением городов в разные административно-территориальные ячейки, политическими традициями, более выгодным транспортным положением на определённом этапе исторического развития и др. Соседство с крупным городом объясняется использованием выгод такого положения: наличием более качественных и многочисленных трудовых ресурсов ядра агломерации, большей транспортной связностью с остальной территорией [3].

Второй первоисточник становления АФ в пригородной зоне – это перенос (частичный или полный) органов власти из центрального города агломерации в его город-спутник или несколько пригородов. В этом случае развитие АФ не носит эволюционного характера – оно происходит в относительно сжатый

промежуток времени и обусловлено целенаправленным решением органов власти, в т.ч. в рамках государственной региональной политики [5]. Одним из наиболее ярких таких примеров из зарубежной практики является перенос большинства центральных органов власти Республики Корея (Р. Корея) из официальной столицы Сеула [16]. В России таким примером стал переезд исполнительных и, частично, судебных органов власти Московской области из центральной части Москвы в Красногорск.

Обзор ранее выполненных исследований. Влияние выноса АФ из центров агломераций в их пригородную зону на социально-экономическое развитие последней является недостаточно изученным вопросом. С одной стороны, есть немало работ, посвящённых влиянию крупнейших агломераций на соседние города, агломерационному эффекту [7, 19]. Значительное внимание уделяется мультипликативным эффектам для пригородов от изменения тех или иных экономических показателей центрального города [20]. Большой пласт научных работ посвящён теме качества институтов взаимодействия органов власти различных уровней между собой [22]. С другой стороны, все такие работы не акцентируют внимания на оценке влияния именно выноса АФ из одного города в другой, в т.ч. в пределах одной агломерации.

Подавляющее большинство работ, посвящённых непосредственно переносу властных учреждений с одной территории на другую, связаны с описанием национальных особенностей реализации этого механизма госрегулирования территориального развития [14]. Однако общее число таких работ является небольшим, основное внимание отводится социальным аспектам выноса АФ, а также оценке восприятия населением подобного решения – экономическая составляющая, как правило, является второстепенной. К тому же в большинстве случаев вынос АФ из столицы (или её перенос) не связан с отношениями центрального города и его пригородной зоны.

В российской научной литературе ситуация аналогичная. Есть исследования, хотя и немногочисленные, по особенностям социально-экономического развития внутри агломераций [7]. Существует небольшое число работ, в которых рассматривается тема переноса столиц в странах бывшего СССР, пре-

жде всего, современного опыта Казахстана по развитию Астаны как новой столицы [11].

Материалы и методы исследования. Базовым анализируемым нами статистическим показателем является динамика численности населения, которая показывает как прямые, так и косвенные последствия выноса АФ в пригороды агломерации (например, рост престижности новых административных центров для проживания). Важными показателями являются также динамика уровня цен на аренду и покупку жилой недвижимости, уровня доходов населения (заработная плата).

Влияние переезда государственных органов власти на территорию пригорода, конечно, не может быть оценено однозначно, поскольку всегда сохраняется действие других факторов социально-экономического развития территорий. Тем не менее, можно говорить о значимости АФ, если:

- динамика показателей в административном центре лучше динамики показателей в других пригородах той же агломерации (например, в Красногорске по сравнению с другими городами Московской области, сопоставимых по экономико-географическому положению относительно центра Москвы [6]);

- происходят существенные отклонения от стандартной динамики показателей (сложившихся трендов) непосредственно после принятия управленческих решений.

Результаты исследования и их обсуждение.

Берлин и Потсдам. Современная история развития Потсдама в качестве значимого административного центра начинается с 1952 г. с момента проведения административной реформы в ГДР и выделения на территории земли Бранденбург трёх округов: Потсдам, Котбус и Франкфурт-на-Одере, административными центрами которых стали соответствующие города. Переломным моментом явилось объединение ФРГ и ГДР в 1990 г. и проведение новой административно-территориальной реформы: из трёх названных округов была образована федеральная земля Бранденбург, Берлин стал отдельной землей. Административным центром Бранденбурга был выбран Потсдам – в силу географического положения и максимальной численности населения среди трех бывших окружных центров (146 тыс. человек на конец 1990 г. против 132 тыс.

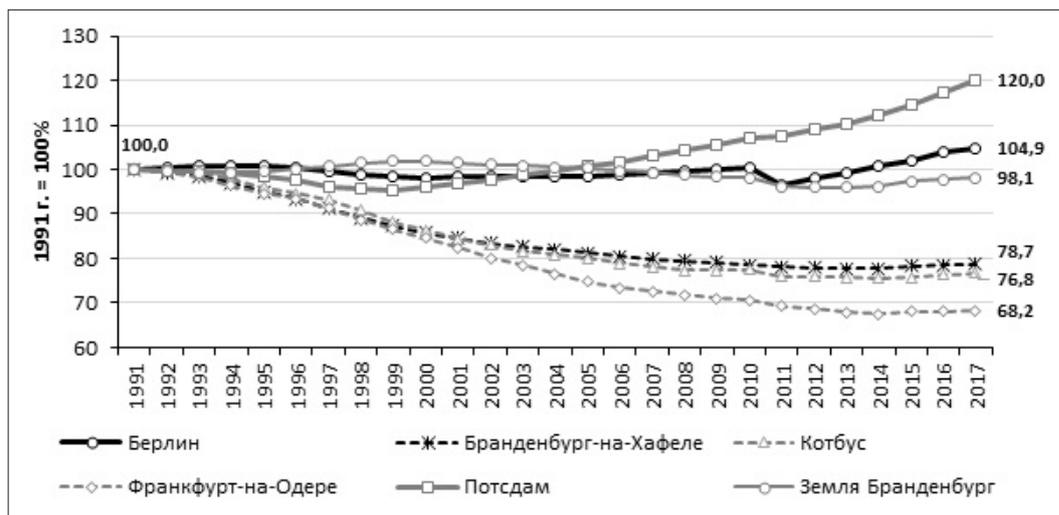

Рис. 1. Динамика численности населения отдельных городов земли Бранденбург и Берлина

Источник: составлено автором по данным Statistische Amter des Bundes und der Länder.

в Котбусе и 85 тыс. во Франкфурте-на-Одере). Таким образом, по сравнению с периодом ГДР, Потсдам стал административным центром более крупной территориальной единицы, что могло бы оказать влияние на социально-экономическое развитие города. Однако в 1990-е гг. детерминирующим фактором развития стали последствия объединения Германии.

Так, в первые годы после объединения с территориями бывшей ГДР наблюдался значительный отток населения, связанный с воссоединением семей и социально-экономическими причинами. Отрицательное сальдо миграции между Бранденбургом и западными землями сохранялось в течение всех 1990-х гг. и колебалось в диапазоне от –23 тыс. чел. (1992 г.) до –5,2 тыс. чел. (1994 г.), хотя общее сальдо миграции в этот период на территории Бранденбурга было положительным из-за высокого притока иностранных мигрантов, прежде всего, из России и Польши – за 1992–1999 гг. в Бранденбург приехало 119 тыс. чел. [10]. Однако уже в 1990-е гг. проявились различия в миграционной ситуации по городам (рис. 1): Берлин и Потсдам балансировали между оттоком населения в западные земли и притоком иностранных мигрантов. За 1991–1999 гг. численность населения Берлина сократилась только на 1,7%, Потсдама – на 4,6%. Остальные крупные города Бранденбурга – Котбус, Бранденбург-на-Хафеле, Франкфурт-

на-Одере – испытали существенно большее снижение численности населения – в среднем на 12,7%.

Еще большие отличия в динамике численности населения в крупнейших городах Бранденбурга начинаются на рубеже веков. Берлин и Потсдам начинают показывать положительную динамику прироста населения, в то время как в остальных городах продолжался его отток вплоть до 2014 г. Во-первых, к началу 2000-х гг. ослабло влияние миграционного оттока населения, связанного с воссоединением Германии, как результат, заметно усилилось проявление агломерационного эффекта Берлина, который активнее стал стягивать население. В непосредственную зону агломерации Берлина входит и Потсдам: два города не только граничат, но и связаны единой системой городского общественного транспорта.

Во-вторых, с конца 1990-х гг. усиливается роль АФ Берлина и Потсдама. Именно на 1999 г. (начало положительной динамики численности населения) приходится два ключевых события: завершается переезд в Берлин всех федеральных органов власти из Бонна, а территория Потсдама декларируется зоной редевелопмента, в связи с чем разворачивается строительство нового правительственного квартала, обновление жилой застройки и городской среды в целом. После окончания основного этапа редевелопмента в конце 2005 г. в Потсдаме отмечается наи-

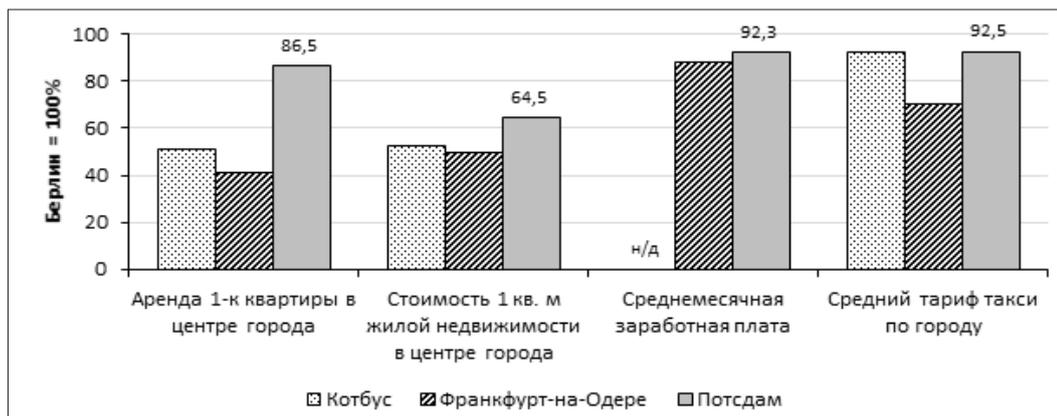

Рис. 2. Отношение показателей стоимости жизни в крупных городах земли Бранденбург и Берлине в 3 кв. 2018 г.
Источник: составлено автором по данным Numbeo.

более существенное ускорение темпов роста численности населения (в среднем 1,5% в 2006–2017 гг., тогда как в целом по земле Бранденбург показатель составлял –0,2%).

Принципиальное отличие динамики численности населения Потсдама от остальных крупных городов земли Бранденбург позволяет говорить о наличии существенного эффекта от размещения АФ. При этом важно отметить значимость повышения престижа территории во многом в результате принятия институциональных решений (уже названного проекта редевелопмента Потсдама, а также восстановления регулярного сообщения общественного транспорта с центральной частью Берлина).

Отдельные показатели стоимости жизни в Потсдаме также подтверждают получение им определённой столичной ренты от развития АФ в сравнении с Котбусом и Франкфуртом-на-Одере: Потсдам по всем четырём анализируемым нами показателям стоимости жизни имеет более высокие значения, приближенные к уровню Берлина (рис. 2). Так, например, цены на аренду и покупку жилой недвижимости в Котбусе и Франкфурте-на-Одере находятся на уровне около 50% от уровня цен в Берлине, в то время как Потсдам почти сопоставим с ним по стоимости аренды жилья и существенно выше двух других городов (в 1,6 раза) по стоимости покупки недвижимости.

Наименее велики различия между городами по заработной плате: она везде находится на уровне 90% от берлинской. Причина, по всей видимости, в германской активной

«классической» региональной политике, направленной на сокращение территориальной дифференциации в уровне благосостояния населения страны [4].

Вынос столичных функций из Сеула.

Специфика опыта Р. Корея в выносе АФ в том, что проводимая властями политика, акценты которой менялись со временем, затрагивала не один город-реципиент таких функций, а несколько.

Первые идеи в современной истории Р. Кореи о выносе части АФ за пределы основной территории Сеула в ближнюю пригородную зону относятся к периоду 1975 г. и связаны с Планом правительства по снижению плотности населения метрополитенной зоны официальной столицы [24]. Для строительства нового правительственного комплекса был выбран ближний пригород Сеула город Квачхон. Первое министерство на его территорию переехало в 1982 г., далее в 1980–1990-х гг. происходил переезд в Квачхон всё большего числа различных министерств и ведомств.

Изменение в развитии альтернативных столичных центров произошло в 2004 г., когда президент Р. Кореи выступил с предложением о переносе столицы из Сеула в город Тэджон в центральной части страны (что и стало одним из основных мотивов его выбора), находящийся в часовой зоне доступности на скоростном поезде от Сеула [15]. В Тэджоне был построен комплекс правительственных зданий и в него были переведены несколько министерств и служб (например, таможенная). В этот же период

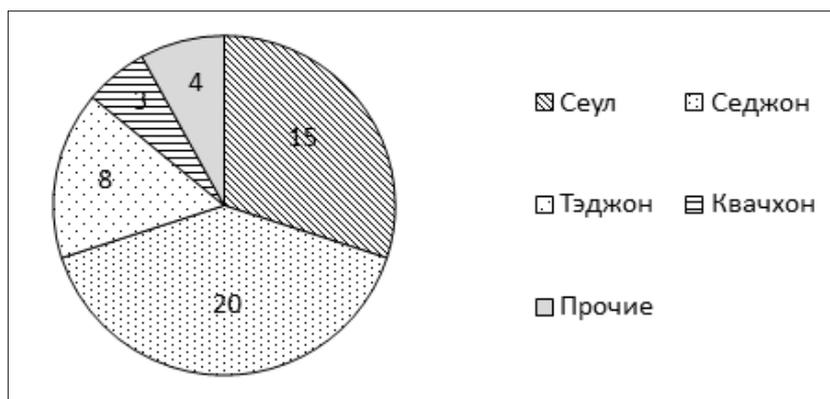

Рис. 3. Распределение министерств и ведомств Р. Корея по городам на 2018 г.
 Источник: составлено автором по данным интернет-ресурсов министерств и ведомств Р. Корея

происходило развитие АФ и в других городах (Инчхон, Чонджу, Чхонвон) – в них, как правило, переносилась какая-либо одна государственная организация для удобства её управления.

Кардинально новый этап перераспределения органов власти в Р. Корея начинается в 2012 г. с создания особого автономного города Седжон. Основной этап переезда ключевых министерств в этот город был осуществлен в период до 2015 г., причем вынос АФ происходил не только из Сеула, но и из городов, куда прежде выносились органы власти, особенно из Квачхона. В результате Седжон сконцентрировал большую часть всех министерств и ведомств страны (рис. 3).

Посмотрим, как перенос АФ сказывался на численности населения городов с АФ. Наихудшая динамика миграции наблюдается в Сеуле (рис. 4). В течение всех последних 12 лет столица испытывает механический отток населения. Основным выталкивающим фактором является не столько вынос значительной части АФ за пределы города (сказывается эффект масштаба Сеула), сколько социальные и психологические причины – высокая стоимость жизни, перенаселённость столицы, менее благоприятная экологическая ситуация [17]. В результате суммарный отток населения из Сеула за последние 10 лет вследствие внутренней миграции превысил 1 млн чел.

Миграционная ситуация в Квачхоне является относительно стабильной в течение 2005–2017 гг., однако можно отметить переход показателя сальдо внутренней миграций в отрицательную зону в последние два года

с связи с завершением перехода властных структур из Квачхона в Седжон. Фактором минимизации потерь населения для Квачхона является территориальная смежность с Сеулом – далеко не все работники переехавших министерств и ведомств проживали на территории самого пригорода, отток населения по трудовым причинам может частично компенсироваться процессами субурбанизации Сеула.

Взаимозависимую динамику сальдо внутренней миграции демонстрируют Седжон и Тэджон. С момента начала активного переезда органов власти в Седжон в 2012 г. миграционный приток в нём рос опережающими темпами – в среднем ежегодный прирост составлял 30 тыс. чел. (при численности населения города на 2017 г. в 281 тыс. чел.). Одновременно «старый» административный центр Тэджон стал испытывать депопуляцию. При этом город до этого не имел значимой положительной динамики, поскольку не успел полноценно оформиться в качестве административного центра.

Иная картина, по сравнению с миграцией, складывается на рынке жилья рассматриваемых городов. Сеул (несмотря на отрицательную миграцию), Инчхон и в целом Сеульский метрополитенный район (в который входит и Квачхон) демонстрируют самые высокие темпы прироста средних цен на покупку квартиры за последние несколько лет (рис. 5). Для Сеула значение индекса в июле 2018 г. преодолело отметку в 190% относительно уровня января 2006 г. Инчхон и ближние пригороды Сеула в целом остановились на отметках 166–168%, что соответствует

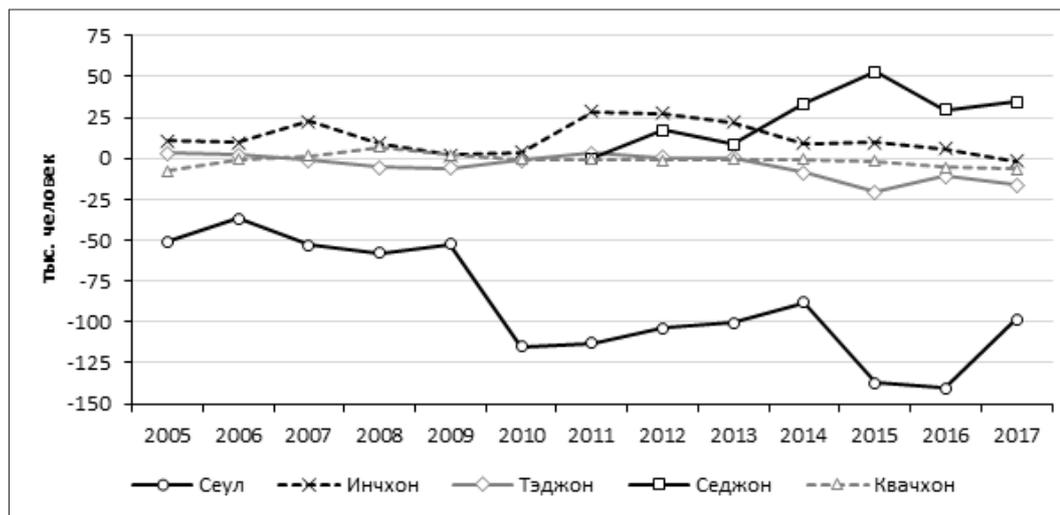

Рис. 4. Сальдо внутренней миграции в городах Р. Корея в 2005–2017 гг.
 Источник: составлено автором по данным KOSIS.

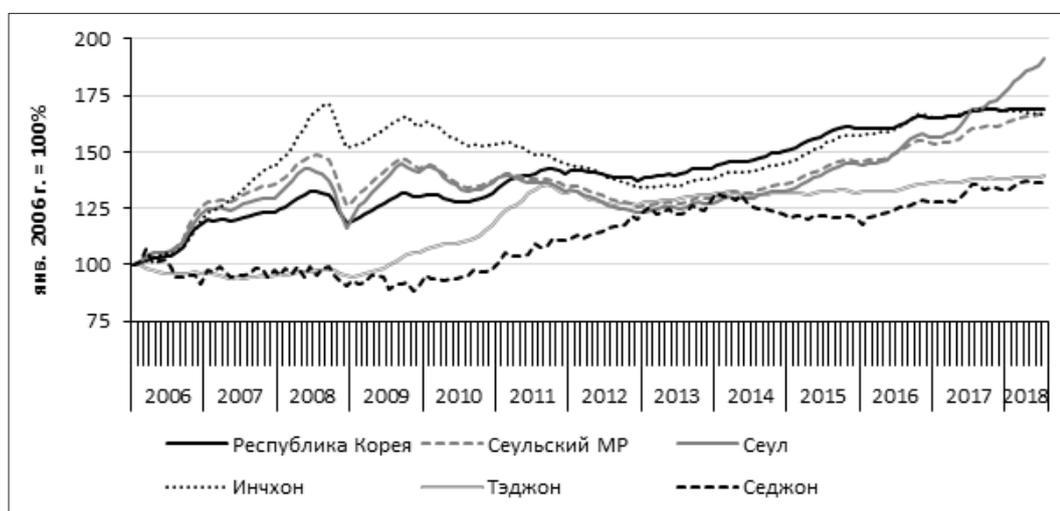

Рис. 5. Помесячная динамика индекса цен на покупку жилой недвижимости в городах Р. Корея в 2006–2018 гг.
 Источник: составлено автором по данным Statistics Korea.

средним показателям по стране (сказывается влияние распределения объемов предложения по территории Р. Корея – его концентрация в ближнем поясе агломерации Сеула).

В Седжоне наблюдается противоположная ситуация – при активном наращивании АФ с 2012 г. индекс цен на жилую недвижимость не претерпел значительных изменений (среднее значение за 2012–2018 гг. – 125%), чему есть два объяснения. Во-первых, это накопившийся переизбыток предложения на локальном рынке из-за активного строительства в период 2007–2012 гг., когда закладывался сам город. Во-вторых, это за-

вышенные ожидания на спрос со стороны переезжающих работников центральных органов власти. Значительная часть сотрудников выбирает не покупку квартиры в Седжоне, а её аренду в течение рабочей недели при сохранении постоянного места проживания в Сеуле или покупке жилой недвижимости в срединной зоне между двумя столичными центрами [21]. Как результат, даже масштабный перенос органов власти не оказал значимого влияния на рынок жилой недвижимости в Седжоне.

Положительная динамика цен на жильё в Тэджоне остановилась с началом пере-

езда органов власти в расположенный в территориальной близости Седжон. Отсутствие притока населения также ограничивает потенциал развития спроса на данной территории. С начала 2012 г. цены на жилую недвижимость выросли только на 6,5%, слегка компенсировав падение за период активного выноса АФ.

Москва и Красногорск. Вынос отдельных учреждений федерального или регионального значения с территории центральной части Москвы не является явлением исключительно последних лет. Примеры развития АФ за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги имели место ещё в советский период. Но они в основном относились к оборонной, космической сферам и спецслужбам. Эти поселения и сегодня являются закрытыми административно-территориальными образованиями или территориями с ограниченным допуском, что не позволяет говорить об экономическом эффекте от выноса АФ за черту города.

Более заметные трансформации в распределении АФ происходили в период 2000-х гг. Проведенный нами анализ расположения 1014 объектов органов власти федерального уровня, г. Москвы и Московской области, а также их подведомственных организаций (по данным сервиса «Яндекс.Карты») показал, что доля объектов, расположенных за пределами МКАД, выросла с 8% в 2007 г. до 13% в 2018 г.

Наиболее значимой трансформацией стал переезд исполнительных и, частично, судебных органов власти Московской области из центральной части Москвы в Красногорск (а также частичный перенос областного министерства образования в Одинцово), который происходит с конца 2007 г. Практическая реализация проекта переезда началась в 2004 г., со строительства Дома Правительства в районе Мякининской поймы Москва-реки около МКАД. Помимо Красногорска обсуждались варианты развития административного центра Подмосковья в Подольске, Коломне, Мытищах и Щёлково [25]. Однако конечный выбор пал именно на Красногорск по причинам лучшей транспортной доступности (основной комплекс правительства расположен около МКАД), а также наличия крупных культурно-досуговых центров в этом районе.

Динамика численности населения в период 2009–2018 гг. во всех городах ближнего

пояса Подмосковья значительно опережает среднюю динамику по региону, что связано, прежде всего, с формированием непрерывного городского континуума с основной территорией Москвы (рис. 6; данные по Красногорску приведены по сопоставимым границам городского округа на середину 2018 г.). Это подразумевает опережающие темпы миграционного прироста в пригороды и активное развитие в них жилищного строительства. То есть в данном случае можно говорить о влиянии, скорее, фактора территориальной близости и транспортной доступности рассматриваемых городов относительно ядра Московской агломерации.

Однако динамика прироста численности населения в Красногорске за весь анализируемый период времени выше, чем в остальных городах ближнего пояса вокруг столицы. За последние 9 лет абсолютный прирост численности населения в Красногорске составил 89,2 тыс. чел. или 56,9% к началу 2009 г. Большой абсолютный приток отмечался лишь в Балашихе – 155,0 тыс. чел., но в относительном выражении он меньше – 47,7%.

Очевидно, что опережающий рост населения в Красногорске как минимум на 10 п.п. в сравнении с другими городами ближнего Подмосковья в период с начала переезда органов власти Московской области говорит о наличии зависимости между данными явлениями. Однако численность сотрудников всех переносимых министерств и ведомств в две тысячи человек даже с учётом их семей не способна обеспечить подобные темпы роста показателя. Поэтому можно говорить о наличии мультипликативного эффекта: повышении престижности самого Красногорска для проживания и сопутствующим развитием городской инфраструктуры. Это, в свою очередь, ведёт к активизации жилищного строительства на территории города.

Структура жилищного фонда Красногорска в годы после переезда органов власти Московской области существенно изменилась. Так, по итогам 2017 г. более 51% домов из расчёта их общей площади помещений было введено в эксплуатацию после 2007 г. или 4,1 млн м², из которых 3,5 млн м² (или 44,7%) приходится на 2010-е гг. (рис. 7). Значительная активизация сектора жилищного строительства в Красногорске после развития на территории АФ очевидна, однако периоды наиболее активного строительства смеще-

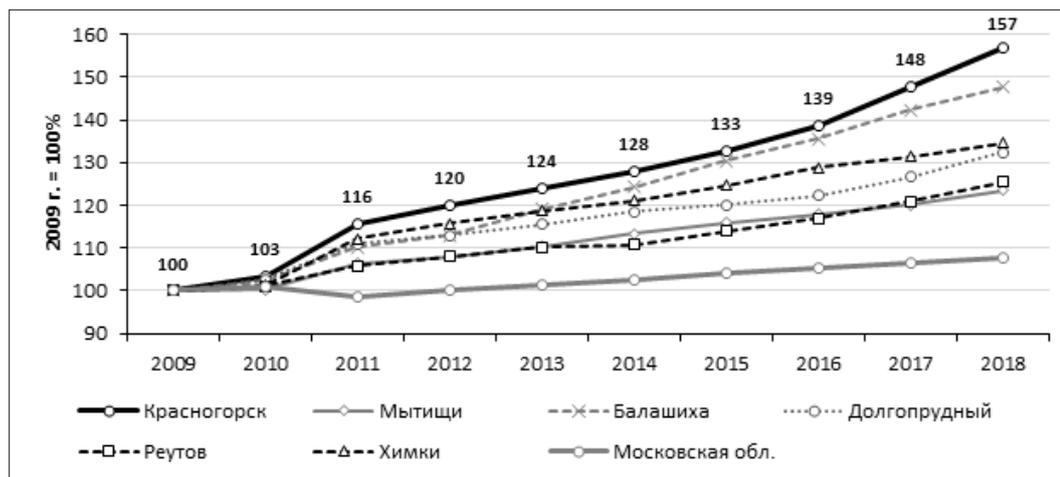

Рис. 6. Динамика численности постоянного населения городов Московской области (на 1 января соответствующего года в сопоставимых границах)
 Источник: составлено автором по данным Росстата.

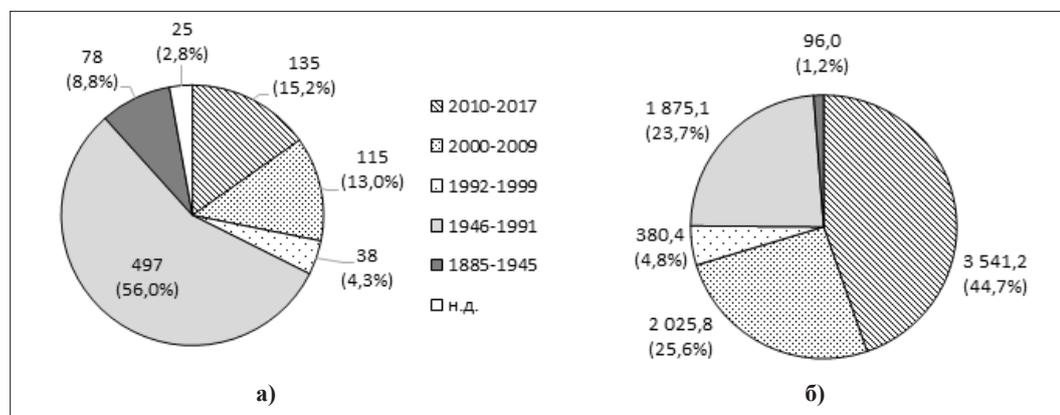

Рис. 7. Структура жилого фонда г. Красногорска по времени ввода домов в эксплуатацию:
 а) по количеству объектов ввода; б) по общей площади ввода
 Источник: составлено автором по данным ГК Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

ны во времени относительно 2007–2008 гг. (рис. 8), что указывает на наличие более сложных функциональных связей.

В современной истории Красногорска выделяется два очевидных пика жилищного строительства – 2005–2006 гг. и после 2011 г. Первый из пиков детерминирован в подавляющей степени общероссийской позитивной экономической динамикой, когда рост благосостояния населения стимулировал и рост жилищного строительства – средние темпы ежегодного прироста ввода жилых домов в целом по России в 2000–2008 гг. составляли около 10%. Однако частично первый пик может являться и отголоском начала активной дискуссии в

2000-е гг. о развитии новой столицы Подмосковья в Красногорске и привлечении внимания к данной территории.

На первый взгляд, снижение объёмов ввода жилых домов в Красногорске в период 2007–2010 гг. должно указывать на отсутствие прямой связи между переносом органов власти Московской области и развитием строительного сектора. Однако в данном случае стоит учитывать два фактора – наличие временного лага между непосредственным принятием решения о строительстве дома и его вводом в эксплуатацию, а также мировой экономической кризис конца 2000-х гг., который сильно ударил по строительной отрасли во всей стране. Второй и самый

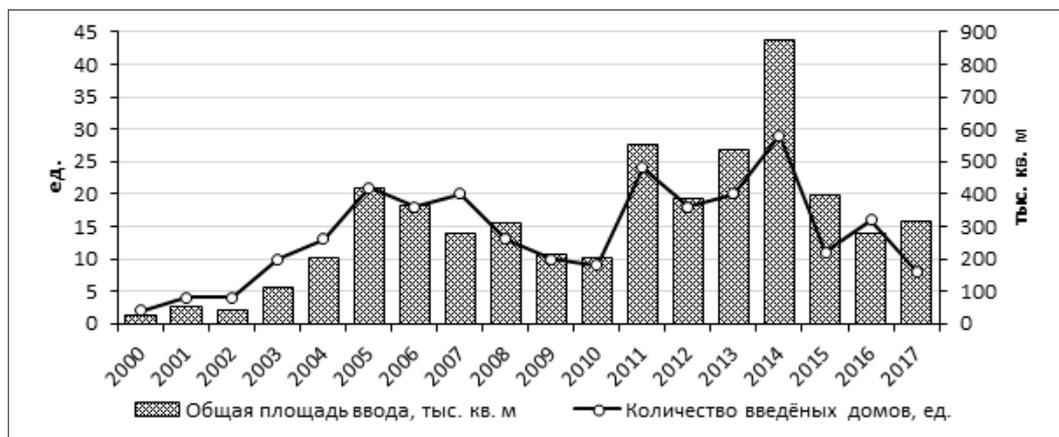

Рис. 8. Динамика ввода объектов жилищного строительства на территории г. Красногорска в 2000–2017 гг.

Источник: составлено автором по данным ГК Фонд содействия реформированию ЖКХ.

большой пик ввода жилых домов на территории Красногорска приходится на 2011–2014 гг., т.е. на период около 4–6 лет после начала переезда органов власти Московской области, что соответствует среднему времени на реализацию полного строительного цикла по возведению жилого многоквартирного дома (рис. 8). Подобного рода рост показателя, особенно резкий характер его изменения по сравнению с предыдущими периодами времени, позволяет говорить о существенной корреляции с событиями конца 2007 г.

Развитие АФ на территории Красногорска оказало влияние на сектор жилищного строительства не только напрямую за счёт повышения престижности города для граждан Москвы и Подмосковья, но также в значительной степени за счёт принятия других решений, прежде всего, о развитии транспортной инфраструктуры Красногорска и повышении его связности с центральной территорией Москвы. Речь идет в основном о строительстве станции метро Мякинино, а также активизации строительства всего участка Строгино – Митино. При этом станция Мякинино изначально отсутствовала в проекте продления Арбатско-Покровской линии – её строительство во многом результат именно реализации проекта создания Дома Правительства в этом районе [23]. После непосредственного принятия решения о строительстве станции в реализацию проекта вошёл частный инвестор в лице структуры «Крокус Групп». В результате чего ме-

стоположение станции было перенесено с учётом бизнес-интересов инвестора от Дома Правительства на север. Данный участок метрополитена был открыт для пассажиров в декабре 2009 г., что с учётом временного лага в строительстве жилого дома и объясняет наибольшие пики ввода недвижимости в Красногорске в 2011–2014 гг. Вспомогательным проектом, который также был пролоббирован органами власти Московской области в последующие годы, стало строительство пешеходного моста через Москва-реку, который существенно улучшил транспортную доступность района Павшинской поймы Красногорска и связал район Дома Правительства с основной территорией городского округа.

Уже названные закономерности развития Красногорска, тем не менее, не оказали влияния на показатель средней стоимости квадратного метра жилья – на всём протяжении рассматриваемого периода его цена составляла около 90 тыс. руб. за м² [26]. Отсутствие позитивной динамики в данном случае может объясняться компенсацией потенциального роста цен на недвижимость значительными объёмами её ввода.

Влияние выноса АФ в Красногорск может проявляться в динамике среднемесячной заработной платы, поскольку Росстат рассчитывает этот показатель на основе данных статистических форм, заполненных самими организациями, зарегистрированными на соответствующей территории [1]. Действительно, динамика показателя зарплаты по

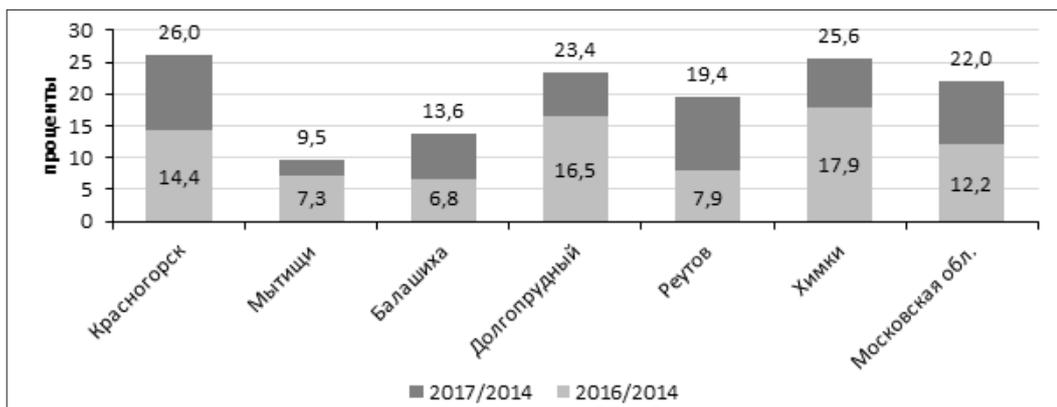

Рис. 9. Динамика номинальной среднемесячной заработной платы в городах Московской области к уровню 2014 г.
 Источник: составлено автором по данным Росстата.

Красногорску в 2016–2017 гг. выглядит несколько лучше средней динамики по Московской области. Рост зарплаты в 2017 г. относительно 2014 г. в Красногорске превосходит показатели других городов ближнего пояса Подмосковья (рис. 9). Однако при анализе зарплаты за 2016 г. по отношению к тому же 2014 г. Красногорск уже находится в срединном положении, уступая таким городам как Долгопрудный и Химки. Таким образом, об устойчивости лидерства Красногорска в данном случае говорить не приходится. Причина этого во влиянии на показатель нестабильности зарплаты в крупных бизнес-структурах, зарегистрированных на территории городского округа: ООО «Данон Трейд», АО «Крокус», ПАО «Т Плюс», ООО «Кнауф Гипс» и др. Но сам факт регистрации в Красногорске ряда крупных компаний тоже является косвенным свидетельством роста значимости города в экономическом отношении.

Определённое влияние выноса региональных органов власти в Красногорск на уровень оплаты труда можно отследить при анализе его абсолютного уровня. По итогам 2017 г. среднемесячная начисленная заработная плата в Красногорске составила 68,2 тыс. руб. – это более чем на 30% выше среднего по региону. Среди всех муниципальных районов и городских округов Московской области по этому индикатору в 2017 г. Красногорск уступал только Лобне (105,0 тыс. руб.) и Химкам (72,4 тыс. руб.) при средней заработной плате по области в 52,4 тыс. руб. Влияние размещения объектов госвласти на

территории Красногорска на повышенный уровень зарплаты в нём проявляется в высокой доле занятых в органах власти относительно общего их количества; достаточно высоком уровне заработной платы в государственном управлении, которая законодательно зависит от показателя среднемесячной оплаты труда в Московской области; а также высокой доле «белых» заработков в государственных органах в сравнении с бизнес-структурами [2].

Рассмотренное положительное влияние выноса АФ в пригородную зону, однако, не исключает и негативных последствий для неё. В случае Красногорска к числу именно отрицательных эффектов на социально-экономическое развитие города можно отнести значительное усиление нагрузки на транспортную инфраструктуру – в особенности на Волоколамское шоссе (которое по своей сути является единственной автодорогой, связывающей Красногорск с центральной частью Москвы) и примыкающий к городу участок МКАД. Темпы роста численности населения, темпы миграции на уровне существенно выше, чем в среднем по Московской области и у других городов ближнего пояса Московской агломерации, создают увеличенную нагрузку на объекты социальной инфраструктуры. Негативным последствием для жителей и предпринимателей всей Московской области от переезда органов власти в Красногорск можно считать снижение транспортной доступности государственных учреждений региона, т.к. центральные районы Москвы в условиях гипертрофированного развития радиально-кольцевой транспорт-

ной сети обладают существенно большей связностью с другими территориями агломерации [6].

Частным примером развития АФ с противоречивым влиянием на пригородную зону Москвы можно считать создание в 2015 г. Многофункционального миграционного центра города на территории поселения Вороновское Троицкого административного округа. В отличие от Красногорска, Миграционный центр первоначально создавался за пределами основной части Москвы и в целом на удалении от крупных населённых пунктов. Причина данного решения – минимизация потенциальной социальной напряжённости вокруг территории функционирования центра из-за большого потока людей из других стран (Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Украины) [9]. Тем не менее, Миграционный центр оказывает существенное влияние на локальный рынок труда. В центре свыше 1000 рабочих мест, что составляет более 10% от численности населения Вороновского. При этом из-за значительной транспортной удалённости от центральной части Москвы основу персонала центра составляют жители близлежащих территорий [27]. Дополнительный эффект (хоть и незначительный) на развитие пригородной зоны Миграционный центр оказал за счёт создания дополнительного экспресс-маршрута автобуса, связывающего юг Москвы с Подольском, Климовском и самим поселением Вороновское. До создания Миграционного центра прямая связь поселения с южной частью Москвы (около Серпуховско-Тимирязевской линии метрополитена) посредством общественного транспорта отсутствовала. Однако создание данного объекта скорее негативного соседства потенциально приводит к снижению престижности территории для проживания, которое может оказывать мультипликативный эффект на большое число сфер социально-экономической жизни локального сообщества.

Выводы. Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что вынос АФ из ядра агломераций в их пригородную зону оказывает влияние на социально-экономическое развитие территорий. Однако проявляться оно может по-разному с учётом многофункциональной связи с другими факторами развития:

– вынос АФ далеко не во всех случаях ведёт к сокращению численности населения ядра агломерации или первоначального поселения. Подобного рода динамика проявляется при доминировании административных функций в структуре экономической активности города. И, наоборот, при условии значительной диверсификации активности в сочетании с наличием иных стимулов развития у города может сохраняться положительная динамика прироста численности населения;

– вынос АФ в пригородную зону даёт импульс для развития города, куда выносятся АФ, однако масштабы этого влияния (в т.ч. в части роста численности населения) во многом зависят от мультипликативного эффекта. Город динамично развивается, если повышается его привлекательность для проживания в целом, а это во многом зависит от развития транспортного сообщения между ядром агломерации и пригородом. Тем самым подтверждается идея о том, что для развития агломераций важно повышение транспортной связности территории. Вынос АФ в этой части может оказывать существенное влияние на развитие территории за счёт институциональных факторов;

– рост численности населения города с АФ может сопровождаться разным темпом роста цен на жильё (вполне возможно их сдерживание), что также во многом зависит от качества государственной политики – обеспечения адекватных потребностям условий для жилищного строительства. В приведённых примерах показано, что при гипертрофированном росте предложения на рынке жилой недвижимости из-за принятия неверных управленческих решений рост цен на нём не наблюдается или динамика является отрицательной;

– уровень заработной платы в городах с АФ, как правило, находится на более высоком уровне, чем в других сопоставимых городах, однако в данном случае высока роль и других факторов территориального развития, т.е. речь идёт о более сложной функциональной зависимости. Опережающие темпы роста благосостояния населения в городах с АФ в сочетании с мультипликативным эффектом от повышения привлекательности территории приводят к росту стоимости жизни в таких городах;

– помимо положительного влияния на пригородную зону вынос АФ может иметь

и существенные негативные последствия для её последующего социально-экономического развития. В особенности это может затрагивать нагрузку на транспортно-инженерную инфраструктуру пригородной зоны и её уровень привлекательности для жизни с последующим влиянием и на другие показатели.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-014-00044 А «Роль глобальных городов в трансформации государственного регулирования территориального развития (опыт стран ОЭСР)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарова Е.В., Котлякова М.А. Качество экономического роста региона: методологические аспекты статистического исследования // Вопросы статистики. 2006. № 5. С. 51–61.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
3. Кузнецова О.В. Оценка эффективности государственной региональной политики (на примере Германии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1995. № 2. С. 68–74.
4. Кузнецова О.В. Региональная политика Германии // География мирового развития. Вып. 3: Сб. научн. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Тов-во научн. изд. КМК, 2016. С. 403–416.
5. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития / Изд. 6-е, стереот. М.: Кн дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 366 с.
6. Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
7. Перцик Е.Н. Крупные городские агломерации: развитие, проблемы проектирования // Проблемы развития агломераций в России. М.: Красанд, 2009. С. 34–46.
8. Растворцева С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии. М.: Экон-информ, 2013. 131 с.
9. Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2012. № 2. С. 59–64.
10. Савоскул М.С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 2. С. 44–53.
11. Тархов С.А. Географические типы столиц // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира / Под ред. А.С. Фетисова, И.М. Кузиной, И.С. Ивановой. Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 123–145.
12. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
13. Человек в мегаполисе: Опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А. Ревича и О.В. Кузнецовой. М.: ЛЕНАНД, 2018. 621 с.
14. Шац Э. Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства // Логос. 2013. № 4 (94). С. 109–142.
15. Choe S.H. Controversial canal tests South Korea's new leader // The New York Times. 2008. March 12.
16. Corey K.E. Planning and Implementing Capital Cities – Lessons from the Past and Prospects for Intelligent Development in the Future: The Case of Korea // Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects / S.D. Brunn (ed.). Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2011.
17. Feridun M. The income effects of decentralization of population in Korea: An econometric investigation // Regional and Sectoral Economic Studies. 2005. Vol. 5. № 1. P. 21–38.
18. Fujita M., Krugman P., Mori T. On the evolution of hierarchical urban systems // European Economic Review. Vol. 43, № 2. P. 209–251.
19. Fujita M., Thisse J.-F. Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Regional Growth. Cambridge University Press, 2002. 480 p.
20. Ottaviano G., Thisse J.-F. Integration, Agglomeration and the Political Economics of Factor Mobility // Journal of Public Economics. 2002. № 83. P. 429–456.
21. Sung H. A Study on Estimating the Potential Impacts of Transit-Oriented Development on Housing Price // Journal of the Korean regional science association. 2011. № 27(2). P. 63–76.
22. Williamson O. The Mechanisms of Governance. NY: Oxford University Press, 1996. 429 p.
23. https://echo.msk.ru/blog/malec_g/1821450-echo/ (дата обращения 12.09.2018).
24. <http://www.chungsa.go.kr/chungsa/eng/information/gwacheon/history> (дата обращения: 29.10.2018).
25. <https://rg.ru/2007/08/31/podmoskonie.html> (дата обращения: 12.09.2018).
26. <https://www.irm.ru/articles/22808.html> (дата обращения: 12.09.2018).
27. <https://mc.mos.ru/uk/about/piece-of-news/254> (дата обращения: 16.11.2018).

Об авторе

Слезнов Филипп Владимирович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Слезнов Ф.В. Опыт развития административных функций в пригородной зоне крупных агломераций // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 62–74.
DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-6.

Experience of government functions development in a suburban zone of large agglomerations

© 2019 г. F. V. Sleznov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

E-mail: philippsv@mail.ru

The article focuses on experience of administrative functions development in suburban zones of large urban agglomerations on the example of Berlin, Seoul, Moscow and their satellite cities. It's investigated the impact of administrative functions existence on the individual socio-economic development indicators of a suburban zone (dynamic of population, salary, rates of housing construction, house price level, cost of living). In addition, it's analyzed the main mechanisms of that influence or, on the contrary, the reasons for its absence. The conclusion talks about existence of significant functional links between administrative functions development in a suburb and subsequent dynamic of its socio-economic development indicators. It also reveals the correlation between administrative functions influence on suburban development and other decisions within public policy, first of all, in terms of the development of transport connectivity within an agglomeration.

Key words: administrative functions' relocation, suburban zones, socio-economic development, state regulation of territorial development, Berlin agglomeration, Seoul agglomeration, Moscow agglomeration.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

УДК 331.101.262

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2019 г. Е. В. Барбашова^{1,*}, В. А. Конкин^{2,**}, В. Г. Шуметов^{3,***},

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Среднерусский институт управления – филиал, Орел, Россия*

² *Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия*

³ *Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина, Орел, Россия*

* e-mail: work.67@mail.ru

** e-mail: Kiddy57@yandex.ru

*** e-mail: shumetov@list.ru

Предложено проводить оценку уровня общественного здоровья населения регионов по величине функции желательности смертности от всех причин на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста, полученной в результате психофизического преобразования Харрингтона. Сформированы частные функции желательности сбережения населения, основанные на расчетных значениях показателя в 2016 г. по данным аппроксимации динамики смертности лиц трудоспособного возраста в период 2010–2016 гг. от четырех основных причин – болезней системы кровообращения, внешних причин, новообразований, болезней органов пищеварения. Выполнена классификация регионов Центрального федерального округа (ЦФО) по частным функциям желательности сбережения населения. Показано, что уровню РФ по сбережению трудоспособного населения от болезней основных классов уступают все периферийные регионы ЦФО, а задача снижения межрегиональной дифференциации является актуальной для всех регионов без исключения, и в этом отношении все регионы Центральной России являются проблемными.

Ключевые слова: общественное здоровье, качество трудового потенциала, трудоспособное население, сбережение населения, смертность населения в трудоспособном возрасте, временные ряды, преобразование Харрингтона, типология регионов ЦФО.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-7

Введение, постановка исследовательской задачи и обзор ранее выполненных исследований. Одним из приоритетов социальной политики государства является сбережение трудового потенциала [5]. Рассматривая качество трудовых ресурсов, большинство авторов отдают приоритет такому его фактору, как образование (см., например, [8]). Вопросы общественного здоровья как определяющего компонента качества трудового потенциала нашли отражение и в других работах [4, 7, 9, 12, 13], однако эта проблема преимущественно рассматривается в контексте развития здравоохранения.

Проблема здоровья населения как фактор качества трудового потенциала наиболее остро проявляет себя в регионах Центральной России. В то же время, в работе [16] показано, что проблема воспроизводства населения является важнейшим аспектом стратегических планов развития большинства субъектов Федерации, в особенности, регионов Центральной России.

Важным вопросом в оценке состояния общественного здоровья как фактора качества трудового потенциала на региональном уровне является выбор информативных показателей, включаемых в интегральный

индикатор здоровья. Наиболее полный набор показателей здоровья, объединенных в две группы, предложен в работе [5]. В группу демографических показателей в данной работе включены: ожидаемая продолжительность жизни (муж./жен.), младенческая смертность, смертность трудоспособного населения (муж./жен.); во вторую группу – показатели заболеваемости социально обусловленными болезнями, такими как туберкулез, алкоголизм, наркомания, сифилис, злокачественные новообразования, заражение ВИЧ-инфекцией. В противоположность этому, в работе [8] в число региональных показателей здоровья населения включены индикаторы доступности здравоохранения – мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений и численность врачей на 10000 человек населения.

Представляется, однако, целесообразным в качестве регионального индикатора ограничиться только одним, но в то же время представительным показателем «смертность населения в трудоспособном возрасте». Именно этот показатель предложен для оценки состояния общественного здоровья в работе [13]; обоснованием выбора такого показателя послужило как негативное влияние повышенной смертности населения на трудовой потенциал территории из-за фактической потери трудовых ресурсов и его косвенного отражения заболеваемости населения, так и факт статистически значимой взаимосвязи смертности в трудоспособном возрасте и прибыли организаций на одного работника. Этот показатель можно расширить, рассмотрев составляющие смертности по основным шести классам болезней, на которые приходится около 90% смертности населения в трудоспособном возрасте – болезни системы кровообращения, внешние причины, новообразования, болезни органов пищеварения, болезни органов дыхания, некоторые инфекционные и паразитарные болезни (перечислены в порядке снижения смертности).

Материалы и методы исследования. В методическом отношении исследование основано на применении различных аналитических и графических методов одномерного и многомерного статистического анализа, в качестве инструментария использовали пакет статистических программ SPSS; эмпирической базой послужили

статистические данные по регионам Центрального федерального округа за период 2010–2016 гг., приведенные в официальных источниках [10].

Изложению результатов выполненных нами статистических исследований предположим следующие замечания.

Замечание 1. Показатели, отражающие качество трудового потенциала регионов, характеризуется значительной стохастичностью, и принципиально важным является использование значений, усредненных за несколько лет. Полезным является подход к «свертке» временных рядов, предложенный в работе [14]. Суть подхода – в замене временных тремя параметрами: средним уровнем ряда, среднегодовым приростом показателя и коэффициентом детерминации; первые два являются МНК-оценками параметров моделей линейных регрессии, а коэффициент детерминации является мерой надежности линейного тренда показателя.

Замечание 2. В большинстве работ частные индексы, входящие в обобщенный индикатор качества трудового потенциала, рассчитывают по формулам линейного преобразования показателей к безразмерному виду в интервале от 0 до 1 (см., например, [2, 13]). Несколько реже используют относительные индексы, когда значения именованных показателей соотносят с их максимальными (минимальными) или нормативными величинами [6]. Мы полагаем, что более продуктивным является подход, суть которого – в психофизическом преобразовании показателей в частные функции желательности. В работах [8, 17] показано, что наиболее подходящей для такого преобразования является функция желательности Харрингтона [21], «переводящая» количественные показатели в номинальные переменные с уровнями «очень плохо», «плохо», «удовлетворительно», «хорошо», «очень хорошо». Примечательно, что явный вид функции Харрингтона в случае одностороннего ограничения (монотонных показателей) задается всего двумя «реперными» точками – нижним и верхним пределами зоны «удовлетворительно»; в работе [1] представлен статистический подход к формированию подобной функции желательности, а в работах [1, 20] этот подход распространен на функции с двусторонним ограничением, когда высокие оценки придаются оптимальным значениям показателя, а

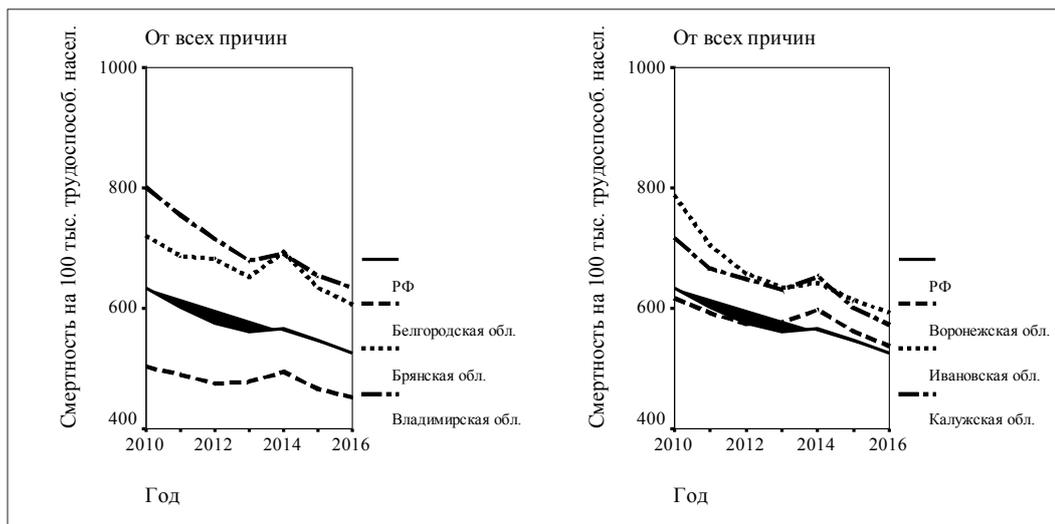

Рис. 1. Динамика смертности трудоспособного населения некоторых регионов ЦФО

отклонения от них в любую сторону приводят к снижению качества.

Результаты исследования. В соответствии с первым замечанием, на первом этапе статистических исследований рассматривалась динамика обобщенного индикатора общественного здоровья населения регионов Центральной России – смертности от всех причин на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста – в период 2010–2016 гг. Соответствующие графики временных рядов представлены на рисунке 1; в целях наглядности на каждой диаграмме приведены графики для трех регионов и РФ в целом. Судя по рисунку 1, в рассматриваемый период во всех без исключения регионах, как и в РФ в целом, наблюдалось снижение смертности, с более или менее ярко выраженным локальным максимумом, приходящимся на 2014 г. Видно также, что территориальные различия графиков региональных временных рядов превосходят временные изменения показателя.

По характеру графиков временных рядов видно, что годичный тренд смертности от всех причин можно аппроксимировать региональными моделями экспоненциального или линейного спада. Поскольку установить лучшую аппроксимацию не удалось, в дальнейшем были выбраны, как более наглядные, линейные модели динамики смертности трудоспособного населения регионов ЦФО и от всех причин, и от болезней основных классов.

В качестве примера в таблице 1 приведены результаты аппроксимации динамики

смертности населения трудоспособного возраста населения регионов ЦФО и РФ в целом от всех причин линейными моделями. Поясним эту таблицу. Как следует из данных графы 4, все региональные модели объясняют более 50% общей дисперсии – коэффициент детерминации варьирует в пределах от 0,598 для Орловской области до 0,952 для Курской области, а критерий Фишера (графа 5) статистически значим на p -уровне (графа 6) не хуже 0,041 при нормативном значении 0,05. Таким образом, региональные модели вида:

$$Y = b_0 + b_1 t \quad (1)$$

адекватно отражают эмпирические данные, и это позволяет интерпретировать параметры b_0 и b_1 , при назначении временной переменной по формуле:

$$t = \text{год} - 2016, \quad (2)$$

следующим образом: b_0 – это расчетное значение показателя в 2016 г., а b_1 – МНК-оценка среднегодового прироста показателя. Первый параметр отражает уровень смертности в последний год исследуемого временного интервала, второй – скорость спада смертности.

На рисунке 2 представлены результаты ранжирования регионов ЦФО по величине параметров моделей; для наглядности на диаграммах показан среднероссийский уровень параметров. Видно, что по уровню смертности трудоспособного населения в 2016 г. лишь три субъекта ЦФО – г. Москва, Белгородская и Московская области – характеризуются более низкими значениями

Таблица 1. Параметры и критерии качества линейных моделей динамики коэффициента смертности населения трудоспособного возраста регионов ЦФО от всех причин в период 2010–2016 гг.

Регион	МНК-оценки параметров		Критерии качества		
	расчетный уровень в 2016 г.	среднегод. прирост	коэф. детерминации R^2	критерий Фишера F	p -уровень
1	2	3	4	5	6
Белгородская обл.	460,2	-6,52	0,639	8,84	0,031
Брянская обл.	621,3	-15,51	0,743	14,46	0,013
Владимирская обл.	626,4	-25,90	0,931	67,12	0,000
Воронежская обл.	549,7	-9,89	0,675	10,40	0,023
Ивановская обл.	578,4	-27,80	0,842	26,68	0,004
Калужская обл.	581,4	-19,93	0,859	30,57	0,003
Костромская обл.	558,8	-25,63	0,837	25,72	0,004
Курская обл.	604,5	-12,08	0,952	99,87	0,000
Липецкая обл.	548,1	-19,66	0,881	36,95	0,002
Московская обл.	484,5	-21,60	0,919	56,62	0,001
Орловская обл.	602,2	-11,94	0,598	7,44	0,041
Рязанская обл.	534,2	-29,36	0,857	29,95	0,003
Смоленская обл.	626,4	-27,77	0,800	19,99	0,007
Тамбовская обл.	550,2	-17,97	0,898	43,84	0,001
Тверская обл.	688,5	-25,70	0,805	20,67	0,006
Тульская обл.	622,4	-26,26	0,903	46,49	0,001
Ярославская обл.	566,4	-18,99	0,805	20,62	0,006
г. Москва	329,2	-8,56	0,877	35,60	0,002
РФ в целом	525,1	-15,88	0,920	57,42	0,001

а)

б)

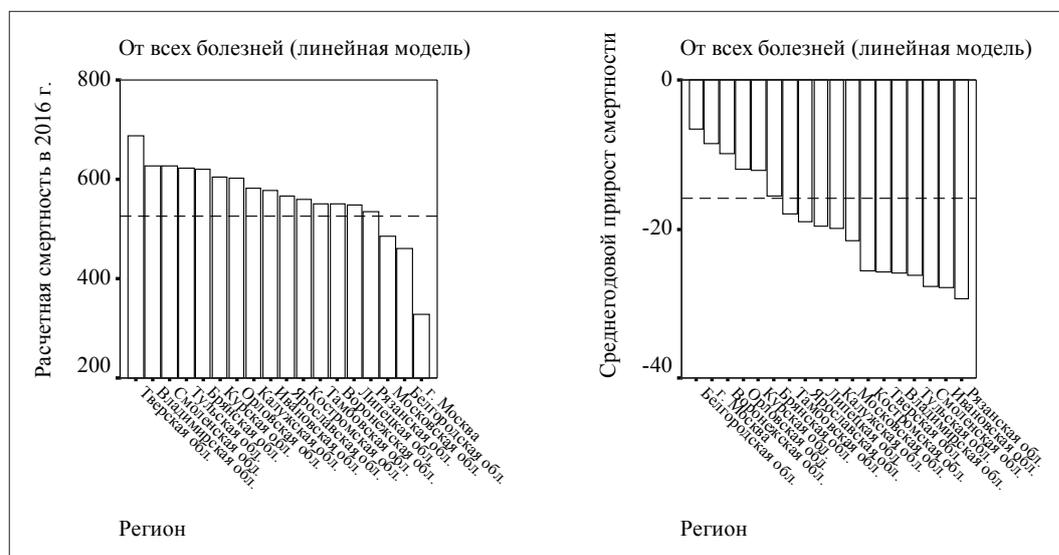

Рис. 2. Ранжирование регионов ЦФО по параметрам линейных моделей смертности лиц трудоспособного возраста от всех причин: а – по расчетному значению показателя в 2016 г.; б – по среднегодовому приросту показателя. Пунктир – уровень Российской Федерации.

показателя, тогда как в остальных регионах ситуация хуже, чем в среднем в Российской Федерации. Заметим также, что ранжирование регионов по скорости спада смертности

трудоспособного населения не коррелирует с их ранжированием по уровню смертности, и в дальнейшем можно ограничиться анализом лишь первого параметра линейных моделей.

В соответствии с замечанием 2, целесообразным является ранжирование регионов ЦФО по величине функции желательности значений анализируемого показателя, полученной в результате психофизического преобразования. Функция желательности Харрингтона для рассматриваемого показателя – расчетного уровня смертности трудоспособного населения от всех причин в 2016 г. – с односторонним ограничением, и, согласно работе [1], имеет следующий вид:

$$d = d(z) = \exp(-\exp(-z)), \quad (3)$$

где z – безразмерные значения показателя, определяемые по формуле:

$$z = (x_0 - x) / \text{СКО}(x). \quad (4)$$

В формуле (4) x – значение негативно-го показателя, x_0 – верхняя граница области «удовлетворительно» в исходной шкале, $\text{СКО}(x)$ – среднее квадратичное отклонение (стандартная ошибка).

С учетом негативного характера исходного индикатора x будем в дальнейшем называть $d(z)$ функцией желательности сбережения населения (ФЖСН).

Для построения функции желательности (3) достаточно установить верхнюю границу исходного показателя x_0 , в данном случае равную среднему арифметическому значению $x_{\text{ср}}$, и его стандартную ошибку по анализируемой выборке. Анализируемая выборка, включающая все 18 субъектов ЦФО, является однородной с числовыми характеристиками $x_{\text{ср}}=562,9$ и $\text{СКО}(x)=79,47$, и формула (3) принимает вид:

$$d = \exp \{-\exp [(x - 562,9)/79,47]\}. \quad (5)$$

График функции желательности сбережения населения (расчетного значения смертности на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста от всех причин в 2016 г.) представлен

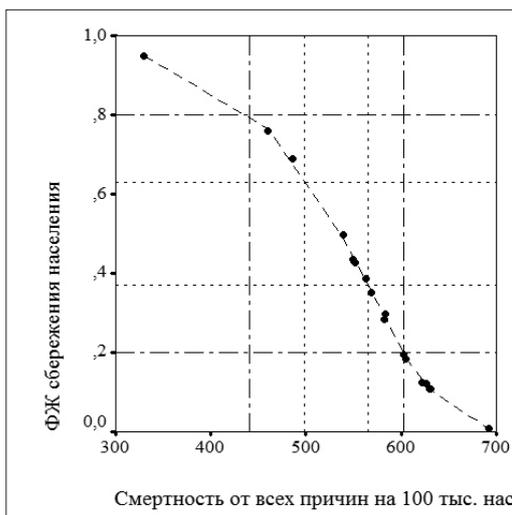

Рис. 3. Функция желательности сбережения населения (расчетного значения смертности трудоспособного населения регионов ЦФО от всех причин в 2016 г.).

Примечание: пунктирными и штрихпунктирными линиями показаны границы зон желательности

на рисунке 3. Видно, что в пределах зоны желательности «удовлетворительно» он практически линеен, а при больших и меньших значениях показателя его крутизна уменьшается.

Границы всех пяти зон желательности показателя, определенные по этому графику, приведены в таблице 2.

Из анализа таблицы 2 видно, что из 18 субъектов ЦФО половина характеризуется оценками «очень плохо» и «плохо», пять регионов – оценкой «удовлетворительно», два – Белгородская и Московская области – оценкой «хорошо» и только один – г. Москва – оценкой «очень хорошо».

Приведенные результаты отражают ранжирование регионов ЦФО по уровню общественного здоровья в целом, но не дают

Таблица 2. Границы зон функции желательности сбережения населения и ранжирование регионов ЦФО по смертности лиц трудоспособного возраста от всех причин

Зона функции желательности сбережения населения	Смертность от всех причин на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста в 2016 г.	Регионы
Очень хорошо	Менее 440	г. Москва
Хорошо	440–498	Белгородская и Московская обл.
Удовлетворительно	498–565	Рязанская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская и Костромская обл.
Плохо	565–602	Ярославская, Ивановская и Калужская обл.
Очень плохо	Более 602	Орловская, Курская, Брянская, Тульская, Владимирская, Смоленская и Тверская обл.

ответа о причинах столь высокой смертности трудоспособного населения. Наличие статистических данных по смертности населения от болезней основных классов позволяет выполнить анализ этих причин. Выполненные нами статистические исследования показали, что наиболее приоритетными являются болезни системы кровообращения, внешние причины, новообразования и болезни органов пищеварения, и можно ограничиться анализом динамики региональных показателей по этим четырем причинам смертности.

Как и в случае смертности трудоспособного населения от всех причин, параметры частных функций желательности сбережения населения, определяемые по расчетным уровням смертности трудоспособного населения в 2016 г. от четырех основных причин, устанавливали по формулам (3) и (4) по значениям соответствующих средних арифметических и стандартных ошибок для полной выборки регионов ЦФО (явный вид функций не приводится ради сокращения объема публикации). Границы зон и регионов ЦФО, отвечающих этим зонам, приведены в таблице 3.

Из таблиц 2 и 3 следует, что очень плохая ситуация со здоровьем трудоспособного населения в Орловской, Курской, Брянской, Тульской, Владимирской, Смоленской и Тверской областях обусловлена аналогичными оценками по уровню смертности от болезней системы кровообращения в Смоленской, Орловской, Курской и Тверской областях, по внешним причинам – в Тульской, Владимирской, Смоленской, Тверской и Брянской областях, от новообразований – в Тверской, Брянской, Орловской и Курской областях и от болезней органов пищеварения – в Тверской, Тульской и Владимирской областях.

Важным этапом статистических исследований является определение меры влияния частных функций желательности сбережения населения (расчетного уровня смертности трудоспособного населения в 2016 г. от

четырёх основных причин) на общую функцию желательности сбережения населения (расчетного уровня смертности населения от всех причин). С этой целью нами в программной среде пакета анализа данных *SPSS Base* [22] выполнен множественный линейный регрессионный анализ по методу *Forward*, согласно которому в регрессионную модель вначале включается наиболее значимый предиктор, а затем вводятся менее значимые предикторы [3]. Сводка полученных моделей приведена в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, в наиболее простую модель 1 входит лишь одна частная функция желательности сбережения населения – d_{XI} (расчетного уровня смертности населения от болезней органов пищеварения), на следующем этапе к ней добавляется частная ФЖСН d_{IX} (расчетного уровня смертности населения от болезней системы кровообращения), затем – частная ФЖСН d_{XX} (расчетного уровня смертности населения от внешних причин). На последнем этапе в модель 4 включаются все четыре частные функции желательности сбережения населения. Однако модель 4 характеризуется мультиколлинеарностью – частная ФЖСН d_{II} коррелирует с частной ФЖСН d_{IX} с коэффициентом корреляции 0,741, ее следует исключить из модели и остановиться на модели 3, явный вид которой:

$$d = -0,133 + 0,597 d_{XI} + 0,346 d_{IX} + 0,339 d_{XX}. \quad (5)$$

Переходя от общей и частных ФЖСН к их логарифмам, получаем степенную трехфакторную модель:

$$d = e^{0,121}(d_{IX})^{0,598}(d_{XI})^{0,120}(d_{XX})^{0,281}. \quad (6)$$

Модель (11) адекватна – она объясняет 71,7% общей дисперсии, и это позволяет интерпретировать показатели степени при предикторах как коэффициенты эластичности. Из степенной модели следует, что на общую функцию желательности сбережения населения в наибольшей мере влияет

Таблица 4. Сводка моделей зависимости общей функции желательности сбережения населения (расчетного уровня смертности трудоспособного населения в 2016 г.) от значений частных функций желательности

Модель	Предикторы	Коеф. детермин.	Скор. коеф. детермин.	Станд. ошибка аппрокс.	Критерий Фишера	P-уровень
1	d_{XI}	0,681	0,661	0,147	34,2	0,000
2	d_{XI}, d_{IX}	0,834	0,812	0,109	37,6	0,000
3	d_{XI}, d_{IX}, d_{XX}	0,920	0,903	0,078	53,8	0,000
4	$d_{XI}, d_{IX}, d_{XX}, d_{II}$	0,942	0,924	0,069	53,0	0,000

Таблица 3. Границы зон желательности сбережения населения и ранжирование регионов ЦФО по смертности трудоспособного населения от болезней классов IX, XX, II и XI

Зона желательности сбережения населения	Смертность на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста в 2016 г.	Регионы
Болезни класса IX (системы кровообращения)		
Очень хорошо	Менее 112	г. Москва
Хорошо	112–145	–
Удовлетворительно	145–170,5	Владимирская, Липецкая, Ивановская, Воронежская, Рязанская, Московская, Белгородская, Ярославская и Тульская обл.
Плохо	170,5–187	Брянская и Калужская обл.
Очень плохо	Более 187	Костромская, Тамбовская, Смоленская, Орловская, Курская и Тверская обл.
Болезни класса XX (внешние причины)		
Очень хорошо	Менее 105,5	г. Москва
Хорошо	105,5–122	Белгородская обл.
Удовлетворительно	122–145	Ивановская, Курская, Московская, Орловская, Костромская и Тамбовская обл.
Плохо	145–161,5	Рязанская, Ярославская и Липецкая обл.
Очень плохо	Более 161,5	Тульская, Калужская, Владимирская, Смоленская, Тверская, Брянская и Воронежская обл.
Болезни класса II (новообразования)		
Очень хорошо	Менее 72,5	г. Москва и Московская обл.
Хорошо	72,5–80	–
Удовлетворительно	80–89,5	Воронежская, Ярославская, Ивановская, Рязанская, Тамбовская, Калужская и Липецкая обл.
Плохо	89,5–96,5	Смоленская, Белгородская, Владимирская и Тульская обл.
Очень плохо	Более 96,5	Костромская, Тверская, Брянская, Орловская и Курская обл.
Болезни класса XI (органов пищеварения)		
Очень хорошо	Менее 29,0	г. Москва
Хорошо	29,0–43,5	Белгородская и Воронежская обл.
Удовлетворительно	43,5–58,8	Московская, Рязанская, Липецкая, Тамбовская, Костромская, Курская и Смоленская обл.
Плохо	58,8–68,5	Орловская, Калужская и Брянская обл.
Очень плохо	Более 68,5	Ярославская, Тверская, Тульская, Ивановская и Владимирская обл.

частная ФЖСН d_{IX} (расчетного уровня смертности населения от болезней системы кровообращения), затем следует частная функция желательности сбережения населения d_{XX} (расчетного уровня смертности населения от внешних причин), в наименьшей степени – ФЖСН d_{XI} (расчетного уровня смертности населения от болезней органов пищеварения), поскольку коэффициенты эластичности общей функции желательности сбережения населения по частным функциям желательности d_{IX} , d_{XX} и d_{XI} составляют значения 0,598, 0,281 и 0,120 соответственно.

Заключительный этап статистического анализа состояния общественного здоровья в регионах ЦФО – разработку их типологии по частным функциям желательности – проводим методами факторного и кластерного анализа по методике, предложенной в работе [15]. Эта методика предполагает решение двух задач:

1) выявление структуры системы региональных индикаторов общественного здоровья с помощью факторного анализа частных функций желательности их значений, установление информативных индикаторов

общественного здоровья и их взаимосвязи с главными факторами методами корреляционного анализа;

2) разработка кластерного решения методами иерархического кластерного анализа и идентификация кластеров регионов ЦФО.

Первую задачу – выявление структуры системы частных функций желательности значений региональных индикаторов общественного здоровья – проводим с помощью факторного анализа по методу главных компонент в программной среде пакета анализа данных SPSS Base [3, 22]. По критерию Кайзера можно было бы ограничиться одной главной компонентой, но из-за больших геометрических искажений однофакторной модели нами принята двухфакторная модель структуры системы частных функций желательности значений региональных индикаторов сбережения населения, которая характеризуется геометрическими искажениями менее 20% и, в то же время, позволяет наглядно представить результаты факторного анализа на плоскости с координатами двух главных факторов (рис. 4).

Из рисунка 4 б следует, что главный фактор 1 коррелирует с частными функциями желательности d_{IX} и d_{II} , а главный фактор 2 – с частными функциями желательности d_{XX} и d_{XI} , причем индикатор d_{IX} объясняет 87,0% дисперсии первого главного фактора, а индикатор d_{XX} – 74,5% второго главного фактора. Это позволяет интерпретировать первый главный фактор как фактор сбережения населения от болезней системы кровообращения и новообразований, второй – как фактор сбережения населения от внешних причин и болезней органов пищеварения.

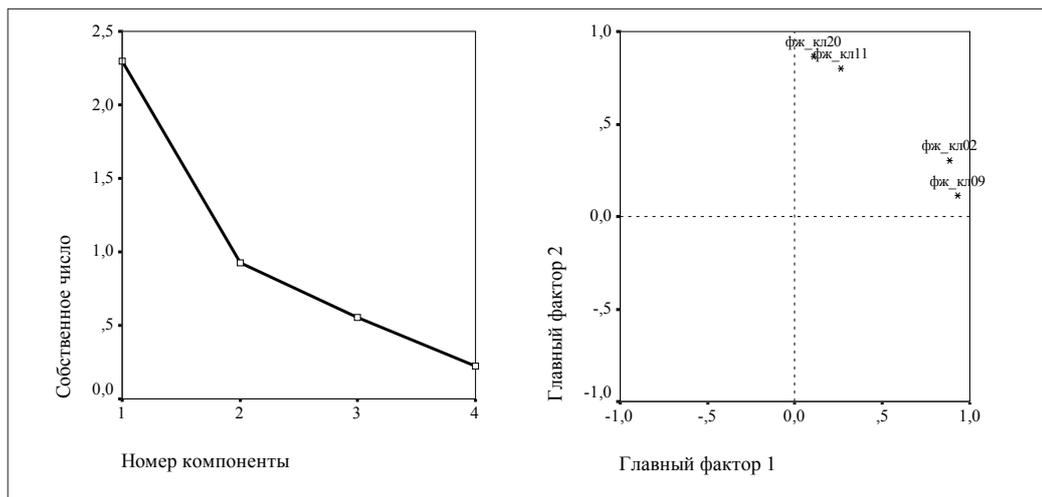
Для решения второй задачи использовали формальный метод классификации – кластерный анализ. Этот анализ проводим в два этапа: на первом этапе с помощью иерархического кластерного анализа по методу Уорда с квадратичной метрикой на главных факторах устанавливаем кластерное решение, т.е. число кластеров и их состав, на втором с помощью итеративного кластерного анализа по методу k -средних проверяем устойчивость постулируемого кластерного решения. Подобная методика многомерной группировки, предложенная в работе [15], показала свою эффективность при решении ряда задач региональной экономики.

Судя по основному результату иерархического кластерного анализа – дендрограмме (дендрограмма не приводится ради сокращения объема статьи), на уровне сходства не хуже 80% формируются четыре кластера. Самостоятельный кластер 1 образует г. Москва, которая характеризуется оценками «очень хорошо» функций желательности d_{IX} и d_{XX} , наиболее сильно коррелирующих с главными факторами. Кластер 2 образуют пять регионов: Белгородская, Костромская, Курская, Орловская и Тамбовская области (метки 1, 7, 8, 11 и 14 соответственно). Состав этого кластера почти совпадает с визуально выделенным ранее типологическим синдромом, с добавлением Белгородской области. Кластер 3 объединяет шесть регионов – Воронежскую, Ивановскую, Липецкую, Московскую, Рязанскую и Ярославскую области (метки 4, 5, 9, 10, 12 и 17 соответственно). Шесть регионов также в кластере 4, его образуют Брянская, Владимирская, Калужская, Смоленская, Тверская и Тульская области (метки 2, 3, 6, 13, 15 и 16 соответственно).

Заключительный этап классификации регионов ЦФО – идентификацию кластеров – проводим визуально по ящичковым диаграммам для частных функций желательности (рис. 5).

Из диаграмм рисунка 5 следует, что уровень РФ в целом по сбережению трудоспособного населения от болезней основных классов уступают все периферийные регионы ЦФО, а задача снижения межрегиональной дифференциации является актуальной для всех регионов без исключения, и в этом отношении все регионы ЦФО следует считать проблемными.

Заключение. По результатам статистических исследований динамики предложенного в работе обобщенного индикатора общественного здоровья населения регионов Центральной России – смертности от всех причин на 100 тыс. лиц трудоспособного возраста, а также частных индикаторов – смертности населения от болезней системы кровообращения, внешних причин, новообразований и болезней органов пищеварения, предложено оценку уровня общественного здоровья населения на региональном уровне проводить по величине частных функций желательности сбережения населения, полученных с помощью психофизического

а) б)
Рис. 4. Результаты факторного анализа частных индикаторов сбережения трудоспособного населения регионов ЦФО: *а* – график «каменистой осыпи»; *б* – распределение «нагрузок» частных функций желательности на главные факторы после оптимизации факторной структуры по критерию «варимакс»

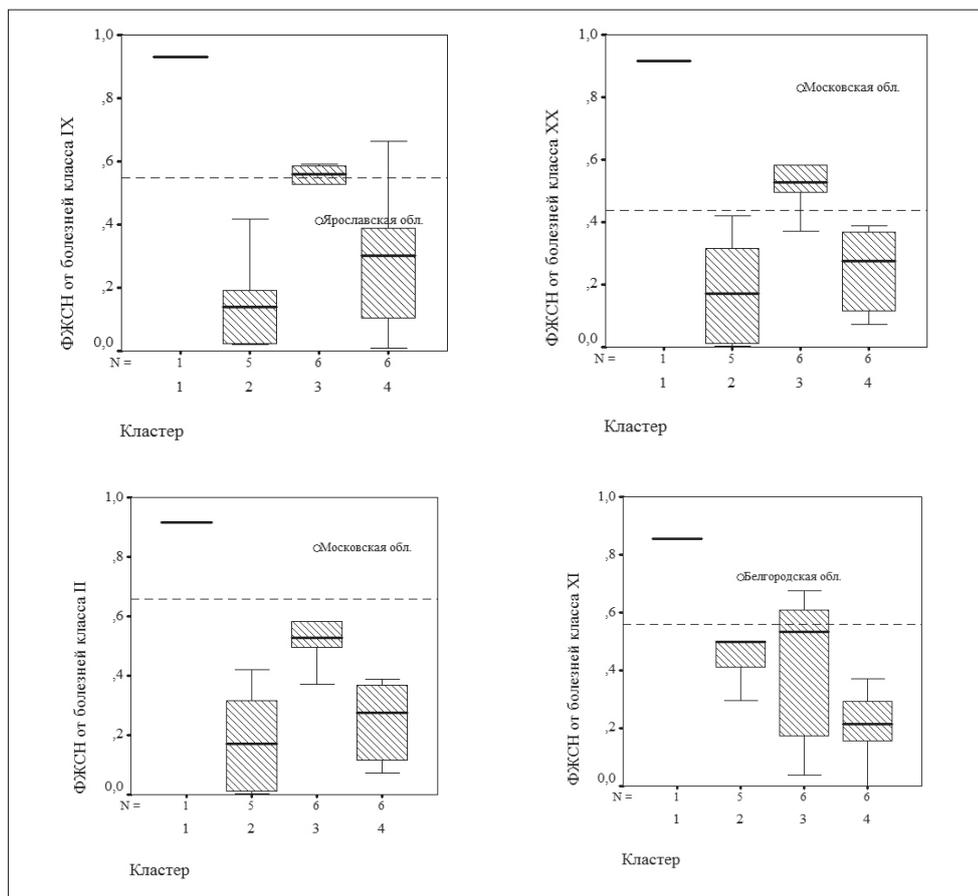

Рис. 5. Распределение по кластерам ЦФО частных ФЖ сбережения трудоспособного населения от болезней класса: *а* – IX; *б* – XX; *в* – II; *г* – XI. Пунктир – уровень РФ.

преобразования Харрингтона с односторонним ограничением. Эти функции, играющие роль региональных индикаторов общественного здоровья трудоспособного населения, практически линейны в зоне желательности «удовлетворительно» и, напротив, принципиально нелинейны в зонах «плохо» и «хорошо».

Преимущества такого подхода, в сравнении с традиционным линейным преобразованием, следующие:

– во-первых, сигмоидальный характер функции Харрингтона отвечает интуитивным представлениям о зависимости желательности от величины показателя;

– во-вторых, функция Харрингтона нормирована на открытый интервал (0, 1), асимптотически приближаясь к нулю в случае абсолютно неприемлемых значений показателя, и к единице – в случае очень хороших значений, а это позволяет ее использовать и за пределами изменения показателя в обучающей выборке и упрощает свертку частных функций желательности в обобщенный индикатор;

– в-третьих, что не менее важно, появляется возможность «перевода» значений показателя в лингвистическую переменную с градациями «очень плохо», «плохо», «удовлетворительно», «хорошо», «очень хорошо». В работе приведен алгоритм такого преобразования по статистическим характеристикам региональной выборки.

В работе проведена классификация регионов ЦФО по градациям желательности сбережения населения, обоснована группировка регионов в четыре кластера, однородные по множеству частных функций желательности сбережения населения, выполнена идентификация кластеров. Показано, что уровню РФ по сбережению трудоспособного населения от болезней основных классов уступают все периферийные регионы ЦФО, а задача снижения межрегиональной дифференциации является актуальной для всех регионов без исключения, и в этом отношении все регионы Центральной России являются проблемными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Е.В., Чекулина Т.А., Шуметов В.Г. Статистический подход к формированию функции желательности в задачах экономико-математического моделирования // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 2 (32). С. 94–100.
2. Благовестова Т.Е. Типология регионов Центрального федерального округа по уровню развития социальной инфраструктуры в 1990–2013 гг. // Региональные исследования. 2015. № 4. С. 24–33.
3. Бююль А., Цёфель П. SPSS: Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2002. 608 с.
4. Галынис К.И. Проблемы оценки трудового потенциала крупных экономических систем // Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 100–106.
5. Дорожкина Е.Г. Сбережение трудовых ресурсов как приоритет социальной политики государства: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Саратов, 2013. 24 с.
6. Жуков Р.А. Оценка состояния сложных систем на примере регионов Центрального федерального округа: эколого-экономический аспект // Региональные исследования. 2016. № 4. С. 81–89.
7. Кочеваткина Э.Ф. Формирование качества трудовых ресурсов на уровне муниципального образования в условиях перехода к инновационному типу развития: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Саратов, 2010. 20 с.
8. Крюкова О.А. Социально-экономические факторы развития трудового потенциала областей Центрального федерального округа // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1 (37). С. 124–130.
9. Леонидова Г.В., Панов А.М., Попов А.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территорий. 2013. № 4 (66). С. 49–57.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.
11. Солоха И.А. Формирование и реализация конкурентных преимуществ трудовых ресурсов на муниципальном уровне: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Саратов, 2011. 23 с.
12. Хадасевич Н.Р. Формирование, развитие и реализация трудового потенциала региона: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М.: ВЦУЖ, 2015. 52 с.
13. Чекмарева Е.А., Панов М.М. Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 221–239.
14. Шуметов В.Г. Использование эконометрических моделей в анализе пространственно-временных данных // Математика и ее приложения. Экономическое прогнозирование: модели и методы. Мат-лы Междун. научн.-практ. конф. Орел: Орл. гос. ун-т; Воронеж: ООО «Воронеж. Центр Новых Технологий и Инноваций», 2011. С. 365–366.
15. Шуметов В.Г. Кластерный анализ в региональном управлении: учеб. пособие. Орел: ОРАГС, 2001. 124 с.
16. Шуметов В.Г. Методические аспекты типологизации регионов по показателям демографической нагрузки (на примере Центрального федерального округа) // Human Progress. 2016. Т. 2. № 1. URL: <http://progress-human.com>.

17. Шуметов В.Г. О нормировании показателей уровня жизни населения // Вестник Орел ГАУ. 2015. № 6 (57). С. 106–113.
18. Шуметов В.Г. О преобразовании социально-экономических показателей в безразмерные индексы в задачах математического моделирования // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4. С. 102–111.
19. Шуметов В.Г., Барбашова Е.В. Статистический подход к построению частных и обобщенной функций желательности в задачах математико-экономического моделирования // Инновационное развитие российской экономики. Мат-лы X Междун. научн.-практ. конф. Т. 3: Статистические и инструментальные исследования развития. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017. С. 321–325.
20. Шуметов В.Г., Барбашова Е.В., Слатинов В.Б. Методические аспекты преобразования показателей в оптимизационных управленческих задачах региональной экономики // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 6. С. 333–341.
21. Harrington E.C. The Desirable Function // *Industrial Quality Control*. 1965. V. 21. № 10. С. 128–135.
22. SPSS Base 8.0 для Windows. Руководство по применению. М.: СПСС Русь, 1998. 397 с.

Об авторах

Барбашова Екатерина Вадимовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Среднерусский институт управления – филиал, г. Орел.

Конкин Владислав Алексеевич – аспирант Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, г. Орел.

Шуметов Вадим Георгиевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и математики Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина, г. Орел.

Для цитирования:

Барбашова Е.В., Конкин В.А., Шуметов В.Г. Общественное здоровье в оценке качества трудового потенциала: региональный аспект // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 75–85. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-7.

Public health in assessment of the quality of labor capacity: regional aspect

© 2019 г. Е. В. Barbashova^{1,*}, V. A. Konkin^{2,**}, V. G. Shumetov^{3,***}

¹ Central Russian Institute of management, branch of the Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Orel, Russia

² Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

³ Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russia

* e-mail: work.67@mail.ru

** e-mail: Kiddy57@yandex.ru

*** e-mail: shumetov@list.ru

It is proposed to assess the level of public health of the population of the regions by the magnitude of the function of the desirability of all-cause mortality per 100 thousand people of working age, obtained as a result of Harrington's psychophysical transformation. Private functions of the desirability of saving the population were formed, based on the estimated values of the indicator in 2016 according to the approximation of the dynamics of mortality of people of working age in the period 2010–2016 from the four main causes – diseases of the circulatory system, external causes, neoplasms, diseases of the digestive system. The classification of the regions of the Central Federal District by private functions of the desirability of saving the population. It is shown that the level of the Russian Federation in terms of saving the working-age population from diseases of the main classes is inferior to all peripheral regions of the Central Federal District, and the task of reducing interregional differentiation is relevant for all regions without exception, and in this respect all regions of Central Russia are problematic.

Key words: public health, quality of labor potential, able-bodied population, population saving, mortality of the working-age population, time series, Harrington transformation, typology regions of the Central Federal District.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В УСИЛЕНИИ ПОЛЯРИЗАЦИИ РАССЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

© 2019 г. Д. О. Егоров^{1,*}, Р. С. Николаев²

¹ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

* e-mail: dmitriy.m.egorov@mail.ru

Анализируется миграционный баланс в городах и сельской местности районов Республики Татарстан с позиции его роли на процессы поляризации и концентрации размещения населения. Оценены внешние и внутрирегиональные потоки механического движения в регионе. Результаты показали, что, относясь к числу субъектов с положительным миграционным приростом, велика неоднородность направленности и интенсивности движения населения по территории. Показывается зависимость возрастания относительной величины миграций при приближении к региональному центру и крупным городам от дальней периферии для сельской местности и в меньшей степени для городов. Только районы – соседи 1-го порядка сохраняют положительный приток населения для сельской местности. Наряду с этим наивысший показатель прироста у малых городов, находящихся в часовой доступности от Казани, что в обоих случаях говорит о признаках субурбанизации. Установлено преобладающее участие молодежи в механических движениях, что приводит к дальнейшему ухудшению демографической обстановки территорий оттока.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, поляризация и концентрация населения, центр, периферия, система расселения.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-8

Введение и постановка проблемы.

Изложенные в ряде работ Т.Г. Нефедовой, Н.В. Мкртчяна, Н.В. Зубаревич, А.И. Алексеева и др. [1, 6, 10, 11, 13, 26] процессы пространственного сжатия и трансформации системы расселения России и ее регионов [3, 4, 5, 17, 29] в частности, начавшиеся проявляться с 1960-х гг., во многом обусловлены естественным для этого времени процессом урбанизации, который был характерен для всех развитых и развивающихся стран начиная с XX в. Статистические данные показывают, что возросшая миграционная активность в сельско-городском и междугородном направлении в этот период неоднородна по интенсивности во времени и в населенных пунктах разного типа и размера т.е. имеют какие-то циклы. Стадиальная модель урбанизации была предложена Д. Джиббсом [37] и развита его последователями [35, 36] с описанием преобладающих направлений притяжения населения (рис. 1).

Согласно этой схеме существует 5 стадий урбанизации: на ранней стадии потоки населения, направленные в сельскую местность выше, чем в города. После начинают расти города, миграционный прирост села падает. На 3–4 стадиях города наращивают миграци-

онный баланс (с 4 стадии привлекательность малых городов становится отрицательной, а большие города имеют пик прироста), в сельских пунктах происходит отток населения. В зрелой 5 стадии крупные города теряют свою миграционную аттрактивность вплоть до отрицательных значений, а малые города и сельская местность вновь имеют незначительный положительный приток населения. После этот процесс повторяется, но с меньшими амплитудами по времени и интенсивности.

Понимание на какой стадии урбанизации в данный момент находится государство должно позволить дать обоснование для прогноза демографического развития поселений разного типа и людности. Однако при применении теоретических моделей к определенной территории необходимо учитывать ее уникальность, исторические особенности: социальные и экономические события (кризисы, войны), которые могли внести коррективы. Также не совсем понятно, как применять данную схему для стран с большой территорией, в которой различные части могут находиться на разных стадиях развития.

Определить на каком этапе урбанизации находится современная Россия позволит ана-

лиз данных по миграционному балансу на постоянное место жительства¹: с 1970-х гг. миграционные потоки направлялись в города различной людности, особенно в большие и крупные (100–500 тыс. чел.), в конце 1980-х гг. можно выделить зрелые стадии урбанизации [19]. В 1991 г. крупнейшие города (с населением больше 1 млн чел.) имели отрицательный миграционный баланс, но это не было последней стадией урбанизации. Распад СССР и последующий экономический упадок, «неразбериха» в городах с дефицитом продовольствия привел к статистически заметному оттоку горожан в сельскую местность поближе к подсобному хозяйству. С 1994 г. положительный миграционный баланс крупнейших и крупных городов восстановился, во многом это произошло благодаря притоку мигрантов из бывших союзных республик [23], увеличился миграционный поток и в большие и средние города (в т.ч. благодаря более дешевому жилью). В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наращивается миграционная аттрактивность Москвы, крупные, большие и средние города характеризуются падением миграционного баланса (но он по-прежнему положительный). В этот период увеличиваются цены на жилье в крупных и больших городах, что послужило заменой переезда на ПМЖ отходничеством и маятниковыми миграциями [19]; стал иссякать поток мигрантов из бывших республик СССР. Во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. крупнейшие, крупные и большие города вновь наращивают миграционные балансы (с 2011 г. также в разработку данных о миграции населения включаются лица, зарегистрированные по месту пребывания на длительный срок: 9 месяцев и более). Средние и малые города с этого времени теряют свою миграционную привлекательность; так отмечается отрицательный суммарный миграционный баланс у городов с людностью менее 20 тыс. чел. с 2000-х гг., с 2010-х гг. у городов с людностью 20–50 тыс. чел., с 2012 г. у городов с людностью 50–100 тыс. чел.

Высокий положительный миграционный баланс сельской местности России 1990–1996 гг. в силу описанных выше событий начал снижаться в промежуток 1996–2000 гг., а

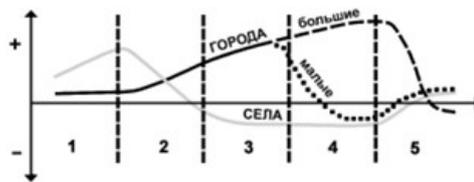

Рис. 1. Стадии урбанизации по Д. Джиббсу в интерпретации А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефедовой [19, с. 23]; горизонтальная ось (условная) время, вертикальная ось (условная) миграционный баланс

после 2010-х гг. имел тенденции в увеличении отрицательных показателей.

Как было сказано выше, все эти показатели демонстрируют значения миграционных потоков в населенных пунктах различных типов и людности в целом по стране, обоснованно предположить, что существуют особенности в зависимости от расположения региона и его экономического развития.

Нами предпринята попытка оценить внутри региональную дифференциацию суммарного показателя миграционного прироста населения Республики Татарстан, оценить дифференциацию миграционного баланса по городам различной величины и по сельскому населению районов; определить различия между центром субъекта: г. Казанью, его пригородом и внутрорегиональной периферией. Отдельно проанализирован миграционный баланс городов и сельской местностью районов, расположенных на разном удалении от регионального центра.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучение процессов миграций с последующим переводом фокуса их влияния на урбанизацию и изменение структуры и размещения расселения в России рассматривается специалистами на разных масштабных уровнях, в частности на общероссийском уровне отмечается быстрая концентрация населения в Московской агломерации благодаря более высоким доходам населения, что всегда способствует росту мобильности, и давно идущим миграциям населения из малых и средних городов и депопулирующей сельской местности [9, 18, 25]. Но, Н.В. Зубаревич отмечает, что в 1990-х гг. привлекательность

¹ В работе используется следующая классификация городов по величине населения: более 1000 тыс. чел. – крупнейшие; 500–1000 и 250–500 тыс. чел. – крупные; 100–250 тыс. чел. – большие; 50–100 тыс. чел. – средние; 20–50 и менее 20 тыс. чел. – малые.

столицы была выше, нежели в 2000-х гг., когда начала действовать политика государства по «выравниванию» неравенства. Проведенное в 2013 г. социологическое исследование [27] во Владимирской области показало наличие высокой доли населения, в малых городах, желающих переехать в Москву или в свой региональный центр, главными причинами является контраст между качеством жизни в «недоурбанизированных» городах.

В сравнительных работах по межрегиональным потокам механического движения ключевым тезисом является констатация «западного дрейфа» и выделение убывания населения с северных и восточных субъектов [7, 8, 15].

Концентрации населения типична не только для столичной агломерации, но и для региональных центров. Так наиболее полно проанализировали эти тенденции Л.Б. Карачурина и Н.В. Мкртчян в своих работах [12, 14], устанавливая, что в подавляющем большинстве регионов центр значительно доминирует в своем демографическом росте над 2-ми городами. Это проявляется как в абсолютных параметрах численности, так и в доле центров и вторых городов в численности населения своих регионов. По данным 2015 г. в 13 регионах доля населения административного центра превысила 45%. В современной России тенденции центризма в регионах преобладают над полицентризмом. Население все интенсивнее концентрируется в определенных участках своих субъектов. При этом все более важным фактором, способствующим концентрации населения по аналогии с общероссийским уровнем, становится возможность исполнения столичных функций, ведущие к снижению издержек бизнеса и потребителей. Эта тенденция находит подтверждение и в ряде региональных работ [2, 20].

В исследованиях Н.В. Мкртчяна для выбранных субъектов РФ [21, 22, 38] и в работе по Иркутской области [31] отмечается, что «ресурсной базой» в большинстве случаев для центров субъектов выступает молодежь малых и средних городов. Анализ центр – периферийных гипотез в направленности механического движения населения на региональном можно встретить в работах, посвященных Республике Якутия [28], Кировской [30] и Курской [16] областям.

Авторам не удалось найти значимых работ для территории Республики Татарстан по поставленной в статье тематике исследования.

Материалы и методы исследования. До недавнего времени влияние миграции на процессы изменения расселения внутри региона было тяжело проследить. Отсутствовала статистика по муниципальным образованиям и малым городам, поселкам городского типа (пгт). Возможность возникла с появлением открытого источника Базы данных муниципальных образований, которая размещена на каждом веб ресурсе региональном отделении Росстата. Использовались данные о миграции населения на уровне субъекта и на уровне 43 муниципальных районов, 2 городских округов, 21 городов (за исключением нового г. Иннополис) и 18 пгт Республики Татарстан за период 2014–2016 гг. Также в работе использовались периодические информационно – статистические издания Росстата и его регионального отделения. С 2011 г. эта база наряду с зарегистрированными по новому месту жительства гражданами, в категории мигрантов стала учитывать и зарегистрировавшихся по месту пребывания сроком более чем на 9 месяцев. Это обстоятельство, несомненно, привнесло большую полноту статистического учета потоков мигрантов, в особенности временных (для целей трудовой и образовательной деятельности). Одной из задач исследования являлась оценка возрастных особенностей механического движения, для этого вычислялись относительные показатели мигрантов определенного возраста на 10 тыс. местного населения также соответствующего возраста соответствующей территории. Для установления центр – периферийных закономерностей движения населения были использован ресурс Яндекс. Карты для определения расстояния (в км) по дорогам до регионального центра (рис. 5) или до ближайшего города с населением более 500 тыс. чел. (рис. 8).

Полученные результаты.

Современные миграционные процессы Республики Татарстан. В статистике принято выделять внешние (которые в свою очередь делят на международную и межрегиональную) внутренние (внутрирегиональные) потоки миграций. Понятно, что на изменение общей численности населения субъекта влияют только внешние миграции, в свою очередь внутрирегиональные добавляясь к

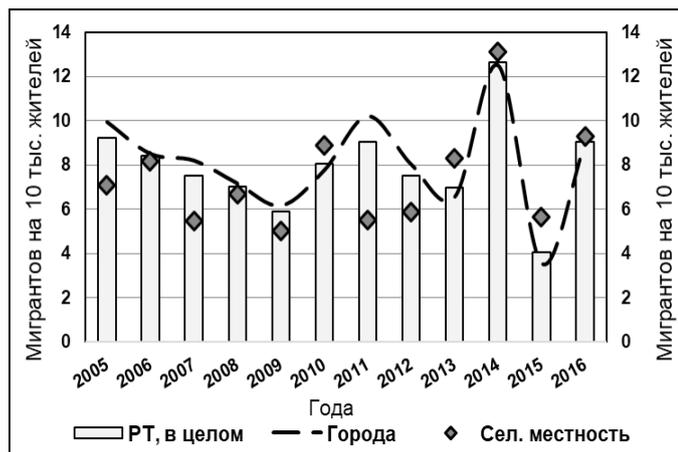

Рис. 2. Межрегиональная миграция населения в Республике Татарстан, прирост/-убыль чел. на 10 тыс. жителей. Составлено по данным [32]

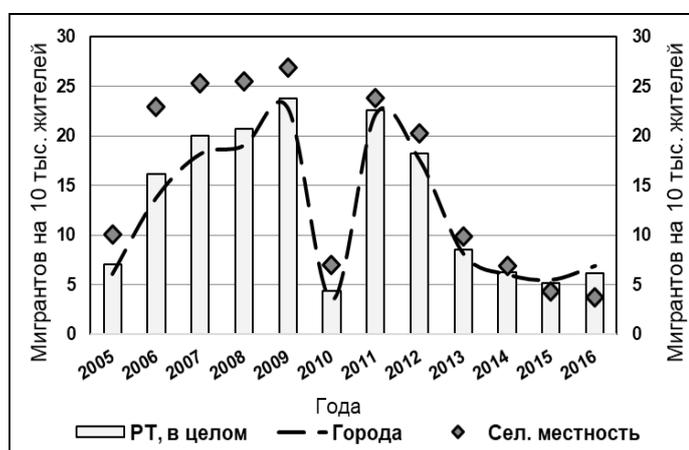

Рис. 3. Международная миграция населения в Республике Татарстан, прирост/-убыль чел. на 10 тыс. жителей. Составлено по данным [32]

внешним определяют территориальные изменения в размещении жителей внутри региона. Переходя к внешним «экзогенным» миграционным процессам Татарстана, отметим положительное сальдо межрегиональных миграций за современный период в республике (рис. 2), прибавляя в среднем для региона около 3 тыс. населения ежегодно.

Вместе с тем, не выделяется существенной разницы в интенсивности миграционного прироста между городами и сельской местностью за весь рассмотренный период. Международная миграция (рис. 3) ежегодно добавляет еще примерно 5 тыс. населения за

год в регион, превышая в некоторые периоды значения межрегиональной миграции. Причем сельская местность по интенсивности привлечения иностранных мигрантов опережает города². В целом соотношение потоков межрегионального и международного механического прироста населения за последние годы остается постоянным и составляет примерно 40% на 60% (+/-5%) для городов, сельской местности и Республики Татарстан в целом соответственно.

Таким образом Татарстан в период 2005–2016 гг. относился к 22 субъектам РФ из 85 имевших положительный внешний совокуп-

² На самом деле международных мигрантов в селе значительно меньше. Получая регистрацию в сельской местности, они живут и работают в городах [24].

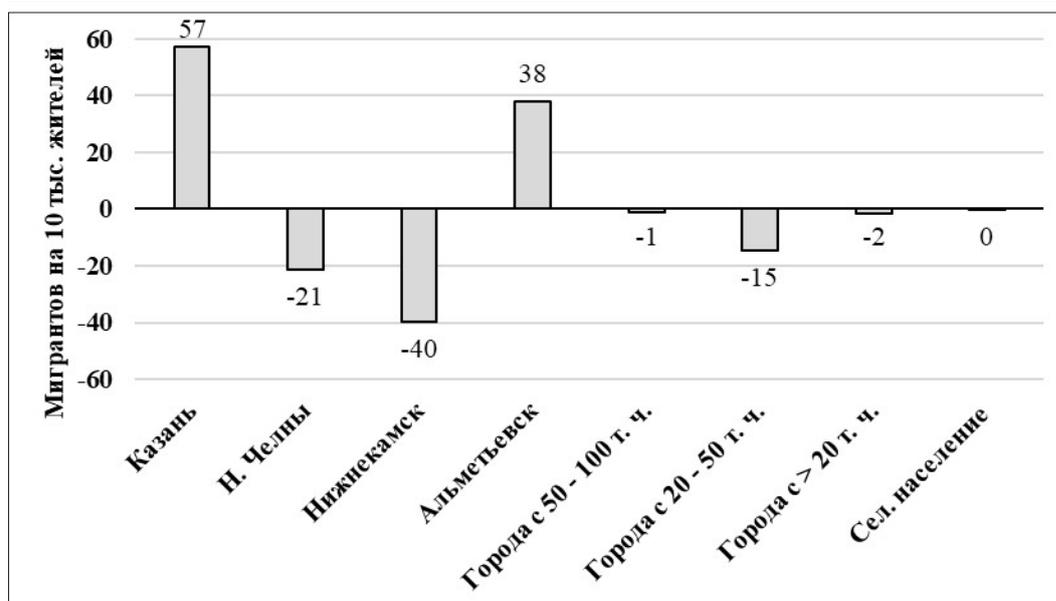

Рис. 4. Относительный миграционный прирост в городах различной плотности и сельской местности Республики Татарстан в период с 2014 по 2016 г., в среднем за год. Составлено: по данным [32, 33].

ный миграционный баланс, и к лишь 15 с положительным балансом российских межрегиональных миграций³.

Складывающаяся на первый взгляд положительная демографическая ситуация в регионе, заключающаяся в миграционном притоке населения из других субъектов страны и ближнего зарубежья при более детальном анализе, является мнимой, и представляется фактором, усиливающим поляризационный процесс в расселении:

– так при перемещениях в другой субъект, население выбирает прежде всего населенный пункт (город, сельский пункт). Именно в этом городе, пгт, селе он рассчитывает трудоустроится, найти или арендовать жилье, здесь, а не в регионе в целом, он проходит процесс адаптации и интеграции в социум;

– внутрирегиональные процессы перемещения по своей интенсивности в Республике Татарстан превосходят конечные показатели внешнего миграционного прироста.

Особенности механического движения в городах. Сгруппировав статистику миграций (внешних и внутренних) населения по населенным пунктам различного типа и числу жителей (рис. 4) удалось установить, что современная направленность и интенсивность движения населения в республике

плохо «накладывается» на теоретические представления о цикличности урбанизации, хотя можно с осторожностью отнести современное состояние к 4 стадии по Джиббсу.

Наибольший относительный приток населения принимает крупнейший город Казань, тем самым являясь главным аттрактором, в частности по межрегиональной и внутрирегиональной миграции на территории республики. Что во многом определяется концентрацией экономической активности, наличием диверсифицированного рынка труда, дающим предложения трудоустройства и карьерного роста, а также наиболее развитой сети услуг. Крупные и большие города (Набережные Челны и Нижнекамск) теряют свое население, по большей части отдавая его населенным пунктам внутри своего региона. Исключением является г. Альметьевск, региональный экономический центр нефтяной промышленности с располагающейся штаб-квартирой компании ОАО «Татнефть» и рядом малых нефтяных компаний. Средние и малые города имеют также различные значения, среди них значительным отрицательным балансом характеризуются малые города в диапазоне числа жителей 20–50 тыс. чел. Средние по численности города и малые с населением менее 20 тыс. жителей имеют невысокий отрицательный баланс. Но в этих группах есть исключения, выделяются горо-

³ Определенно по данным [34].

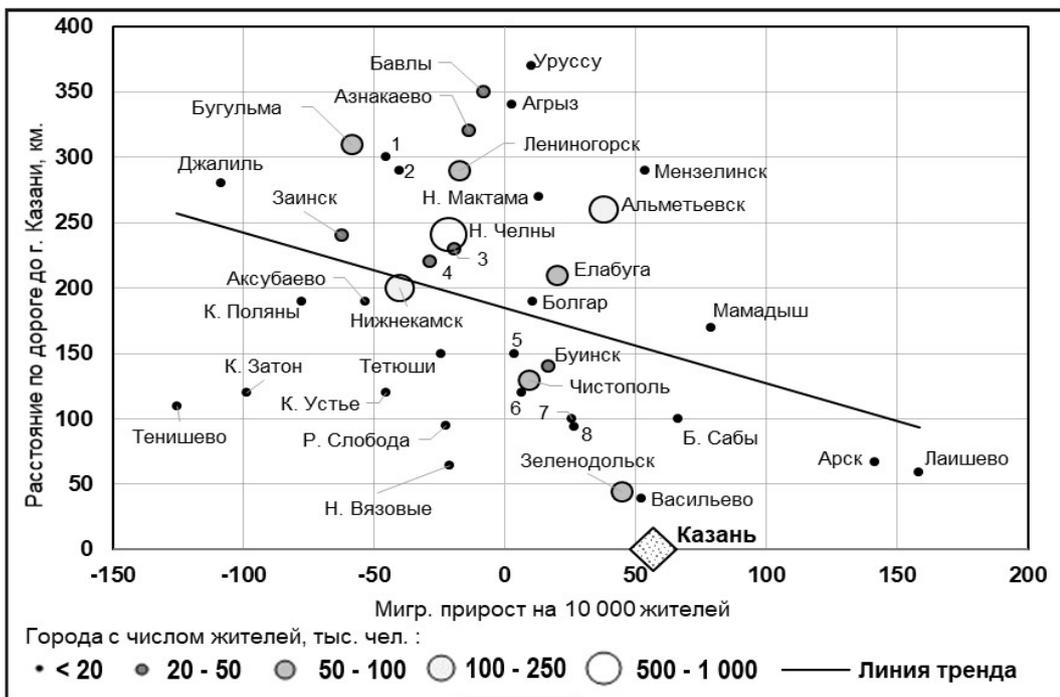

Рис. 5. Относительный миграционный прирост (общий) городов и пгт Республики Татарстан в зависимости от удаленности от Казани, в период с 2014 по 2016 г., в среднем за год. Составлено по данным [33]. Цифрами на карте обозначены: 1 – пгт Актюбинский, 2 – пгт Карабаш, 3 – Менделеевск, 4 – Нурлат, 5 – Кукмор, 6 – Чистополь, 7 – пгт Балтаси, 8 – пгт Алексеевское.

да, привлекающие население. В частности, самые высокие показатели в регионе принадлежат городам, находящимся в пределах Казанской агломерации (часовой доступности до региональной столицы), так города Арск и Лаишево имеют 141 и 160 мигрантов на 10 тыс. постоянного населения соответственно. Тем самым г. Лаишево имеет наивысшее относительное суммарное значение механического прироста среди городов республики. Почти все города агломерации регионального центра имеют положительный прирост (рис. 5).

В другом примере ряд городов (Мензелинск, Мамадыш и др.), находясь на значительном расстоянии от столицы региона, имеют положительный механический прирост; в частности, г. Елабуга, с показателем 20 мигрантов на 10 тыс. постоянного населения, получивший развитие в связи с открытием неподалеку особой экономической зоны. Поэтому обратная зависимость между двумя этими значениями получилась слабой (коэффициент корреляции – 0,34).

Для городов ключевыми факторами отличия от средних значений своего диапазона населения наряду с расположением города,

выступают экономическое положение, наличие диверсифицированной экономики, реальное предложение трудовой занятости.

Значения международного миграционного обмена во всех категориях городов положительное, оно во многом сглаживает отток населения из средних и малых городов в значении суммарной миграции.

Возрастные особенности механического обмена в сельской местности. Основной отток сельского населения осуществляется в городские поселения республики, за 2014–2016 гг. среднегодовые потери составили около 1,6 тыс. жителей. Высокие положительные балансы межрегионального и международного обмена почти полностью компенсируют сельской местности потерю жителей. При этом миграционные балансы в сельско-городском обмене меняют свою интенсивность в различных возрастных группах (рис. 6, 7).

Пик оттока населения из сельской местности в города республики приходится на возраст с 15–19 лет, и достигает максимума в 20–24 и 25–29 летних возрастных когортах населения, именно в этот промежуток осуществляется поступление в ВУЗы, другие

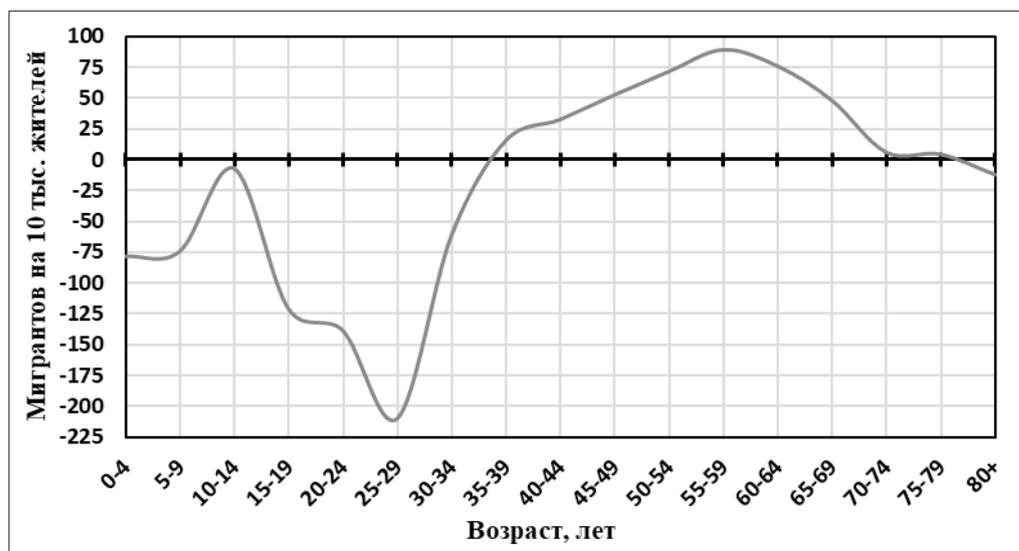

Рис. 6. Характеристики внутрирегионального миграционного обмена сельского населения Республики Татарстан по интенсивности и возрастным группам, в среднем за год в 2012–2016 гг., составлено по данным [33].

учебные заведения городов с последующим трудоустройством. В младших возрастах до возрастной группы 15–19 лет отъезд их сельской местности связан с решением родителей, поэтому в возрасте 10–14 лет отмечается наименьший отрицательный миграционный баланс, поскольку для среднего возраста родителей этих детей уже характерен положительный миграционный обмен с городами. Отмечается отрицательный миграционный баланс во всех возрастных группах до 35–39 лет. В старших трудоспособных возрастах и «начальных» пенсионных сельская местность Татарстана меняет отрицательное значение миграционного обмена с городами на положительное, но значения итогового притока этих групп населения намного меньше, нежели отрицательные показатели миграционного сальдо в более молодых возрастах. В «старших» пенсионных возрастах вновь обмен села с городом становится отрицательным, но с незначительными относительными показателями. Процесс можно связать с возвратом или переездом пожилых людей в города вследствие затруднения ведения придомового хозяйства и возможностью находиться ближе к родственникам способным выполнять уход за ними.

Межрегиональный обмен сельских жителей Татарстана с городами и сельской местности других субъектов РФ в разы уступает

по относительным показателям интенсивности внутрирегиональному, при этом отрицательный баланс лишь у населения возрастов с 15 до 24 лет.

Как в случае с внутрирегиональной миграцией, сельская местность теряет жителей в молодых возрастах, с момента окончания школ и последующем преимущественным невозвращением после учёбы в ВУЗах. Международная миграция во всех возрастах характеризуется положительным балансом обмена и помимо относительно более высоких значений в возрастах 25–34 лет не имеет каких-либо явных изменений интенсивности.

Центро-периферийные контрасты миграционных потоков в сельской местности. Миграция населения – один из главных индикаторов силы контрастов между региональными центрами и внутрирегиональной периферией, и основной фактор, ведущий к концентрации населения в этих центрах и депопуляции периферии.

Расчеты, произведенные для сельского населения районов, показывают наличие сильной обратной зависимости (коэффициент корреляции – 0,64) баланса миграции АТЕ от удаленности от центров региона (рис. 8).

Так в периферийных АТЕ, находящихся в центре субъекта (являющиеся соседями 3-го и далее порядков от г. Казань и г. Набережные Челны) отток сельского населения вы-

Рис. 7. Характеристики межрегионального и международного миграционного обмена сельского населения Республики Татарстан по интенсивности и возрастным группам, в среднем за год в 2012–2016 гг., составлено по данным [33].

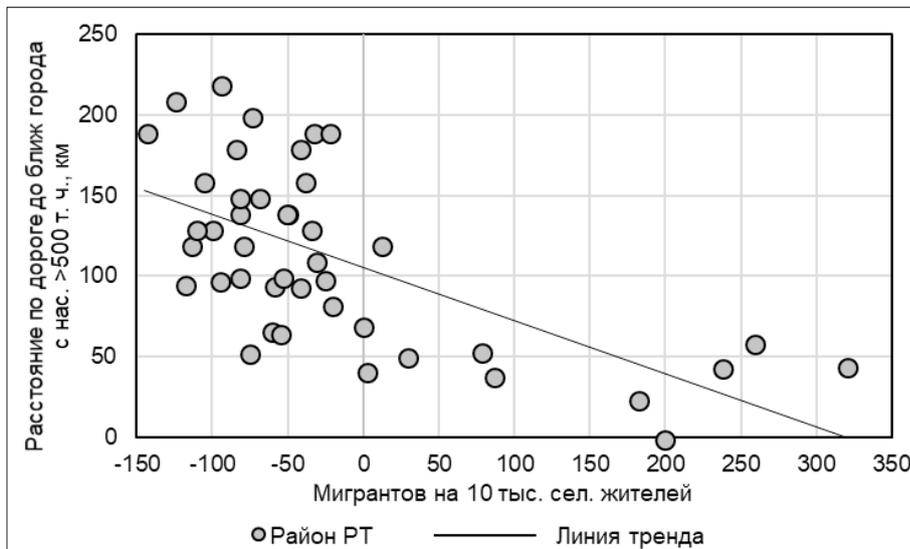

Рис. 8. Относительный миграционный баланс (общий) в сельской местности муниципальных районов Республики Татарстан в зависимости от расстояния до Казани или Набережных Челнов соответственно, составлено по данным [33].

ражен наиболее сильно, к этой же категории относятся и районы, расположенные на большем отдалении от центра республики, являющимися пограничными с другими субъектами. Для районов, расположенных между отдаленной периферией и «пригородскими» районами крупных городов Республики Татарстан характерно снижение высокого отрицательного значения механического дви-

жения, постепенно переходя к показателю «нулевого» прироста (рис. 9).

Лишь 9 (из 43) АТЕ имеют положительный баланс механического движения сельских жителей. Все они соседи 1-го порядка 4 крупнейших городов. При этом у Пестрчинского, Лаишевского, Зеленодольского и Нижнекамского районов показатели прироста за рассмотренный период очень высоки,

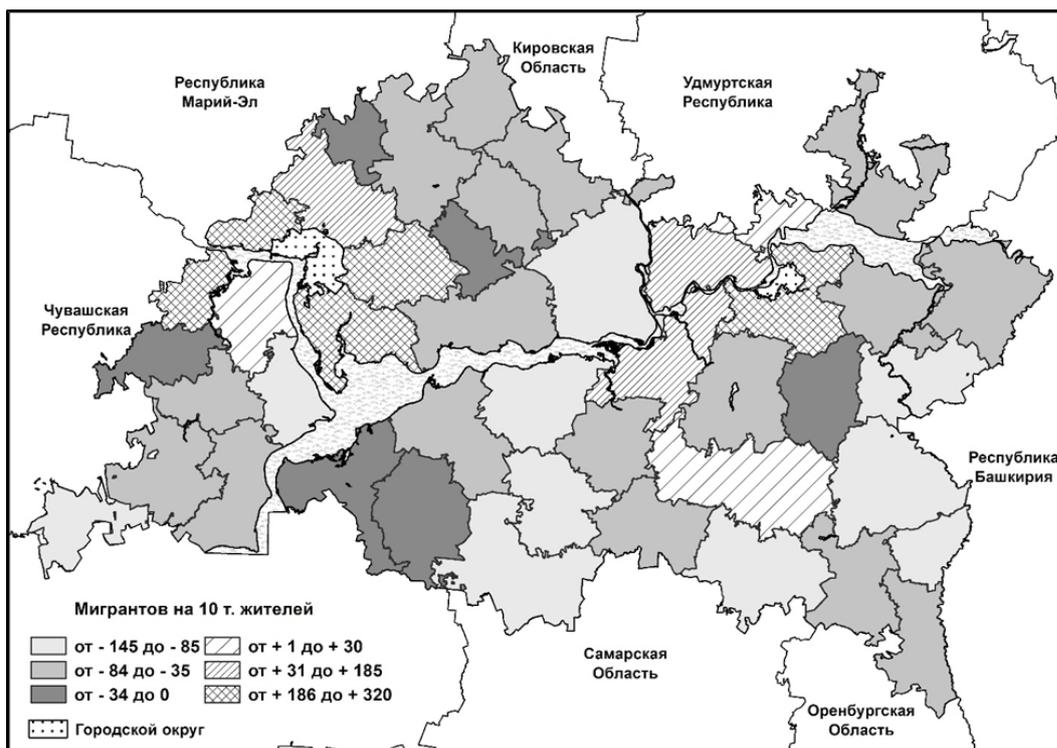

Рис. 9. Относительный миграционный баланс (общий) сельского населения муниципальных районов Республики Татарстан в среднем за год в 2012–2016 гг., составлено по данным [33].

в разы превосходя по модулю относительные значения теряющих сельское население периферийных районов. Тем самым эти районы в многом и определяют нейтральный миграционный баланс, получаемый в целом для сельской местности Татарстана.

Расчеты, произведенные для сельского населения районов Республики Татарстан (рис. 10), располагающихся в направлении от региональной столицы Казани до крупного, второго по численности, города Набережные Челны (по 55 градусу северной широты) показали четкую обратную зависимость баланса миграций периферийных АТЕ от удаленности от этих городов.

Установлено, только соседи 1 и 2-го порядков имеют положительный миграционный прирост, снижающийся при удалении от центра. Относительные значения миграционного баланса у соседей региональной столицы, значительно превышают аналогичные показатели районов 1 и 2-го порядков Набережных Челнов, однако здесь наблюдается положительный прирост и на расстоянии соседа 3-го порядка.

Как было установлено выше (рис. 6, рис. 7), во всех потоках миграции высока доля молодежи, что и обеспечивает ее селективную роль. В работе под демографической группой «молодежи» понимаются люди в возрасте от 15 до 29 лет, поскольку именно эта когорта позволит реально оценить интенсивность молодежных миграций, учесть переезд на постоянное место жительства (снивелировав значения временного переезда для целей учебы в ВУЗах). Как правило после 23 лет заканчивается обучение, и индивид определяется с дальнейшими планами на жизнь и соответственно определяет для себя, где ему остаться: в крупном городе, где он получил образование или вернуться в населенный пункт своего прежнего проживания или выбрать иное место жительства (в т.ч. другой субъект).

Миграционный приток/отток сельского населения из районов Республики Татарстан схож по своей территориальной направленности, прослеживается тот же пригород – периферийный градиент (рис. 11). Однако интенсивность молодежных миграций в разы

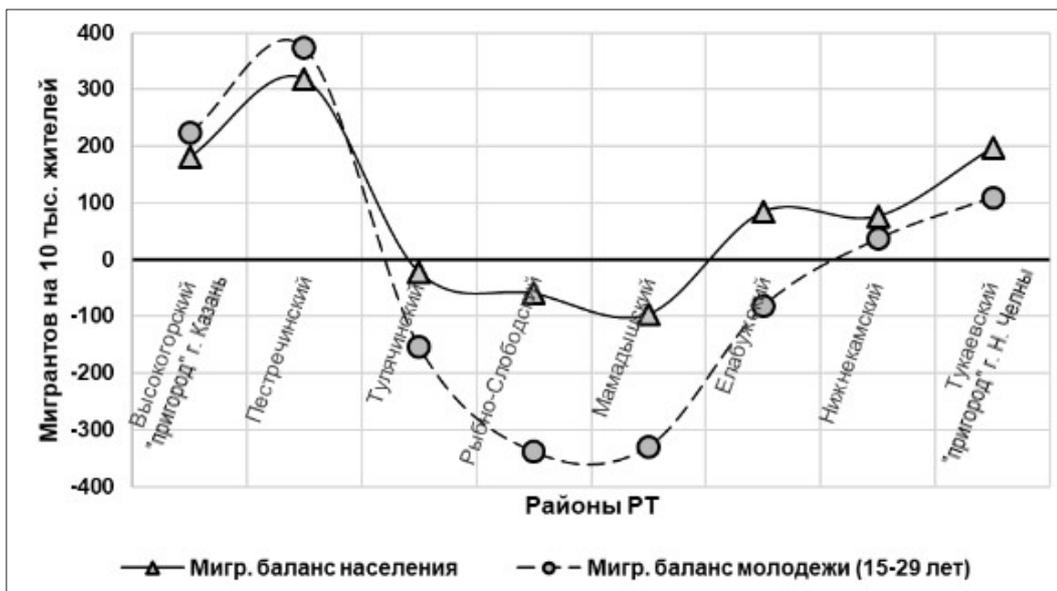

Рис. 10. Профиль миграционного баланса сельского населения районов Республики Татарстан по направлению от Казани до Набережных Челнов (по 55 градусу северной широты), в среднем за год в 2012–2016 гг. на 10 тыс. населения, составлено по данным [33].

выше. Здесь положительный баланс имеют лишь 6 районов, при этом соседи 1-го порядка Казани с очень высокими относительными значениями.

Выводы. Республика Татарстан относится к немногочисленному числу субъектов РФ с положительным внешним миграционным приростом как в целом по субъекту, так и по показателю для городского населения, а сельская местность имеет в среднем «нулевой» прирост. При этом сильно различаются внутрирегиональные значения муниципальных образований. Основной градиент дифференциации миграционных потоков для сельского населения: районы соседи крупных городов и дальняя периферия. С удалением от регионального центра и ряда городов миграционный прирост сменяется убылью и приобретает к дальней периферии наибольший показатель оттока населения. Для городов из ключевых факторов привлечения мигрантов также является расположение относительно регионального центра; но наряду с этим их экономическое положение, наличие диверсифицированных рабочих мест выступают не менее весомым показателем для привлечения жителей.

Наибольшая привлекательность для мигрантов, представленная в столице региона, в «нефтяной» столице и в муниципальных районах пригородах агломераций (только

здесь сельская местность имеет положительный миграционный обмен) является следствием пока еще не в полную силу заявляющих о себе процессах субурбанизации. Наиболее явно она проявляется в соседях 1-го порядка Казани, где миграционный прирост населения в районах (как общий, так и молодежи) обгоняет приток в Казань. Здесь уже видны тенденции, при которых приток в пригороды населения происходит в возрасте, когда люди создают семью.

Влияние миграции на население Татарстана, его районов и отдельных населенных пунктов не ограничивается только изменением численности их жителей. Важное значение и в том, что в результате миграции меняется возрастной состав населения в сельских поселениях и городах притока, так и оттока, и это влияние может быть многосторонним.

Получается, что в силу преобладающей роли молодежи в механическом движении населения, те муниципальные районы и города, которые имеют положительный миграционный баланс, почти всегда омолаживают свое население. Напротив, миграционный отток способствует постарению возрастной структуры территории. Это верно для большинства районов и городов РТ. К тому же, почти во всех депопулирующих районах республики, при оттоке молодежи происходит приток лиц предпенсионных и пенсионных

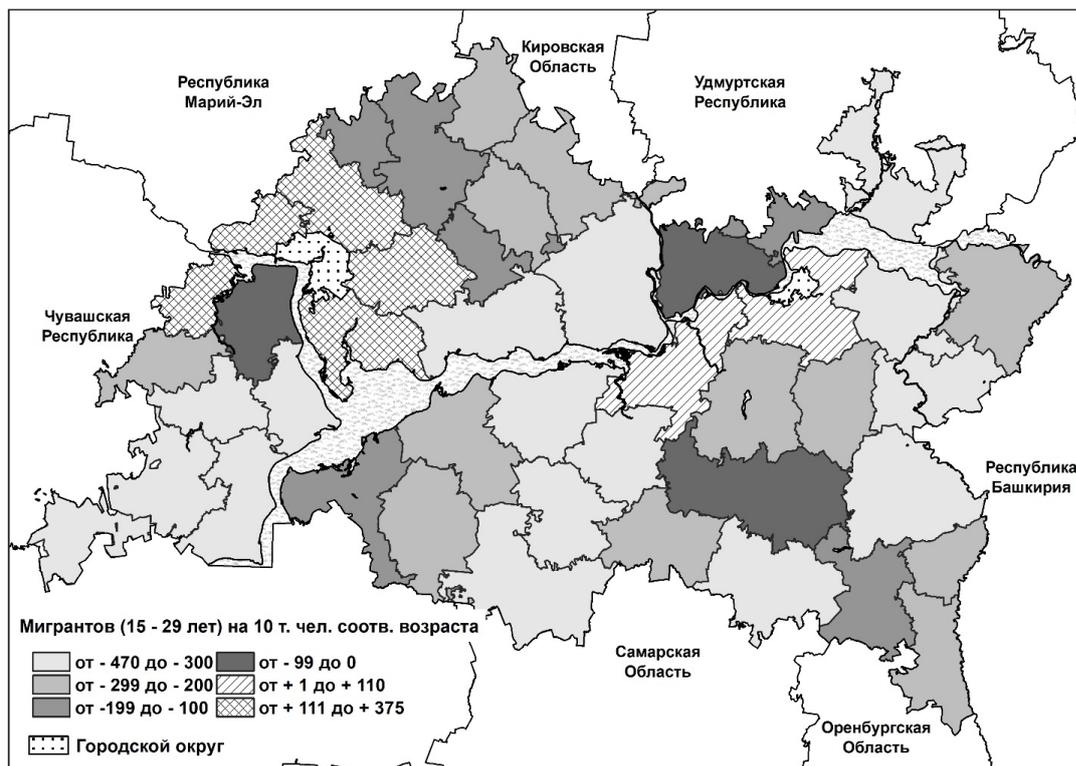

Рис. 11. Относительный миграционный баланс молодежи (общий) сельского населения муниципальных районов Республики Татарстан в среднем за год в 2012–2016 гг., составлено по данным [33].

возрастов. В этом случае общий миграционный баланс по-прежнему отрицательный, а процесс старения возрастной структуры населения ускоряется. В городах, демонстрирующих значительный механический прирост (Казань и Альметьевск) приток молодежи сопровождается убылью населения старших возрастов, в данном случае миграция меняет возрастной состав населения наиболее благоприятным образом, эффективно поддерживая молодую структуру населения. Тем самым, изменяя возрастной

состав, определяется долговременное воздействие на процессы естественного воспроизводства населения.

Продолжающаяся, благодаря механическому движению, концентрация населения в региональном центре, и в ближайшем к нему территориям способствует продолжению процесса поляризации расселения региона и приводит к опустению периферийных районов, дальнейшему социальному и хозяйственному пространственному сжатию освоенной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2015. № 2. С. 66–76.
2. Борисенко М.А. Современные особенности урбанизационных процессов в Алтайском крае // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 40–50.
3. Борисенко М.А., Быков Н.И. География запустения сельской местности Алтайского Края в 1989–2010 гг. // География и природопользование Сибири. 2014. № 17. С. 15–22.
4. Валяев И.А., Вознесенская А.Г. Пространственный анализ поляризации системы сельских населенных пунктов Нечерноземной зоны России // Региональные исследования. 2016. № 1. С. 88–95.
5. Гайнанов Д.А. Трансформация расселения на Урале и в Поволжье после реформы местного самоуправления // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 64–76.
6. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001. 558 с.
7. Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского севера в 1990–2010-е гг. // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 44–55.

8. *Житин Д.В.* Пространственная неоднородность миграционного движения населения России в 1991–2010 годах // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. Геол., Географ., 2012. № 4. С. 135–145.
9. *Зубаревич Н.В.* Концентрация населения и экономики в столицах постсоветских стран // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 4–15.
10. *Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 3. С. 26–38.
11. *Казьмин М.А., Чернышева Е.А.* Современная динамика сельского расселения Европейской России // Региональные исследования. 2006. № 4. С. 65–77.
12. *Карачурина Л.Б.* Динамика населения центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Известия РАН. Сер. геогр. 2018. № 4. С. 7–21.
13. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
14. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 209–233.
15. *Корель И.И., Корель Л.В.* Современные контрасты межрегиональной миграции в России // Регион: Экономика и Социология. 2014. № 2 (82). С. 137–154.
16. *Кротова О.Г., Попкова Л.И.* Территориальная дифференциация миграционной подвижности населения Курской Области // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Геогр., Геоэкол. 2014. № 2. С. 8–16.
17. *Манаков А.Г., Дементьев В.С.* Динамика сельского расселения Псковской области в 1959–2010 гг. // Региональные исследования. 2017. № 1. С. 55–63.
18. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 5. С. 77–85.
19. Между домом ... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
20. *Миронова Ю.Г.* Региональные особенности современных миграционных процессов в Астраханской Области // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 321–327.
21. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19–32.
22. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1 (137). С. 225–242.
23. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М: URSS, 2013. 452 с.
24. *Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В.* Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 5. С. 58–67.
25. *Нефедова Т.Г., Слепухина И.Л., Браде И.* Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 27–38.
26. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
27. *Новиков К.Е.* Миграционные настроения во Владимирской Области в контексте проблем российской урбанизации // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 72–89.
28. *Сукнёва С.А., Трубина А.В.* Внутрирегиональная сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32. С. 139–144.
29. *Фомкина А.А.* Трансформация сельских систем расселения в Староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 5. С. 68–75.
30. *Чернышев К.А.* Миграции населения депрессивного региона // Народонаселение. 2016. № 1-1 (71-1). С. 52–63.
31. *Эндрюшко А.А.* Масштабы и направления миграции молодежи Иркутской Области (1989–2015 гг.) // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 32–43.
32. Ежегодник «Республика Татарстан». URL: <http://tatstat.gks.ru/>
33. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst92/DBInet.cgi>
34. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017 686 с.
35. *Fielding, A.J.* Migration and urbanization in Western Europe since 1950 // The Geographical Journal. 1989. Vol. 155, № 1. P. 60–69.
36. *Geyer H.S., Kontuly T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. 1993. Vol. 15. P. 157–177 since 1950 // The Geographical J. 1989. Vol. 155. P. 60–69.
37. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 39. № 2. P. 119–129.
38. *Karachurina L., Mkrtychyan N.* Age-specific net migration patterns in the municipal formations of Russia // GeoJournal. 2016. Vol. 83, № 1. P. 119–136.

Об авторах

Егоров Дмитрий Олегович – старший преподаватель кафедры географии и картографии Казанского федерального университета, г. Казань.

Николаев Роман Сергеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

Для цитирования:

Егоров Д.О., Николаев Р.С. Роль миграции в усилении поляризации расселения Республики Татарстан // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 86–98.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-8.

Migrations role in polarizing of settlement pattern in the Republic of Tatarstan

D. O. Egorov¹*, R. S. Nikolaev²

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

² Perm State University, Perm, Russia

* e-mail: dmitriy.m.egorov@mail.ru

The migration balance in cities and rural areas of Tatarstan municipal districts is analyzed in relation to its role in polarization processes and population concentration. External and intraregional flows of mechanical movement in the region were assessed. The results showed that being among the subjects with positive migration growth, the heterogeneity in the direction and intensity of population movement is quite high. The dependence of the relative magnitude of migrations on approaching the regional center and large cities from the periphery for rural areas and, to a lesser extent, for cities is shown. Only neighborhoods of the first order retain a positive inflow of population for rural areas. Along with this, the highest growth rate for small towns located in the hourly accessibility to Kazan which speaks about suburbanization. The prevalent participation of young people in the mechanical movements is established in the work which leads to further deterioration of the demographic situation in the outflow territory.

Key words: migration, urbanization, polarization and population concentration, center, periphery, settlement system.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 913:324

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В 2003–2018 ГОДАХ

© 2019 г. М. И. Кришталь

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
e-mail: MKrishtal@kantiana.ru

В исследовании анализируется география голосования в Калининградской области на внутрирегиональном уровне в период 2003–2018 гг. В качестве теоретической основы исследования выступает социологический подход, согласно которому на специфику голосования оказывает влияние социальная дифференциация. В рамках данного подхода изучалась взаимосвязь между электоральными и социально-экономическими особенностями в муниципальных образованиях региона. Электоральные особенности выявлялись посредством расчётов коэффициентов лояльности и проведённой иерархической кластеризации. В результате сформированы группы муниципальных образований согласно сложившимся в них особенностям голосования. Выявлено, что ключевую роль в электоральном размежевании в регионе играют социально-экономические факторы: уровень урбанизации, степень экономического развития и особенности социальной структуры. В наиболее социально-экономически развитых муниципалитетах фиксируется самый низкий уровень поддержки сил, представляющих власть. На периферии региона – ситуация противоположная. Обнаружено, что основные сегменты политической системы обладают устойчивой географией голосования, что позволяет говорить о стабильности электоральных предпочтений в Калининградской области.

Ключевые слова: Калининградская область, электоральная география, выборы, политические партии, голосование, электоральное поведение.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-9

Введение и постановка проблемы. Итоги выборов позволяют не только выявить расстановку политических сил, но и обнаружить контрасты электоральных предпочтений жителей, отражающие наличие социальных расколов между территориальными общностями.

Особенности электорального поведения и политической идентичности демонстрируют уровень доверия к власти и степень её легитимности. Также электоральное поведение можно рассматривать в качестве регулятора политической деятельности. Поэтому выявление его особенностей позволяет оценить общественные риски и сделать прогнозы относительно будущей социально-политической и электоральной ситуации.

Цель статьи – анализ географии голосования в Калининградской области на внутрирегиональном уровне в период с 2003 по 2018 г.

Данный субъект Российской Федерации стабильно с 1990-х гг. входит в список регионов с самыми высокими значениями уровня развитости демократии [1, 8, 10]. Важнейшими критериями расчётов при составлении рейтингов были степень участия в выборах, уровень конкуренции на них, степень авторитарности властей и т.д. Поэтому использованные в ходе электорального анализа данные можно рассматривать как в целом отражающие действительность.

В современной российской политической науке при изучении электорального поведения россиян наибольшее распространение получил социологический подход [3], согласно которого на специфику голосования влияет социальная дифференциация населения.

В рамках социологического подхода в статье проводится сравнительный анализ

между электоральной спецификой муниципальных образований Калининградской области и сложившимися в них социально-экономическими особенностями, и уровнем урбанизации.

В статье применена распространённая в электоральных исследованиях модель «центр-периферия» [3, 13, 14]. Она рассматривает социальный процесс в его территориальной динамике, отслеживая возникновение и распространение инноваций. На этой основе создаётся представление о поляризации пространства, предполагающее выделение генерирующих инновации центров и периферий, осваивающих или отторгающих их [11]. Инновациями в реалиях электоральной географии России является поддержка на выборах сил, настроенных на изменение сложившихся экономических или политических отношений.

Материалы и методы исследования. Географическая выборка исследования включает муниципальные образования Калининградской области. Статистические данные для анализа взяты с официального сайта Центральной избирательной комиссии РФ.

Хронологические рамки исследования включают период 2003–2018 гг. Выбор такого временного периода обусловлен тем, что в избирательной кампании 2003 г. впервые участвовала партия «Единая Россия», ставшая впоследствии доминирующей. Согласно классификации Д. Сартори [15] под такой партией понимается участник выборов, победивший в не менее чем в трёх подряд избирательных кампаниях.

Лонгитюдность исследования (объектом изучения стал 15-летний период новейшей электоральной истории) отличает данную работу от большинства аналогичных электоральных исследований, которые обычно являются ситуационными. Для электорального анализа используются данные о результатах федеральных выборов, прошедших в этот период.

При анализе электоральной специфики по примеру других исследований [2, 5] применяется выделение нескольких групп релевантных сил, представляющих различные идеологические сегменты (в скобках указаны годы участия в выборах):

– Силы, представляющие власть: «Единая Россия» (2003, 2007, 2011 и 2016 гг.), В.В. Путин (2004, 2012 и 2018 гг.), Д.А. Медведев (2008 г.).

– КПРФ (2003, 2007, 2011 и 2016 гг.) и её кандидаты на пост Президента РФ (Н.М. Харитонов (2004 г.), Г.А. Зюганов (2008 и 2012 гг.) и П.Н. Грудинин (2018 г.)).

– ЛДПР (2003, 2007, 2011 и 2016 гг.) и представлявшие партию на президентских выборах кандидаты (О.А. Малышкин (2004 г.) и В.В. Жириновский (2008, 2012 и 2018 гг.)).

– Либералы: «Яблоко» (2003, 2007, 2011 и 2016 гг.), СПС (2003 и 2007 гг.), «Партия Роста» (2016 г.), И.М. Хакамада (2004 г.), М.Д. Прохоров (2012 г.), Б.Ю. Титов (2018 г.), К.А. Собчак (2018 г.) и Г.А. Явлинский (2018 г.).

В исследовании были использованы количественные методы. Устойчивость географии голосования за участников выборов произведена при помощи вычисления коэффициентов корреляции Пирсона (r). В работе определена линейная корреляция между итогами голосования за участников выборов, представляющих один и тот же идеологический сегмент в двух избирательных кампаниях подряд. Корреляционные ряды выстроены в соответствии с административно-территориальным делением Калининградской области. При расчётах учитывалось, что показатель уровня значимости (p) не должен превышать 0,05.

Различия электоральных особенностей между муниципальными образованиями фиксировались с помощью расчёта коэффициента лояльности (КЛ). Он является отношением процента голосов за участника(ов), представляющего(их) отдельный идеологический сегмент, в муниципальном образовании к среднему значению среди всех муниципальных образований. Далее рассчитывались среднеарифметические значения полученных показателей КЛ за весь период исследования. На основании среднеарифметических значений выделялось три уровня электоральной поддержки по шкале, построенной логическим путём: высокий (среднее значение выше 105%), средний (среднее значение составляет от 95% до 105%), низкий (среднее значение ниже 95%).

Затем посредством иерархической кластеризации (применялся метод ближайшего соседства) формировались группы муниципальных образований согласно сложившейся в них электоральной специфике. Перемен-

Таблица 1. Кластеризация муниципальных образований Калининградской области согласно социально-экономическим характеристикам и уровню урбанизации

Доля горожан / социально-экономическая ситуация	Ядро	Полупериферия	Приграничная периферия
Преобладают горожане	Калининград, Балтийский, Пионерский, Светловский Светлогорский	Гусевский, Советский, Черняховский	–
Смешанный состав	Зеленоградский	Гвардейский, Полесский	Неманский, Правдинский
Преобладают сельяне	Гурьевский	Багратионовский	Краснознаменский, Нестеровский, Озёрский, Славский

ными, используемыми в ходе кластерного анализа, были средние значения КЛ всех сегментов политической системы в муниципальных образованиях. Обработка статистических данных производилась с помощью программного продукта SPSS.

Интерпретация полученных результатов проводилась путём сопоставления полученных электоральных типов муниципальных образований с их социально-экономическими особенностями (данные о числе лиц с высшим образованием на 1000 жителей старше 16 лет, об уровне безработицы и о среднемесячной заработной плате), а также с уровнем урбанизации.

Электоральная специфика в Ладушкинском, Мамоновском и Янтарном городских округах (ГО) не фиксировалась, так как в них как в отдельных муниципальных образованиях прошло только четыре избирательные кампании федерального уровня.

Группировка муниципальных образований согласно уровню урбанизации и социально-экономическим характеристикам отражают существенные территориальные диспропорции развития Калининградской области. В случае наличия связи между этими характеристиками и электоральными показателями такие же диспропорции должны проследиваться и на электоральной карте региона.

Согласно новейшей социально-экономической группировке [7], выделяются муниципалитеты, относящиеся к:

– «Калининградской городской агломерации» и «приморским территориям» («ядро») (наиболее активно развивающаяся в социально-экономическом плане территория);

– «полупериферии», включая Советский ГО со схожими социально-экономическими

показателями, (низкие характеристики социально-экономического развития);

– «приграничной периферии» (наиболее тяжёлая социально-экономическая ситуация).

Согласно уровню урбанизации, выделяются муниципалитеты с преобладающей и подавляющей долей городского населения (от 75% до 100%), со смешанным населением (доля горожан от 45% до 60%) и с преобладающим сельским населением (доля горожан менее 40%).

Кластеризация муниципальных образований Калининградской области согласно социально-экономическим характеристикам и уровню урбанизации проведена вручную автором (табл. 1). Муниципалитеты, образующие ядро, компактно располагаются на западе региона. Полупериферия – преимущественно в центре Калининградской области, периферия – вдоль границы региона с Польшей и Литвой.

Расчёты устойчивости электоральной поддержки демонстрируют, что к 2018 г. в регионе сложилась довольно стабильная география голосования за основные идеологические сегменты политической системы (табл. 2). Результаты голосования в муниципальных образованиях в ходе каждой избирательной кампании обладают высокой положительной корреляцией с аналогичными показателями предшествующих выборов.

Выбивается из общего списка корреляция результатов голосования 2016 и 2018 гг. за КППФ. Связано это, вероятно, с тем, что в 2018 г. партию вместо привычного лидера Г.А. Зюганова представлял менее знакомый «ядерному» электорату КППФ П.Н. Грудинин. Причём в ряде районов, где ранее коммунисты были непопулярны, он набрал

Таблица 2. Устойчивость географии голосования за участников выборов от различных идеологических сегментов

Идеологический сегмент	2003–2004 г.	2004–2007 г.	2007–2008 г.	2008–2011 г.	2011–2012 г.	2012–2016 г.	2016–2018 г.
Власть	г=0,89	г=0,81	г=0,93	г=0,69	г=0,79	г=0,58	г=0,42
КПРФ	г=0,74	г=0,49	г=0,8	г=0,75	г=0,87	г=0,82	г=0,39
ЛДПР	Отсутствует	Отсутствует	г=0,59	г=0,7	г=0,82	г=0,58	г=0,75
Либералы	г=0,96	г=0,97	н.д.	г=0,94	г=0,93	г=0,92	г=0,93

более высокий процент поддержки. Данное изменение связано с эффектом друзей и соседей, суть которого в том, что кандидат получает дополнительные голоса в районах, с которыми связана его трудовая деятельность [12]. Поэтому П.Н. Грудинин, являясь директором Совхоза имени В.И. Ленина, получил высокий уровень поддержки в районах, где консолидируются крупные аграрные хозяйства региона [6].

Корреляция результатов голосования 2016 и 2018 гг. за «Единую Россию» и В.В. Путина также демонстрирует относительно невысокий уровень взаимосвязи. Связано это с тем, что электоральная поддержка действующего главы в регионе в 2018 г. достигла высокого уровня территориальной однородности [6].

При анализе устойчивости географии электоральной поддержки либералов пропущен 2008 г., поскольку данный идеологический сегмент на выборах того года фактически не был представлен. Поэтому была проведена корреляция результатов голосования за либералов за 2007 и 2011 гг. Расчёты коэффициентов корреляции между результатами голосования за либералов в регионе показывают, что география их электоральной поддержки со временем фактически не меняется.

Зафиксированная устойчивость географии голосования всех идеологических сегментов является необходимым основанием, позволяющим выявить территориальные различия электорального поведения.

Расчёты коэффициента лояльности продемонстрировали существенные электоральные различия на внутрорегиональном уровне (табл. 3). Во всех без исключения муниципалитетах приграничной периферии фиксируется высокий уровень поддержки сил, представляющих власть. К ним примыкают Гурьевский район с преобладающим

сельским населением и Советский ГО, относящийся к полупериферии, но географически окружённый муниципальными образованиями приграничной периферии.

В случае с географией голосования за КПРФ ситуация фактически обратная. Максимальная поддержка КПРФ фиксируется в преимущественно урбанизированных районах региона (кроме Балтийского ГО – в нём зафиксирован в единственном числе средний уровень и Советского ГО – низкий уровень, близкий к среднему). К этой группе муниципалитетов примыкает Гвардейский ГО, относящийся полупериферии, и, в котором проживает смешанное население.

Наиболее высокий уровень поддержки ЛДПР зафиксирован в Балтийском ГО (урбанизированное ядро) и Нестеровском районе (сельская периферия). Такой показатель в этих муниципалитетах, вероятно, связан с высокой долей военных в них, являющихся традиционным электоратом партии [3]. В Балтийске базируется база ВМФ России, в малонаселённом Нестеровском районе проживает значительное количество пограничников. Также в эту группу входят муниципальные образования с разными социально-экономическими характеристиками: Озёрский район (сельская периферия), Правдинский район (периферия со смешанным населением) и Светловский ГО (урбанизированное ядро). Эти муниципалитеты формируют два географических района региона: юго-восточное пограничье (Нестеровский, Озёрский и Правдинский районы) и территорию с базой ВМФ (Балтийский ГО), а также прилегающий к ней Светловский ГО.

Географическая специфика голосования за либералов полностью вписывается в социально-экономическую модель «центр-периферия». Во всех муниципальных обра-

Таблица 3. Коэффициенты лояльности участников выборов в муниципальных образованиях Калининградской области (%)

Муниципальное образование	Силы, представляющие власть	КПРФ	ЛДПР	Либералы
<i>«ядро» с преобладающим городским населением</i>				
Калининград	78,5	131	89,6	229,9
Балтийский	91,0	102,1	125,4	118,7
Пионерский	90,3	121,5	92,2	132,5
Светловский	87,4	107,8	109,0	141,0
Светлогорский	90,2	117,5	92,9	160,9
<i>«ядро» со смешанным населением</i>				
Зеленоградский	101,5	93,1	93,3	124,6
<i>«ядро» с преобладающим сельским населением</i>				
Гурьевский	107,1	79,8	85,3	121,4
<i>«полупериферия» с преобладающим городским населением</i>				
Гусевский	98,5	112,6	101,9	86,2
Советский	107,2	95,4	80,7	89,5
Черняховский	93,5	118,6	101,5	86,0
<i>«полупериферия» со смешанным населением</i>				
Гвардейский	96,2	107,8	98,8	89,8
Полесский	101,3	93,4	104,4	80,7
<i>«полупериферия» с преобладающим сельским населением</i>				
Багратионовский	102,9	89,6	101,8	82,4
<i>«приграничная периферия» со смешанным населением</i>				
Неманский	110,1	92,7	99,1	63,2
Правдинский	105,9	93,4	108,6	64,3
<i>«приграничная периферия» с преобладающим сельским населением</i>				
Краснознаменский	104,7	95,4	101,4	56,0
Нестеровский	105,9	77,2	130,5	60,5
Озёрский	109,9	85,2	106,5	52,1
Славский	105,2	84,6	100,4	57,0

зованиях, относящихся к ядру, независимо от уровня урбанизации зафиксирован высокий уровень электоральной поддержки либеральных сил. Причём в этой группе выделяется областной центр, где поддержка более чем в два раза превышает среднерегиональную (табл. 3).

Посредством иерархической кластеризации произведена типология муниципальных образований согласно электоральной специфике. Ряд типов формируют пары или группы муниципальных образований:

1) Для **прибрежной зоны** (Пионерский ГО, Светловский ГО, Балтийский район и Светлогорский район), входящей наряду с Калининградом в урбанизированное ядро, характерен относительно низкий уровень поддержки сил, представляющих власть (около 90% от среднего показателя по региону), высокий уровень поддержки либералов и КПРФ (кроме Балтийского ГО). Электоральная поддержка ЛДПР несколько различается

среди данных муниципальных образований. В Светловском ГО и особенно в Балтийском районе фиксируется высокий уровень голосования за эту ЛДПР, что во многом связано со значительной долей военных (традиционного электората партии [3]) в последнем. В Пионерском ГО и Светлогорском районе фиксируется слабая поддержка ЛДПР (около 92% от среднего значения по региону).

2) Электоральной особенностью **центральных территорий** (Гвардейский, Гусевский и Черняховский районы) является относительно высокая степень поддержки КПРФ, средний уровень поддержки ЛДПР, сил, представляющих власть, а также низкая поддержка либералов. Эти районы обладают и схожей социально-экономической спецификой: низкие показатели демографического и социально-экономического развития [7].

3) Для **крупных районов, прилегающих к областному центру** (Гурьевский и Зеленоградский районы) характерны высокая

степень поддержки либералов и низкий уровень поддержки ЛДПР и КПрФ. Электоральная поддержка сил, представляющих власть, балансирует на уровне среднего/высокого показателя. Социально-экономические особенности районов схожи: высокий по региональным меркам уровень социально-экономического и демографического развития [7], а также отсутствие преобладания городских жителей.

4) *Периферийным районам* (Краснознаменский, Неманский, Озёрский, Правдинский и Славский районы) свойственен высокий уровень поддержки сил, представляющих власть, а также низкий и крайне низкий уровень поддержки КПрФ и либералов соответственно. Электоральная поддержка ЛДПР балансирует на уровне среднего/высокого показателя. Районы являются по своему социальному составу сельскими, поэтому им присущ характерный для сельской местности низкий уровень протестности [4], а также конформизм голосования [9]. Поэтому, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию в этих районах, неготовность к переменам мотивирует голосовать за силы, представляющие власть.

Таким образом, все пары и группы муниципалитетов с общей электоральной спецификой обладают также схожими социально-экономическими характеристиками. Эти пары и группы вписываются в модель «центр-периферия». Прибрежная зона, где фиксируется низкий уровень поддержки провластных сил, относится к центру. Периферийные районы, где, напротив, наиболее сильны конформистские настроения на выборах, относятся, согласно этой модели, к периферии. Центральные территории и крупные районы, прилегающие к центру, объединяет средний уровень поддержки сил, представляющих власть. Поэтому их можно определить как полупериферию, осваивающую инновации. В случае с центральными территориями под ними понимается поддержка КПрФ. В случае с крупными районами, прилегающими к центру – более высокий уровень поддержки либералов.

Кроме того, выделяются муниципальные образования, которые в единственном числе относятся к отдельному электоральному типу:

1) В *областном центре* фиксируется максимальный уровень поддержки КПрФ и либералов, минимальная электоральная под-

держка сил, представляющих власть, а также низкий уровень голосования за ЛДПР. Подобная специфика характерна и для других региональных центров России [3]. Выделим несколько факторов такой электоральной специфики. Во-первых, у оппозиции отсутствуют широкие возможности для активной агитации, поэтому основной упор делается на работе с электоратом, находящимся в территориальной доступности к региональным отделениям (избирателями областных центров). Во-вторых, это связано с социально-экономическими факторами. Так, подчёркивается [4], что более высокий уровень протестного голосования в областных центрах связан со слабостью патриархальных традиций вследствие длительности процессов урбанизации, а также с проживанием в них значительной части «белых воротничков» и среднего класса, формирующих запрос на институциональную модернизацию. В-третьих, отметим, что в крупных городах более развита конкуренция среди СМИ, способствующая росту конкуренции между политическими силами.

2) В *районе наибольшей поддержки ЛДПР* (Нестеровский район) на протяжении всего электорального периода фиксируется самый высокий уровень голосования за ЛДПР (около 130,5% от средней поддержки по региону). Данный факт, скорее всего, связан с наличием в малонаселённом муниципалитете высокой доли представителей силовых структур (пограничников), голосующих за эту политическую силу. Поддержка либералов и КПрФ минимальна, голосование за силы, представляющие власть, на уровне чуть выше среднего (около 105% от среднего по региону результата).

3) В *районе наибольшей поддержки сил, представляющих власть* (Советский ГО), фиксируется один из самых высоких уровней голосования «Единой России», Д.А. Медведева и В.В. Путина, а также низкая степень поддержки остальных политических сил. Подобная аномалия, вероятно, связана с техническими причинами. К примеру, в 2018 г. Советский городской суд отменил результаты выборов на двух участках, находящихся на территории муниципального образования. Поэтому есть основания считать, что имеют место существенные нарушения на выборах именно в этом муниципалитете региона.

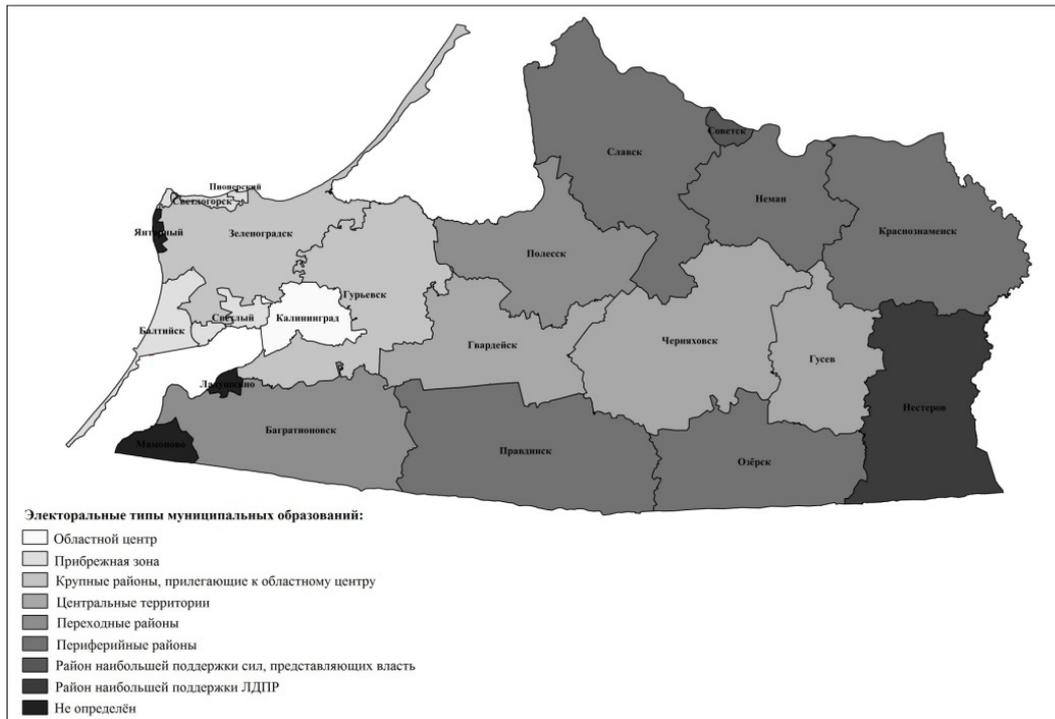

Рис. 1. Электоральные типы муниципальных образований Калининградской области

Таким образом, можно констатировать, что Калининград является территорией, на которой наиболее явно прослеживаются электоральные черты, присущие центру. Он является своего рода ядром, вокруг которого группируются остальные территории, генерирующие инновации. Нестеровский район и Советский ГО, напротив, относятся к периферии (в силу высокого уровня поддержки провластных сил), несмотря на некоторые присущие только им электоральные особенности.

Также выявлены *переходные районы* (Багратионовский и Полесский районы), в них ни один из политических сегментов не обладает стабильно высоким уровнем электоральной поддержки: фиксируется средний уровень поддержки ЛДПР и сил, представляющих власть, а также низкий уровень голосования за КПРФ и либералов. Эти районы также объединяет то, что они, согласно социально-экономическому развитию, являются частью полупериферии.

Опираясь на созданную типологию, посредством программы QGIS автором построена электоральная карта Калининградской области (рис. 1).

Анализ территориальных особенностей электоральных предпочтений жителей Калининградской области позволяет сделать следующие **выводы**:

– В Калининградской области выявлено наличие двух основных электоральных размежеваний: «власть – коммунисты» и «власть – либералы». На специфику географии этих размежеваний влияют социально-экономические факторы. В основе территориальной составляющей первого размежевания лежат факторы социально-экономического развития муниципальных образований и в значительной степени уровень урбанизации. В более развитых и урбанизированных муниципалитетах уровень поддержки коммунистов выше. Основой второго размежевания является исключительно уровень социально-экономического развития муниципалитетов. В муниципальных образованиях, формирующих социально-экономическое ядро региона, фиксируется высокий уровень поддержки либералов, в полупериферийных и периферийных – низкий.

– География голосования за ЛДПР не является частью какого-либо электорального размежевания. Она в целом обособлена

от географии электоральной поддержки других политических сил. При этом на специфику территориального распределения электоральной поддержки ЛДПР также влияют социальные факторы. Это проявляется в том, что максимальная поддержка этой политической силы в регионе фиксируется в муниципалитетах с наиболее высокой долей военных.

– Несмотря на существенные изменения, происходившие в партийной системе России в исследуемый период, у всех

групп участников выборов сформировалась в различной мере устойчивая география электоральной поддержки. Однако персоналистский фактор (появление новых политиков) может дестабилизировать устоявшуюся динамику. Пример тому – география голосования за нового кандидата от КПРФ (П.Н. Грудина) в регионе, заметно отличающаяся от относительно стабильной географии электоральной поддержки КПРФ и Г.А. Зюганова в прошлые годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайворонский Ю.О.* Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // *Полития*. 2015. № 2. С. 21–37.
2. *Гельман В.Я., Сенатова О.О.* Политические партии в регионах России: динамика и тенденции // *Власть*. 1995. № 5. С. 39–48.
3. *Гришин Н.В.* Динамика электоральных предпочтений населения Юга России: Сравнительное исследование. М.: Изд-во «Соц.-полит. мысль», 2008. 182 с.
4. *Зубаревич Н.В.* Социальная дифференциация регионов и городов // *Pro et Contra*. 2012. № 4–5. С. 135–152.
5. *Коргунок Ю.Г.* Псевдодоминантная партийная система и предпочтения российских избирателей // *Полития*. 2009. № 4. С. 103–142.
6. *Кришталь М.И.* География голосования в Калининградской области на президентских выборах 2018 г. // *Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманит. и обществ. науки*. 2018. № 4. С. 75–82.
7. *Кузнецова Т.Ю.* Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // *Вестн. Балт. фед. ун-та им. И. Канта. Сер.: Естеств. и мед. науки*. 2016. № 1. С. 15–27.
8. *Кынев А.В.* Качество региональных политических институтов: попытка измерения // *Политическая наука*. 2017. № 4. С. 259–283.
9. *Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н.* Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М., 2015. 372 с.
10. *Титков А.С.* Индекс демократии для регионов России: динамика 1990-х – 2010-х годов // *Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология*. 2016. № 2. С. 81–104.
11. *Туровский Р.Ф.* Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // *Полития*. 2016. № 1. С. 162–180.
12. *Туровский Р.Ф.* Региональное измерение электорального процесса: концептуальные основы исследований // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. С. 5–19.
13. *Туровский Р.Ф.* Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного сравнительного анализа // *Полития*. 2004. № 1. С. 198–232.
14. *Туровский Р.Ф.* Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития*. 2012. № 3. С. 100–120.
15. *Sartori G.* Parties and Party systems: A framework for analysis. Cambridge et al., 1976. 368 p.

Об авторе

Кришталь Михаил Игоревич – кандидат географических наук, научный сотрудник Социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград.

Для цитирования:

Кришталь М.И. Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003–2018 годах // *Региональные исследования*. 2019. № 1. С. 99–107. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-9.

Electoral preferences within the Kaliningrad oblast in 2003–2018

M. I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

e-mail: MKrishtal@kantiana.ru

The study analyzes the geography of voting in the Kaliningrad region at the intra-regional level in the period 2003–2018. The sociological approach, according to which social differentiation influences the specifics of voting, is the theoretical basis of the study. In the framework of this approach, the relationship

between electoral and socio-economic characteristics in the municipalities of the region was studied. Electoral features were revealed through the calculation of loyalty coefficients and the conducted hierarchical clustering. As a result, groups of municipal formations were formed in accordance with the peculiarities of voting established in them. It has been revealed that socio-economic factors play a key role in electoral disengagement in the region: the level of urbanization, the degree of economic development and the characteristics of the social structure. In the most socio-economically developed municipalities, the lowest level of support for the forces representing the government is recorded. On the periphery of the region – the opposite situation. It has been found that the main segments of the political system have a stable voting geography, which suggests that electoral preferences are stable in the Kaliningrad region.

Key words: Kaliningrad region, electoral geography, elections, political parties, voting, electoral behavior.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 504.06:353.2

КОНЦЕПЦИЯ СХЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

© 2019 г. И. В. Гладун^{1*}, Г. А. Волосникова¹, П. И. Гладун²

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

* e-mail: igor-gladun@yandex.ru

Предложена концепция реформирования территориальной схемы обращения с твердыми бытовыми отходами (ТКО) в Хабаровском крае, основанная на использовании кластерного подхода и позволяющая минимизировать экологические последствия за счет вовлечения отходов в хозяйственный оборот в качестве вторичных ресурсов для развивающихся в крае территориально-производственных комплексов. Разделение муниципальных образований края на кластеры с выделением зон прямой транспортировки, перегруза и локальной утилизации ТКО дает возможность дифференцированного подхода к организации управления отходами. Объективным решением проблемы обращения с ТКО в труднодоступных малонаселенных районах края является обустройство пунктов сортировки отходов и накопления вторичных материальных ресурсов. Предложенные мероприятия могут быть положены в основу комплексной корректировки территориальной схемы обращения с отходами для сбалансированного пространственного развития края.

Ключевые слова: региональная концепция, твердые коммунальные отходы, стратегическое территориальное планирование, территориальная схема обращения с отходами.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-10

Введение и постановка проблемы. Необходимость системного подхода к решению проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) на уровне регионов очевидна. Региональные концепции управления отходами должны не только отражать современные организационные, экономические и социальные подходы, но и учитывать специфические особенности территорий, существующее состояние отрасли обращения с отходами. Территориальная схема (Терсхема) обращения с ТКО на региональном уровне как документ стратегического планирования, основывается на государственных экологических программах, разработанных с учетом прогнозов социально-экономического развития региона и состояния окружающей среды. Проектные решения, заложенные в Терсхему, служат

основой для корректировки генеральных схем санитарной очистки муниципальных образований. Попытки решения проблемы ТКО на уровне населенных пунктов с небольшой численностью населения и проблемами транспортной инфраструктуры требуют значительных финансовых затрат. Строительство полигонов размещения ТКО при численности обслуживаемого населения менее 160 тыс. человек экономически нецелесообразно [2]. Для повышения экономической и экологической эффективности Терсхемы необходимо создание крупных объектов обращения с ТКО и оптимальной системы транспортировки отходов [4].

Правительством Хабаровского края утверждена Терсхема, определяющая стратегию развития региональной системы обращения с ТКО [15]. Проект Терсхемы,

направленный на государственную экологическую экспертизу, получил отрицательное заключение по причине несоответствия иерархии планируемых методов обращения с ТКО государственными требованиями: построение локальных подсистем в труднодоступных и малонаселенных поселениях края основывалось на сжигании несортированных отходов в инсинераторах. На другой недостаток проекта Терсхемы указано в заключении Общественной палаты РФ: Терсхема не учитывала федеральные и региональные документы стратегического планирования, в частности, не исходила из достижения целевого показателя «доля использованных и обезвреженных ТКО в общем объеме образованных твердых отходов». В основу построения Терсхемы положен территориальный принцип создания объектов размещения отходов, основанный на муниципальных схемах санитарной очистки.

Цель исследования – обоснование корректировки концепции управления ТКО в Хабаровском крае с учетом приоритетного развития территориально-производственных комплексов. Для достижения поставленной цели проанализирована утвержденная правительством края Терсхема обращения с отходами; изучен опыт разработки и внедрения территориальных схем в других регионах РФ; выполнен прогноз изменения объемов образования ТКО исходя из стратегии развития Хабаровского края.

В качестве метода исследования использован нормативно-правовой и структурно-функциональный анализ утвержденной Терсхемы и документов стратегического планирования Хабаровского края, действующих нормативно-правовых актов РФ, регулирующих сферу управления ТКО. Теоретической и методической основой работы явились результаты исследований отечественных и зарубежных авторов по вопросам создания систем управления отходами на межмуниципальном уровне, а также методологические принципы формирования схем обращения с ТКО в регионах, характеризующихся наличием труднодоступных и малонаселенных муниципальных образований. При корректировке Терсхемы исходили из анализа территориальной политики, предусматривающей приоритетное развитие промышленных комплексов и транспортных узлов [5].

Научная новизна полученных результатов заключается в разработке концепции региональной системы обращения с ТКО в Хабаровском крае, основанной на кластерном подходе к организации территориально-производственных комплексов. В целях обеспечения максимально эффективного использования ресурсного потенциала территории учтены специфические особенности Хабаровского края, обосновано создание территориальной схемы размещения объектов по обращению с отходами на основе алгоритма разработки региональной концепции, предложенного Г.В. Ильиных с соавторами [4].

Обзор ранее выполненных исследований и методика исследования. Вследствие неоднородных природно-климатических и социально-экономических условий инвестиционная привлекательность создания производственных комплексов по обращению с ТКО существенно различается между регионами РФ. В Дальневосточном федеральном округе на инвестиции в основной капитал влияют сложная демографическая ситуация, малая плотность населения, суровые природно-климатические условия, неудовлетворительное состояние дорожной сети [5].

Территориальная политика создания инфраструктуры обращения с ТКО исходит из:

- зонирования территории региона с учетом административно-территориального деления;
- межмуниципального зонирования территории на кластеры;
- выделения технологических зон –территорий образования ТКО, перемещение которых целесообразно осуществлять на один межмуниципальный объект;
- зонирования (сегментирования) территории исходя из усредненного тарифа на обращение с ТКО.

Согласно алгоритму, предложенному в [4], первым этапом разработки Терсхемы является сбор информации о специфике региона, что позволяет определить основные элементы системы. Следующим шагом является разработка оптимальной модели размещения объектов инфраструктуры. Комплексная региональная модель состоит из оптимального количества кластеров, представляющих собой закрытую комплексную систему обращения с отходами от операции сбора до конечного размещения. Затем определяются базовые объекты, вокруг которых формиру-

ется каждый кластер, – полигоны по размещению ТКО, с последующим дооснащением их вспомогательными объектами – сортировочными и перегрузочными мощностями, формируемыми с учетом транспортной логистики и существующей системы сбора отходов. При выборе мест размещения объектов учитываются физико-географические условия и уровень хозяйственной освоенности территории [1]. Там, где поток отходов невелик, используется сеть приемных пунктов для изъятия опасных отходов и получения качественного вторичного сырья. При достаточном объеме образования отходов внедряется селективный сбор, определяются экономически обоснованные варианты технологии утилизации отходов, оценивается перспективность имеющихся объектов обращения с ТКО по эколого-экономическим критериям. Показателем эффективности разработанной модели является возможность ее реализации при заданном уровне платы за комплексную услугу по обращению с ТКО.

В современных условиях большое внимание уделяется вовлечению отходов в хозяйственный оборот и достижению нулевого уровня захоронения. Основными проблемами утилизации отходов являются сложность организации процесса разделения мусорного потока на составляющие и отсутствие рынка сбыта извлеченных компонентов [2, 6]. Минимизация платежей за услуги ЖКХ возможна при снижении производственных издержек на переработку ТКО и захоронение балластного остатка. Как показал анализ Республики Беларусь, представленный в Национальной стратегии по обращению с ТКО и вторичными материальными ресурсами (ВМР), в структуре доходов оператора по сбору и переработке ТКО до 90% составляют платежи производителей отходов и поставщиков упаковки товаров, при этом величина тарифов для населения и предприятий значительно возрастает с увеличением доли утилизируемых отходов. При сортировке смешанных ТКО объем извлечения ВМР составляет не более 10–15%, что не покрывает эксплуатационных затрат и приводит к убыточности производства оператора [7].

Для повышения экономической эффективности утилизации отдельных групп отходов необходимо предусмотреть регулирование качества техногенного сырья на входе в технологический процесс сортировки мусо-

ра. По мнению Л.Я. Шубова [7], в России целесообразно организовать схему неполного раздельного сбора ТКО от населения с выделением двух потоков отходов: ВМР и смесь прочих не утилизируемых отходов, с последующей досортировкой вторсырья на мусоросортировочных комплексах. Это позволит увеличить выход ВМР с 4–5% до 20% (при целевом показателе в 12,2% [10]) и повысит рентабельность регионального оператора. Двухфракционный способ сбора муниципальных отходов, образующихся в общественных местах, был реализован в КНР [8].

Рядом исследователей [6, 16] показана прямая корреляция между ростом благосостояния населения и морфологическим составом ТКО. Для стран с высоким доходом на душу населения отмечается возрастание до 31% в ТКО фракции бумаги и картона при одновременном снижении доли органических отходов с 54 до 28%. Принимая во внимание эту тенденцию, можно предположить увеличение объемов сбора населением отдельных фракций ТКО (при условии организации на муниципальном уровне системы сбора по принципу «делим на два») с последующим снижением затрат на досортировку ВМР, что позволит снизить стоимость услуг за сбор, вывоз и переработку ТКО.

Полученные результаты и их обсуждение. Хабаровский край входит в число крупнейших административно-территориальных образований РФ: площадь территории 787,6 тыс. км²; включает 22 городских и 191 сельских поселений, 2 городских округа (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре), 17 муниципальных районов. Регион характеризуется суровыми природно-климатическими и сложными социально-экономическими условиями, неудовлетворительным состоянием дорожной сети. Население края – 1,4 млн чел., средняя плотность населения – 1,7 чел./км². Наиболее плотно заселена южная часть (Бикинский район – 11,8 чел./км²), наименее плотно – северная (Аяно-Майский район – 0,03 чел./км²). Согласно Стратегии развития Хабаровского края к 2030 г. численность населения должна увеличиться до 1,45 млн чел. за счет притока мигрантов [12, 13].

Территориальная политика Хабаровского края предусматривает приоритетное развитие ряда крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), в которых

Таблица 1. Объемы образования отходов в муниципальных районах Хабаровского края и характеристика отрасли обращения с ТКО

Наименование муниципального района (с севера на юг)	Площадь, тыс. км ²	Население, тыс. чел.	Количество поселений	Объем образования ТКО (с учетом юрлиц), тыс. м ³ /год	Наличие объекта размещения отходов, шт.	Наличие объектов обработки и утилизации
Охотский	158,52	6,96	15	12,38	–	–
Аяно-Майский	167,71	2,04	4	4,68	–	–
Тугуро-Чумиканский	96,08	2,08	6	4,77	–	–
Имени П. Осипенко	34,97	3,78	8	6,86	–	–
Николаевский	17,19	30,07	24	83,42	–	–
Ульчский	39,31	16,99	30	42,72	–	–
Верхнебуреинский	63,77	26,29	23	75,97	–	–
Солнечный	31,09	31,79	17	163,69	–	–
Комсомольский (включая г. Комсомольск-на-Амуре)	25,56	390,60	28	998,97	–	+
Амурский	16,72	61,39	32	194,12	–	–
Нанайский	27,8	16,67	19	42,51	–	–
Ванинский	25,91	75,09	19	122,04	–	–
Советско-Гаванский	15,6	40,04	5	140,14	–	–
Хабаровский (включая г. Хабаровск)	30,49	699,37	70	2485,78	1	+
Имени Лазо	32,5	43,28	51	123,65	–	–
Вяземский	4,32	21,51	24	55,41	–	–
Бикинский	2,48	22,8	11	66,69	–	–

проживает до 92% населения: Хабаровского (г. Хабаровск; Хабаровский, Нанайский и Вяземский муниципальные районы), Комсомольского (г. Комсомольск-на-Амуре; Комсомольский, Амурский, Солнечный муниципальные районы), Южного (Бикинский муниципальный район, район им. Лазо) и Ванино-Совгаванского (г. Советская Гавань и п. Ванино с муниципальными районами) [5]. В труднодоступных и малонаселенных муниципальных районах, специализирующихся в основном на добыче и переработке водно-биологических, минеральных и лесных ресурсов (Ульчском, Верхнебуреинском, Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском, Охотском, им. П. Осипенко, Николаевском) проживает около 8% населения, практически отсутствует современная транспортная инфраструктура, что чрезвычайно осложняет транспортирование отходов.

Переработка ТКО в крае развита слабо. На территории края ежегодно образуется 722 тыс. т ТКО [3]. Раздельный сбор ТКО практически отсутствует, вторичное использование отходов составляет 4,9%. Услуги по утилизации и обезвреживанию отходов оказывают более 30 предприятий, расположенные, в основном, в г. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. В крае сложилась типичная для РФ схема управления отходами, ориентированная на санитарную очистку поселений. Единственным занесенным в государственный реестр объектов размещения отходов является межмуниципальный полигон ТКО в районе им. Лазо, мощность которого позволяет решить проблему размещения отходов близлежащих населенных пунктов. В Хабаровске на базе действующей мусороперегрузочной станции (МПС) построен мусоросортировочный комплекс

(МСК). В Комсомольске-на-Амуре функционирует МСК, перерабатывающий до 15% отходов.

В утвержденной Терсхеме предусмотрен вариант рекультивации несанкционированных мест размещения отходов с переоборудованием их в полигоны ТКО и строительства МСК, в удаленных населенных пунктах планируется сжигание ТКО. Характеристика муниципальных районов края с точки зрения развития отрасли обращения с ТКО представлена в таблице 1. При этом 75,4% краевого объема ТКО приходится на Комсомольский и Хабаровский муниципальные районы (вместе с гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре).

Одним из базовых показателей, определяющих кластер при формировании Терсхемы, является норматив образования ТКО. В Стратегии развития Хабаровского края к 2030 г. планируется увеличение объемов образования ТКО с 390 до 535 тыс. т/год [13]. При обосновании концепции Терсхемы целесообразно исходить из прогнозного показателя годового образования ТКО на уровне 320–380 кг/чел. При выборе величины показателя учтены прогнозные данные Комплексной стратегии обращения с ТКО в РФ (400 кг/год) и величина образования ТКО в Республике Беларусь (320–380 кг/год). Согласно данным, приведенным в [6, 11], прогнозируемое душевое образование ТКО к 2025 г. для группы стран Восточной Европы, к которым относится Россия, составит 1,5 кг/день (в настоящее время 1,1 кг/день). В обзоре Dong Qing Zhang с соавторами показано, что в Китае образование ТКО увеличилось с 0,50 кг/сут. на человека в 1980 г. до 0,98 кг/сут. в 2006 г. [9]. В странах ЕС на протяжении последних 20 лет данный показатель имел тенденцию к увеличению, но в последние годы стабилизировался на уровне 526 кг/(чел.*год) [16]. Приняв в качестве норматива образование 380 кг ТКО на одного жителя Хабаровского края при планируемой численности населения к 2030 г. 1,45 млн чел., можно ожидать годовое образование 551 тыс. т муниципальных отходов. Этот показатель является определяющим при оценке экономической эффективности инвестиционной и производственной программ регионального оператора.

Для изменения сложившейся ситуации в сфере обращения с отходами в Хабаровском

крае необходима оптимизация заложенной в Терсхеме региональной концепции обращения с ТКО на основе кластерного подхода. При формировании кластера обращения с ТКО регионального уровня предлагается исходить из принципов, включающих концептуальные, технологические, экологические критерии (табл. 2).

Согласно Стратегии экологической безопасности, в крае к 2020 г. должно функционировать 19 полигонов ТКО, а в соответствии с утвержденной Терсхемой к 2028 г. необходимо ввести в эксплуатацию 79 объектов захоронения отходов [14, 15]. Это решение на сегодняшний день оправдано вступлением в силу п. 8 ст. 29.1 федерального закона об отходах, разрешающего до 1 января 2023 г. эксплуатацию объектов размещения ТКО, не соответствующих требованиям российского природоохранного законодательства.

Учитывая, что Терсхема представляет собой стратегический документ, лежащий в основе будущей политики региона в сфере обращения с ТКО, а также принимая во внимание существующие ограничения по использованию территории, утвержденные в составе карт территориального планирования Хабаровского края [1], можно заключить, что территориальный принцип создания полигонов ТКО, основанный на муниципальных схемах санитарной очистки, не соответствует Стратегии развития края к 2030 г. и подлежит корректировке на основе кластерного подхода.

Для обеспечения устойчивого развития Хабаровского края в откорректированной концепции Терсхемы предлагается деление муниципальных образований на 3 типа кластеров (рис. 1):

– тип А – муниципальные образования, включающие зоны полного цикла обращения с ТКО (обработка, накопление, утилизация, обезвреживание и размещение) с окупаемыми затратами за счет тарифа на услуги регионального оператора;

– тип Б – муниципальные образования, включающие зоны полного цикла обращения с ТКО с некупаемыми затратами, с дотируемым текущим тарифом на услуги регионального оператора;

– объекты локальной утилизации отдельных фракций ТКО.

Исходя из объемов годового образования ТКО, с учетом стратегии территориального

Таблица 2. Принципы формирования кластера отходов в Хабаровском крае

Наименование принципа	Содержание принципа	Механизмы реализации
Концептуальные принципы		
Региональное районирование	Анализ физико-географических и экономико-географических условий (административно-территориальное районирование, природно-климатические условия, первичная ресурсная база региона, транспортная и энергетическая инфраструктура, особенности современного хозяйственного использования территории, перспективы и направления развития региона)	Определение базовых объектов для формирования кластера, выбор границ территориальных узлов с учетом географического расположения, экономических связей между выбранным центром и районами
Обеспечение эффективного использования природно-ресурсного потенциала	Максимальное использование ресурсного потенциала отходов, рассмотрение ТКО в качестве сырьевых элементов территориально-производственного комплекса	Организация кластера на базе территориально-производственного комплекса, определение объема ресурсной базы кластера отходов, внедрение системы раздельного сбора
Экономическая эффективность	Достижение рентабельности системы обращения с ТКО, технико-экономическое обоснование оптимального количества и мест размещения инфраструктурных объектов	Разделение зон деятельности регионального оператора на подзоны в соответствии с кластерным подходом, реализация государственно-частного партнерства
Учет транспортно-логистических ограничений	Оценка степени доступности населенных пунктов при выборе системы обращения с ТКО (наличие (отсутствие) устойчивого транспортного сообщения)	Создание зон ответственности регионального оператора с охватом удаленных территорий, субсидирование тарифа на его услуги
Технологические принципы		
Учет существующего состояния отрасли обращения с отходами	Наличие современных инфраструктурных объектов достаточной мощности и оценка целесообразности их использования, анализ наработанных технологий и имеющихся возможностей, оценка окупаемости объектов инфраструктуры	Интеграция существующих объектов в разработанную Терсхему, решение вопроса о строительстве новых межмуниципальных объектов
Технологическая модернизация на основе наилучших доступных технологий (НДТ)	Доведение объектов до показателей, обеспечивающих их включение в общую Терсхему, дооснащение их вспомогательными мощностями	Приобретение и эксплуатация современной технологической базы транспортировки и утилизации отходов
Экологические принципы		
Учет юридических и зональных ограничений использования территории	Анализ специфики природных условий, имеющихся территориальных ограничений при экологическом обосновании мест размещения инфраструктурных объектов	Учет комплекса геоэкологических требований и поиск земельного участка для размещения объекта, удовлетворяющего нормативным требованиям
Обеспечение экологической безопасности	Учет нормативных экологических требований при строительстве и эксплуатации объектов	Экологическое обоснование условий эксплуатации инфраструктурных объектов

развития, возможно формирование кластеров типа А для Комсомольского, Хабаровского, Южного и Ванино-Совгаванского ТПК, включающих:

– межмуниципальные транспортно-логистические объекты для предварительной подготовки ТКО к конечному удалению,

имеющие обустроенные площадки для раздельного накопления ТКО; МПС и МСК;

– центры сбора отдельных фракций ТКО, используемых в качестве ВМР;

– комплексы глубокой переработки фракций ТКО и производственных отходов с учетом программных мероприятий стратегии

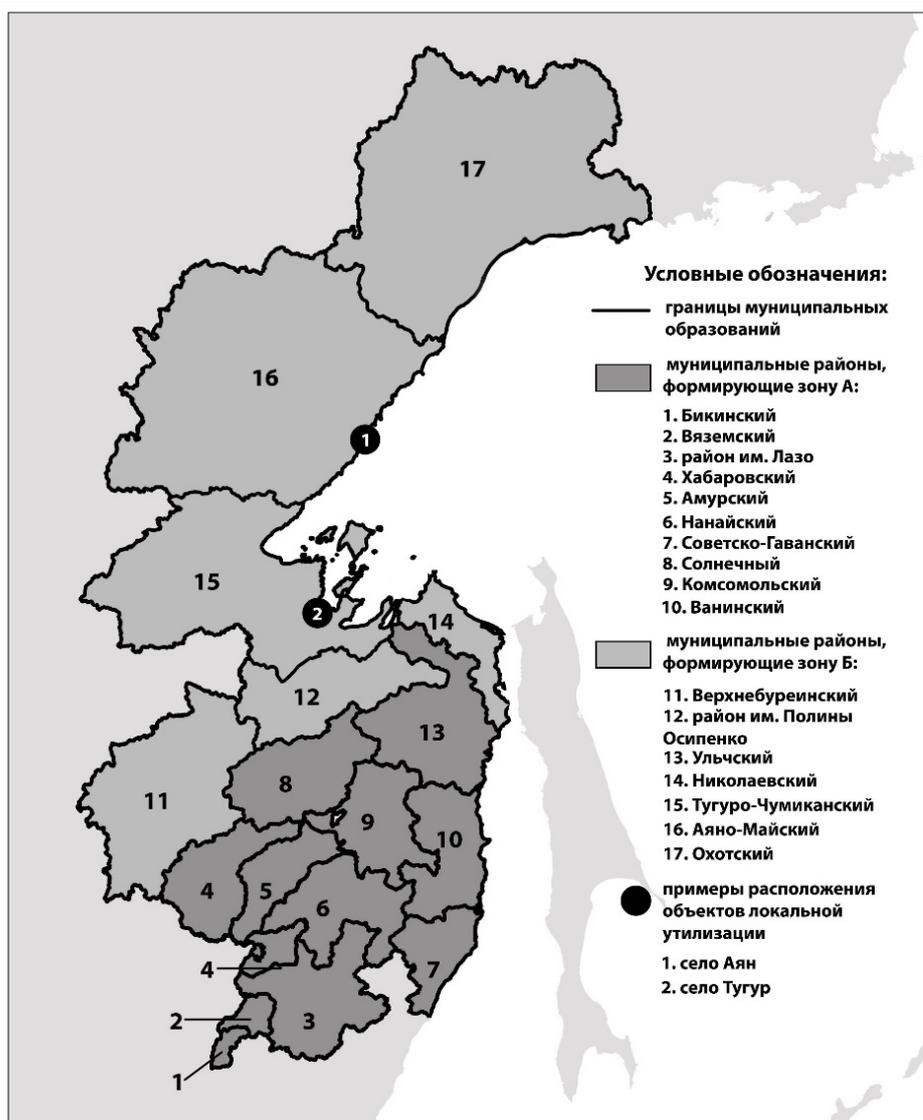

Рис. 1. Кластерный принцип организации схемы обращения с твердыми муниципальными отходами в Хабаровском крае

социально-экономического развития края (с учетом программы развития птицеводства и животноводства);

- объекты по обезвреживанию фракций ТКО и производственных отходов, в том числе для получения тепловой энергии;

- полигон для захоронения балластных отходов.

Хабаровский ММУ будет обслуживать муниципальные образования с численностью населения 734 тыс. чел. и фактическим объемом образования ТКО (от населения и юрлиц) – 464 тыс. т / год; Комсомольский ММУ – 366 тыс. чел. и 268 тыс. т/год; Южный ММУ – 45 тыс. чел. и 25 тыс. т/год; Ва-

нино-Совгаванский ММУ – 69 тыс. чел. и 48 тыс. т/год.

В составе кластера типа А выделяются зона прямой транспортировки ТКО от мест сбора (накопления) на объекты межмуниципального узла (ММУ) и зоны перегруза, на которых ТКО с мест сбора (накопления) направляются на МПС, и после прессования поступают на объекты ММУ.

В кластерах типа Б вследствие малого объема образования ТКО организация обращения с ними возможна только при условии субсидирования тарифа региональному оператору. Эти зоны формируются на территории 6 муниципальных образований (Верхне-

буреинский, Николаевский, Ульчский, Аяно-Майский, Охотский районы, район им. П. Осипенко) с численностью населения 87 тыс. чел. и объемом образования ТКО 46,5 тыс. т/год. Как показано в работах [2, 4], строительство полигонов и объектов сортировки ТКО в таких районах может привести к значительному росту затрат на удаление отходов, некупаемых за счет тарифов на услуги.

В зонах локальной утилизации ТКО, охватывающих муниципальные образования, расположенные в труднодоступных районах края с отсутствием устойчивого транспортного сообщения с кластерами А и Б, проживает 47 тыс. чел. и образуется 23 тыс. т ТКО в год. Согласно утвержденной Терсхеме, весь объем образующихся здесь ТКО предполагается направлять на сжигание. Данное решение не соответствует Комплексной стратегии обращения с ТКО, требующей организации раздельного сбора ТКО с выделением ресурсной составляющей. Способ термического обезвреживания ТКО (сжигание в инсинераторах) не поддерживается экологическим законодательством России (иерархия приоритетов направлений государственной политики в области обращения с отходами – федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и Комплексная стратегия обращения с ТКО в РФ). Но поскольку в зонах локальной утилизации образуется всего 3–4% общекраевого объема ТКО, термическое обезвреживание является экономически привлекательным способом при условии решения проблемы отбора на муниципальном уровне опасных отходов (батареек, ртутьсодержащих ламп и т.п.). Альтернативным способом обращения с ТКО при санитарной очистке малонаселенных и труднодоступных муниципальных образований может быть организация пунктов ручной досортировки утилизируемой фракции ТКО с переводом из категории «отход потребления» в категорию «ВМР». Собранные фракции ценных компонентов, соответствующие положениям нормативно-технических документов (например, ГОСТ Р 57043-2016 «Характеристики вторичных полипропиленов»), могут храниться на территории муниципального образования до формирования экономически обоснованной транспортной партии, при этом они не попадают под государственное регулирование в области обращения с отходами.

Таким образом, реализация окупаемых проектов возможна лишь в 4-х межмуниципальных узлах края, в остальных районах рассматривается вариант организации работы регионального оператора на условиях государственно-частного партнерства при условии субсидирования тарифа. При формировании кластеров по обращению с отходами в пределах зон ответственности регионального оператора появляется возможность практически полностью замкнуть все стадии цикла обращения с отходами, начиная от этапа образования и заканчивая стадиями утилизации, обезвреживания и размещения.

Выводы. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

– Существующее состояние отрасли обращения с ТКО в Хабаровском крае – одним из крупнейших административно-территориальных образований РФ, характеризующимся сложными природно-климатическими и социально-экономическими условиями (низкой плотностью населения, неудовлетворительным состоянием дорожной сети, слабо развитой инфраструктурой обращения с ТКО), создает в ряде муниципальных районов ситуацию убыточной деятельности регионального оператора.

– Представлена количественная оценка образования отходов в муниципальных районах Хабаровского края и обоснован годовой норматив накопления ТКО на одного жителя (380 кг) как один из показателей экономической эффективности инвестиционной и производственной программ регионального оператора.

– Принятый в Терсхеме территориальный принцип создания полигонов ТКО, основанный на муниципальных схемах санитарной очистки, не соответствует Стратегии развития Хабаровского края к 2030 г. и подлежит корректировке с использованием кластерного подхода.

– На основе метода структурно-функционального анализа предложен алгоритм формирования оптимальной схемы обращения с ТКО в Хабаровском крае. Разделение территории на три типа кластеров, предусматривающих создание сети межмуниципальных объектов переработки и захоронения ТКО с учетом развивающихся территориально-производственных комплексов, даст возможность достижения регионального баланса движения отходов, установления дифферен-

цированного подхода к организации управления потоками отходов и денежных средств отходообразователей. В кластерах выделены зоны прямой транспортировки, перегруза и локальной утилизации отходов. Реализация окупаемых проектов возможна лишь в 4-х межмуниципальных узлах края, в остальных районах рассматривается вариант организации работы регионального оператора на условиях государственно-частного партнерства при условии субсидирования тарифа.

– Объективным решением проблемы обращения с ТКО в труднодоступных и мало-

населенных районах, альтернативным применением метода сжигания отходов, является обустройство пунктов сортировки отходов и накопления ВМР.

Предложенные мероприятия могут быть положены в основу комплексной корректировки Терсхемы обращения с отходами в Хабаровском крае. Оптимизация пространственно-логистической схемы размещения объектов инфраструктуры позволит достигнуть устойчивого функционирования системы и приведет к существенному повышению степени использования ресурсного потенциала ТКО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атерекова А.В., Сиваев С.Б.* Выбор участков под объекты обращения с твердыми коммунальными отходами на основе пространственного анализа и многофакторной оценки // *Городские исследования и практики.* 2016. Т. 1 № 1 (2). С. 70–85.
2. *Великанова Т.В.* Особенности принятия решения при размещении объектов обращения с отходами в регионе // *Вестник СамГТУ. Сер. «Экономич. науки».* 2014. № 2 (12). С. 139–144.
3. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Хабаровского края в 2017 году / Под ред. А.Б. Ермолина. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 205 с.
4. *Ильиных Г.В., Коротяев В.Н., Слюсарь Н.Н., Анфимова Ю.В.* Региональные концепции обращения с отходами: опыт разработки // *Твердые бытовые отходы.* 2009. № 8. С. 14–20.
5. *Ишаев В.И.* Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья // *Вестник РАН.* 2008. Т. 78. № 3. С. 195–201.
6. *Соломин И.А., Афанасьева В.И.* Состав и свойства твердых коммунальных отходов, учитываемые при выборе технических методов обращения с отходами // *Природообустройство.* 2017. № 3. С. 82–90.
7. *Шубов Л.Я., Доронкина И.Г., Борисова О.Н.* Оптимизация процессов управления твердыми бытовыми отходами как единая технологическая и экономическая система // *Вестн. Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса.* 2009. № 4. С. 24–32.
8. *Bouanini S., Lalmi F.* Chinas experience in municipal solid waste management – lessons learned for Algeria // *European Journal of Research and Reflection in Management Science.* 2015. Vol. 3. № 3. P. 10–22.
9. *Zhang D. Q., Tan S. K., Gersberg R.M.* Municipal solid waste management in China: status, problems and challenges // *Journal of Environmental Management.* 2010. Vol. 91. № 8. P. 1623–1633.
10. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 326. [Электр. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Кабинетное исследование по оценке потенциала стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в области разработки статистических данных для измерения устойчивого развития и экологической устойчивости по линии Счета развития Организации Объединенных Наций. Тема 1. Статистика отходов. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/.../ece/.../SD_desk_study_RU_Final.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
12. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года: постановление Правительства Хабаровского края от 13 июн. 2018 г. № 215-пр. [Электр. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Схемы территориального планирования Хабаровского края: постановление Правительства Хабаровского края от 10 июл. 2012 г. № 232-пр. [Электр. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Об утверждении региональной программы Хабаровского края «Обращение с отходами, в том числе с ТКО, на территории Хабаровского края»: распоряжение Правительства Хабаровского края от 14 ноябр. 2018 г. № 736-рп. [Электр. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, Хабаровского края: постановление Правительства Хабаровского края от 20 дек. 2016 г. № 477-пр. [Электр. ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. *Bhada-Tata P., Hoornweg D.A.* What a waste?: a global review of solid waste management // *Urban development series knowledge papers.* № 15. Washington, DC. World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/302341468126264791/What-a-waste-a-global-review-of-solid-waste-management> (дата обращения 10.05.2018).

Об авторах

Гладун Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, доцент кафедры «Экология, ресурсопользование и безопасность жизнедеятельности» Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.

Волосникова Галина Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Экология, ресурсопользование и безопасность жизнедеятельности» Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.

Гладун Полина Игоревна – магистрант Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Для цитирования:

Гладун И.В., Волосникова Г.А., Гладун П.И. Концепция схемы обращения с твердыми коммунальными отходами в Хабаровском крае // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 108–117. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-10.

Concept of Khabarovsk Krai scheme for municipal solid waste management

I. V. Gladun^{1,*}, G. A. Volosnikova^{1,}, P. I. Gladun^{2,***}**

¹ *Pacific National University, Khabarovsk, Russia*

² *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

* *e-mail: igor-gladun@yandex.ru*

** *e-mail: galina-volosnikova@yandex.ru*

*** *e-mail: gladun.polina@gmail.com*

The given article proposes a concept of reforming Khabarovsk territorial scheme of municipal solid waste (MSW) management. The proposed scheme is based on the usage of cluster approach. It also allows to minimize environmental effects due to the involvement of MSW in the economic turnover as secondary resources for developing territorial-production complexes in the region. The division of municipalities of the region into the clusters with a selection of areas of direct transportation, reload and local recycling of the solid waste propose an opportunity of differentiated approach to the organization of waste management in the territory. Arrangement of waste sorting points and accumulation of secondary material resources have a perspective of rational decision of the problem of handling with MSW in remote areas of the Khabarovsk territory. Proposed measures could be laid in the basis of the comprehensive adjustment of the Khabarovsk territory scheme of MSW handling.

Key words: regional concept, municipal solid waste (MSW), strategic urban planning, territory scheme of MSW management.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 338.48

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРОВ

© 2019 г. Д. А. Кошчев*, О. Ю. Исопескуль**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермь, Россия*

** email: dmitry.koshcheev@yandex.ru*

*** e-mail: oisopeskul@hse.ru*

Статья посвящена исследованию возможности применения концепции территориальной идентичности для проектирования устойчивых региональных туристских кластеров. В статье последовательно представлены результаты теоретического анализа, по итогам которого определено содержание современных подходов к данной проблематике, отражена внутренняя структура территориальной идентичности, описан механизм потенциальной взаимосвязи данного концепта и показателей устойчивости. На основе двух наиболее релевантных подходов, разработана авторская модель территориальной идентичности, позволяющая интегрировать данный конструкт в процесс проектирования региональных туристских кластеров. Данная модель была положена в основу авторской методики идентификации территориальных идентичностей и их применения для проектирования устойчивых туристских кластеров. Полученная модель была апробирована на примере Пермского края, для которого приведены рекомендации по дальнейшему развитию кластерной политики в туризме.

Ключевые слова: туристский кластер, территориальная идентичность, туризм, рекреационный потенциал, бренд региона, Пермский край.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-11

Введение и постановка проблемы. Несмотря на широкое распространение кластерной модели туристской политики в российских регионах, призванной, в том числе, обеспечить устойчивое развитие отрасли, экономический и геополитический кризис 2014–2016 гг. обнаружил структурные несовершенства данного подхода, нашедшие отражение в полярном характере результатов его импликации в субъектах РФ.

Проведённые в 2017 и 2018 гг. исследования причин различной эффективности кластерной политики в сфере туризма в российских регионах, позволили выявить ряд локальных и общих проблем, среди которых особое место занимает неспособность отдельных регионов сформировать концептуальное интегративное основание, превраща-

ющее кластер в систему и, как следствие, определяющее его структуру и экономическую устойчивость [5, 6]. В основе такой системы, на наш взгляд, находится феномен территориальной идентичности.

Идея применения концепции территориальной идентичности в процессе разработки региональной туристской политики и, в частности, формирования устойчивого туристского имиджа территории не нова [12, 13]. Устойчивый имидж, основанный на территориальной идентичности, обращённый в форму интегративного основания туристского кластера и определяющий его структуру, следуя принципу эмерджентности, может многократно усилить устойчивость данного территориально-экономического объединения и, как следствие, всей отрасли.

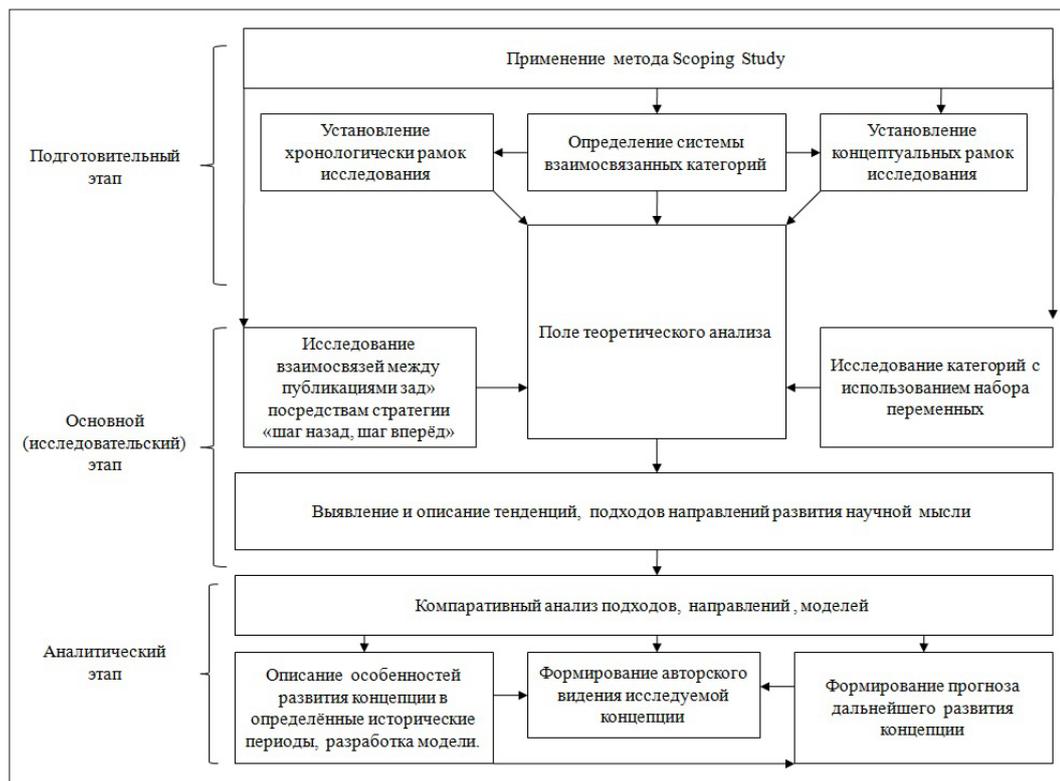

Рис. 1. Алгоритм авторской методики теоретического анализа

Достижение такого эффекта предполагает создание концептуального подхода к идентификации территориальных идентичностей и их использования в процессе проектирования региональных туристских кластеров. В условиях непрерывного роста неопределённости внешней среды, а также периодичности экономических кризисов, формирование такого подхода представляет собой актуальную научную задачу.

Обзор ранее выполненных исследований. Одна из ключевых проблем, препятствующих разработке требуемого подхода, заключается в недостаточном уровне теоретизации и, как следствие, «размытости» понятия «территориальная идентичность». В современной научной литературе существует большое количество интерпретаций этого понятия и смежных с ним категорий, система взаимосвязей и пересечений которых не определена.

На наш взгляд, данная проблема может быть решена посредством изменения логики теоретического анализа в соответствии с требованиями системности, полноты и историчности. Алгоритм авторской методики

теоретического анализа представлена на рисунке 1. Как видно из него, алгоритм предполагает последовательную реализацию трёх этапов.

На первом этапе происходит формирование и обоснование выборки публикаций для теоретического анализа, базирующиеся на импликации метода Scoping study, установлении хронологических границ исследования, выборе качественных ограничений и определении блока категорий, которые связаны с понятием «территориальная идентичность». В итоге мы получаем поле теоретического анализа, т.е. некоторую совокупность академических исследований, которые важно изучить для понимания сути анализируемого явления.

На втором этапе мы, используя стратегию «шаг вперед, шаг назад», расширяем базу теоретического анализа за счет добавления публикаций, на которые ссылаются авторы исследований, определенных на первом этапе, а также публикаций, которые ссылаются на них самих.

Полученная выборка анализируется при помощи комплекса переменных, отражающих

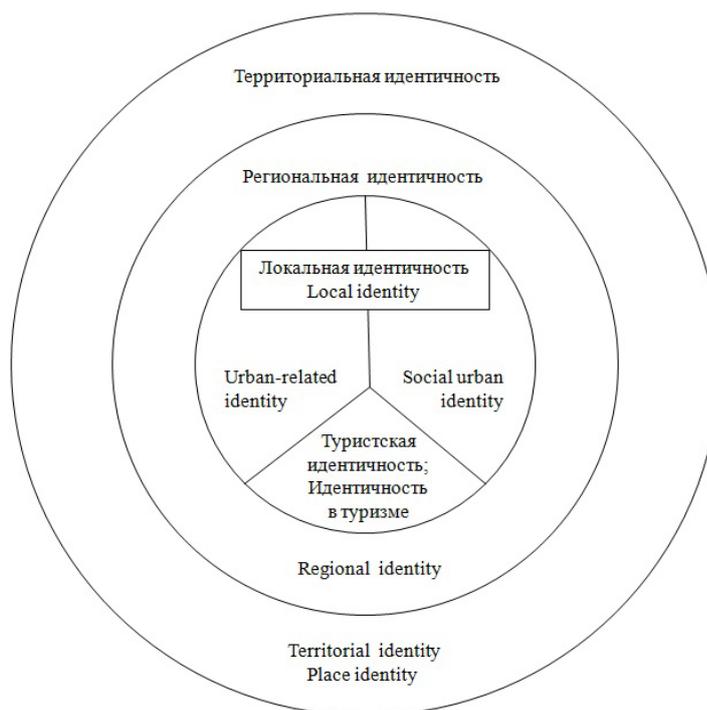

Рис. 2. Соотношение категории «территориальная идентичность» и близких к ней понятий

характерные черты рассматриваемой области, что позволяет идентифицировать существующие подходы к центральной категории исследования.

На третьем этапе выявленные подходы накладываются на ленту времени (за счёт идентификации дат выхода публикаций, включённых в их состав). Это дает возможность увидеть динамику подходов, провести их компаративный анализ и составить прогноз дальнейшего развития.

В рамках нашего исследования, изучая территориальную идентичность, на этапе проектирования выборки мы установили максимально широкие хронологические границы, охватывающие период с 1958 по 2018 г. Нижняя граница периода связана с введением Э. Эриксоном в научный оборот понятия «идентичность» [15]. Верхняя – соответствует текущему году.

Применение метода Scoping study позволило идентифицировать следующий перечень категорий, близких по значению понятию «территориальная идентичность»: региональная идентичность, локальная идентичность, туристская идентичность,

идентичность в туризме. В англоязычном сегменте: regional identity, local identity, territorial identity, place identity, urban-related identity, social urban identity. В данные синонимические ряды вошли понятия, не имеющие дополнительных значений и фокусирующиеся на контексте территории. Анализ публикаций позволил нам выявить соотношение этих понятий (рис. 2).

Как следует из рисунка 2, наиболее широкой из всех категорий является «территориальная идентичность». Анализ показал, что это понятие используется учеными и как аккумулирующий центр, способный объединять в себе все остальные категории в качестве уровней территориальной идентичности, и как понятие, заменяющее каждое из них (в русскоязычных публикациях). Это позволило нам предположить, что данная категория имеет признаки родового понятия. В англоязычных публикациях аналогом выступают категории «territorial identity» (используется ограничено) и «place identity».

Понятие «региональная идентичность» (regional identity) в большинстве случаев рассматривается как более узкая категория.

В российском исследовательском поле существует ряд подходов к идентификации уровней региональной идентичности. На наш взгляд, наиболее полной выглядит модель, включающая общенациональный; макрорегиональный; субъектовый (уровень регионов); субрегиональный и локальный уровни [11]. Эта модель, с одной стороны, иллюстрирует весь спектр употребления понятия «региональная идентичность», а с другой – устанавливает соответствие между ним и категориями, расположенными на ступень выше и ниже по критерию широты. Англоязычный аналог – regional identity имеет меньшее употребление и часто заменяется общим понятием «place identity».

Категория «локальная идентичность» представляется нам наиболее узкой. В российском контексте она часто употребляется для описания отождествления человеком себя с определённым муниципалитетом. В англоязычном сегменте близкими к этому понятию могут считаться категории «urban-related identity», «social urban identity». Однако в отдельных случаях они могут иметь ещё более узкое значение, устанавливая связь между человеком и определённой частью городского пространства.

Особый контекст употребления имеют категории «туристская идентичность» и «идентичность в туризме», получившие распространение исключительно в рамках российской научной школы. Причина их появления связан с попыткой специфицировать категорию «идентичность» для исследований в области экономики туризма. Вместе с тем, подобное употребление чаще всего соответствует понятию «локальная идентичность» или представляет собой более узкий концепт. В некоторых случаях данные понятия могут быть интерпретированы как совокупность ценностных установок и моделей поведения человека, находящегося в ролевой позиции туриста [2, 8]. Однако подобные толкования выходят за тематические границы нашего исследования и не включаются в его состав.

Следующим шагом подготовительного этапа теоретического анализа стало формирование концептуальных границ исследования, отражающих систему качественных детерминант включения публикаций в состав выборочной совокупности. В число таких детерминант вошли соответствие: по теме, по качеству, по содержательным параметрам.

Тематическое соответствие предполагает присутствие в научной публикации одного из уровней территориальной идентичности в границах субъекта федерации (локальный, субрегиональный, региональный). Критерий «соответствия по качеству» ориентирует нас на анализ публикаций, включенных в международные библиографические базы «Web of Science» и «Scopus» (для публикаций на английском языке) и ВАК (для русскоязычных исследований). Третий параметр «соответствие по содержанию» нацелен на идентификацию исследований, включающих широкий теоретический компонент. Применение метода «Scoping study» позволило установить, что в структуре релевантных публикаций встречается ряд общих элементов: интерпретация категории «территориальная идентичность», перечень ее основных элементов и методики идентификации. При прочих равных условиях, публикация включалась в нашу выборку, если в её структуре был отражён хотя бы один из этих элементов.

Применение метода «шаг вперёд, шаг назад» в обозначенных хронологических и концептуальных рамках, положенных на базис библиографических баз «Web of Science», «Scopus», «Elib» (последняя, с корректировкой на списки ВАК по годам), позволило нам сформировать выборочную совокупность, включающую 285 публикаций на русском и английском языках.

Анализ полученной выборки позволил нам сделать следующие выводы.

Во-первых, используемые в русско- и англоязычных сегментах публикаций группы смежных с понятием «территориальная идентичность» категорий, имеют схожие с ним интерпретации, различия между которыми определяются, главным образом, акцентом на их уровень (локальный, субрегиональный или региональный в контексте субъекта федерации). Таким образом, все эти интерпретации можно рассматривать в комплексе как отражение сущности одного итого же явления.

Во-вторых, анализ позволил выделить 5 агрегированных подходов к трактовке категории «территориальная идентичность» и синонимичных ей понятий (рис. 3).

Как следует из рисунка 3, истоки концепции территориальной идентичности следует искать в теории психосоциального развития Э. Эриксона, который ввёл в научный оборот

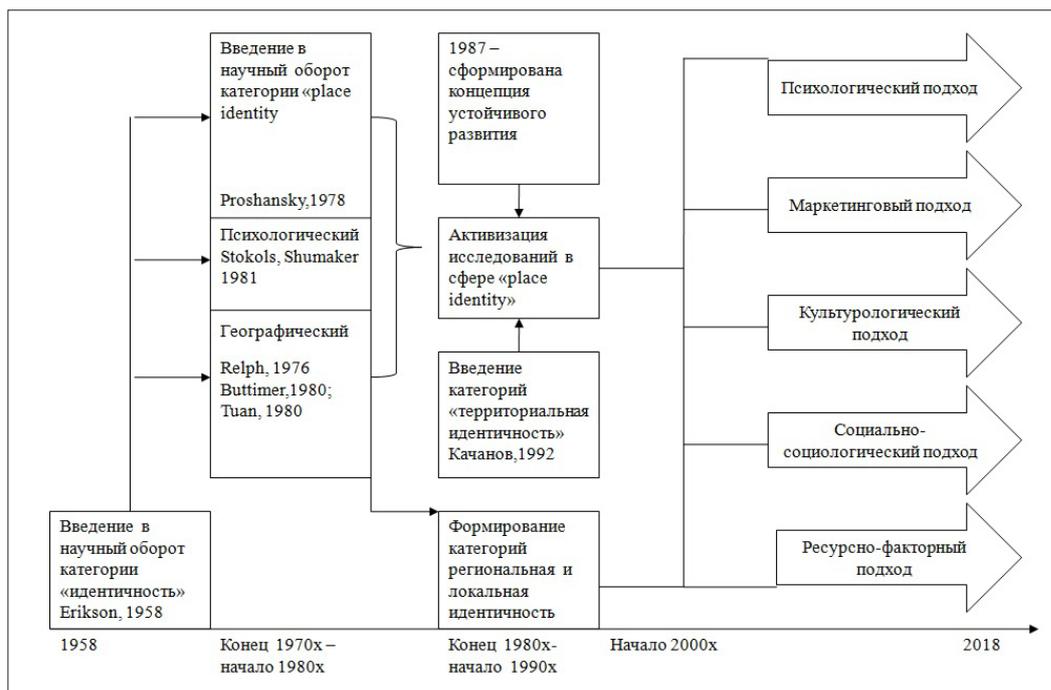

Рис. 3. Развитие мейнстрима концепции «территориальная идентичность»

общее понятие – идентичность [15]. В период с 1958 г. до середины 1970-х гг., данная категория развивалась преимущественно в контексте психологии, в рамках идеи о наличии у каждого человека целого набора идентичностей, которые, наслаиваясь друг на друга, описывают различные стороны его жизни. В середине 1970-х гг. учёных заинтересовал вопрос генезиса взаимосвязи человека и места его проживания, а также особенности восприятия человеком этой территории. В контексте психологии данное явление было рассмотрено с позиции эмоционально-когнитивной составляющей [21], а в системе географических наук внимание акцентировалось на уникальных особенностях места [14, 20, 22].

В рамках этих предметных областей были предложены различные термины для описания анализируемого феномена, однако наибольшее распространение получил термин «территориальная идентичность» Г.М. Прошански [19].

Значительный всплеск интереса к данной концепции и её широкое распространение пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х гг. и было связано с публикацией до-

клада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», обозначившего базовые черты модели устойчивого развития, одним из измерений которой стало социально-демографическое развитие, актуализация которого и стимулировала интерес к жизни локальных сообществ и их идентичности.

С 1990 по 2000 г. происходит значительное увеличение числа публикаций на данную тему, вводятся категории локальная, региональная и территориальная идентичность. Последняя заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания, поскольку была относительно автономно введена в контексте российской научной школы, получив дальнейшее развитие в международном академическом дискурсе [4].

В начале XXI в. в мейнстриме концепции «территориальная идентичность» выделилось 5 основных подходов, которые были идентифицированы нами в процессе теоретического анализа (табл. 1)

Как следует из таблицы 1, выделенные нами подходы отличаются, главным образом, пониманием сущности территориальной идентичности (интерпретации) которая во

Таблица 1. Компаративный анализ основных подходов к концепции «территориальная идентичность»

Критерии сравнения	Психологический подход	Маркетинговый подход	Культурологический подход	Социально-социологический	Ресурсно-факторный
Интерпретации	1. Часть образа. 2. Сопричастность к территории и местному сообществу. 3. Соединение представлений о себе во взаимосвязи с регионом. 4. Осознание (чувство, состояние) принадлежности к общности своих.	1. Процесс интерпретации региональной уникальности. 2. Отражение местной специфики. 3. Уникальная совокупность свойств.	Системная совокупность социо-культурных отношений, связанных с категорией «малая родина».	Форма территориальной организации расселения.	Ресурс, фактор развития в политико-экономическом контексте.
Перечень основных элементов	Когнитивная, аффективная и ценностная компоненты.	Компоненты варьируются от исследования к исследованию.	Этнографические компоненты.	Компоненты варьируются от исследования к исследованию.	
Методики идентификации	1. Опросные методы. 2. Интервью. 3. Анализ архивных данных. 4. Экспертное интервью. 5. Проективные методы.	1. Опросные методы. 2. Проекционные методики.	1. Опросные методы. 2. Интервью. 3. Экспертные интервью. 4. Этнографические методы. 5. Ретроспективный анализ.	Опросные методы.	
Примеры исследований	Каторин, 2018; Proshansky, 1978.	Scriven, Roberts, 2001; Kavaratzis, Hatch, 2013.	Gu, Ryan, 2008; Крылов, 2005.	Люкманов, 2013; Назукина, 2015.	Башмаков, 2012.

многим определяет значение всех остальных компонент. Так, психологический подход базируется на первоначальном понимании анализируемой категории и фокусируется на изучении ментальных процессов и свойств, определяющих генезис чувства сопричастности человека к своей земле.

Маркетинговый подход основывается на идеях географической группы исследований 1970-х гг., стремясь разработать модель идентификации уникальных черт той или иной территории и последующего создания системы их брендов. Подход характеризуется высокой креативной составляющей, определившей полярность взглядов и не позволяющей выделить единое представление о составе элементов территориальной идентичности.

Культурологический подход акцентирует внимание на системе ценностей, разделяемых жителями определённой территории, этнографической и культурной компонентах, определяющих специфику данного места.

Социально-социологический подход представляется довольно новаторским и стремится посмотреть на естественную форму пространственной организации населения, определяющую не только эмоциональную привязанность человека к территории, но и общий уклад жизни местного сообщества.

Ресурсно-факторный подход апеллирует к возможности использования территориальной идентичности в качестве ключевого ресурса в процессе достижения целей отдельных социальных групп.

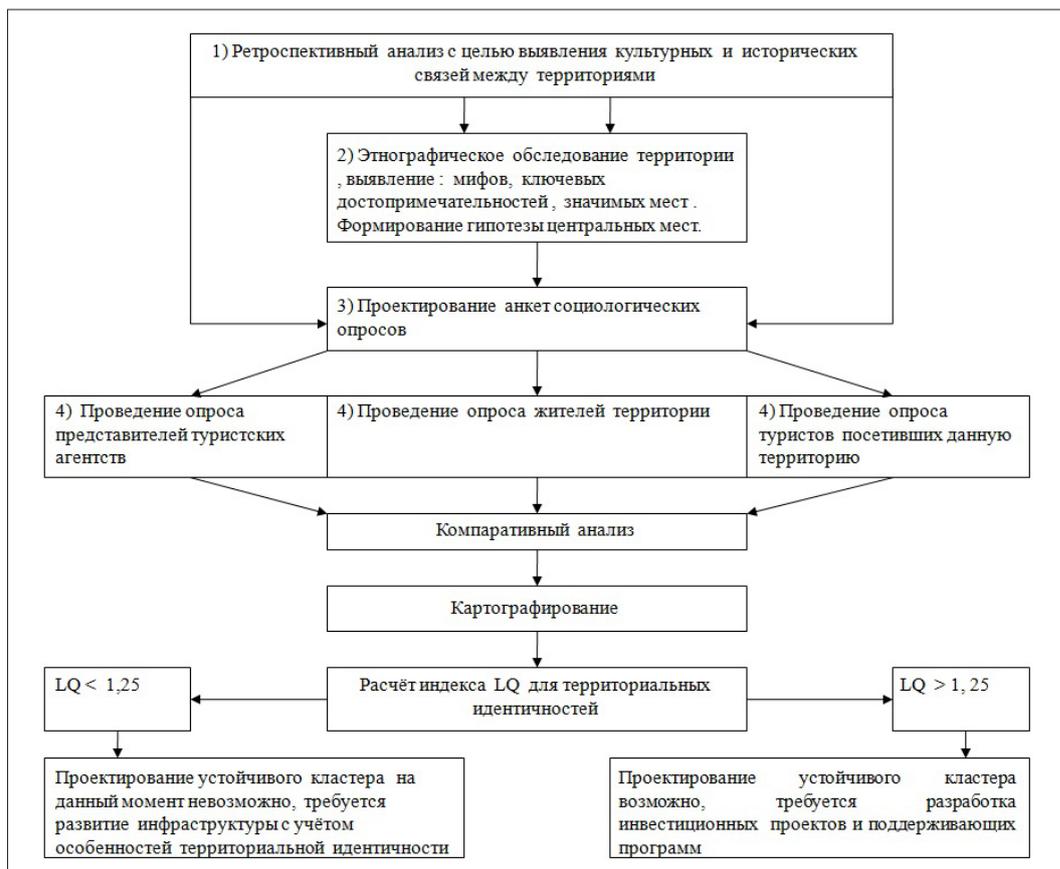

Рис. 4. Методика выделения территориальных идентичностей и проектирования на их основе устойчивых туристских кластеров

Конструирование устойчивых туристских кластеров на основе конверсии территориальных идентичностей в устойчивый имидж территорий требует, на наш взгляд, разработки нового подхода, который должен учитывать как культурологический, так и маркетинговый аспекты явления. Такой подход мы назвали «маркетинг социо-культурных отношений». В рамках этого подхода под территориальной идентичностью мы будем понимать комплекс уникальных характеристик системы культурных отношений, сложившихся в определённой местности, формирующих понятие «малая родина» и устанавливающих степень отождествления себя с ней.

Такая трактовка, с одной стороны, в большей степени, чем маркетинговый подход раскрывает специфику места, включая в его состав не только опредмеченные символы, но и атмосферу, позволяя перейти на уровень туристских впечатлений, существенно расширяя тем самым возможности для брендинга. С другой стороны, в отличие от

культурологического подхода, «маркетинг социо-культурных отношений» не просто фиксирует детерминанты специфики данного места, но указывает на возможность использования этой специфики для достижения практических целей.

В контексте нового подхода территориальная идентичность включает себя следующие элементы:

- центральное место территории;
- набор символов, отождествляемых с территорией (включая в том числе действия, церемонии и местный колорит);
- комплекс значимых мест (например, святыни);
- представление о героях;
- мифология и представления о мире.

Эти элементы, на наш взгляд, составляют сущность территориальных идентичностей и могут быть использованы для идентификации таких структур.

Материалы и методика исследования. В соответствии с концептуальным содержа-

нием подхода «маркетинг социо-культурных отношений» нами была разработана методика выявления территориальных идентичностей и проектирования на их основе устойчивых туристских кластеров (рис. 4).

Как следует из рисунка 4, процесс идентификации территориальных идентичностей начинается с ретроспективного анализа, призванного рассмотреть историю административно-территориального деления конкретного региона и значимых процессов, имевших место на его плоскости. Такой анализ позволит наметить границы культурно-исторических общностей, которые могут составлять основу территориальных идентичностей.

Исходя из результатов ретроспективного анализа формируется программа этнографического исследования, предполагающего посещение локаций выделенных культурно-исторических общностей, фиксацию основных достопримечательностей, значимых мест, других видимых символов, проведение серий интервью, выявление мифологической составляющей. На основе собранных данных формируется гипотеза о центре предполагаемой территориальной идентичности (чаще всего город или крупный сельский населённый пункт) и её границах.

На основе данных этнографического исследования разрабатываются анкеты для проведения трёх опросов: жителей территории, старших менеджеров туристских агентств, организующих поездки на данную территорию и туристов, посетивших данное место.

Опрос жителей местности нацелен на выявление их представления о самих себе, на проверку результатов этнографического исследования, на определение границ территориальной идентичности. Эти границы можно выявить, например, включив в анкету проекционный вопрос «Какие территории, помимо Вашего муниципалитета Вы бы включили в понятие малой родины?». Как правило, жители населённого пункта – ядра территориальной идентичности – назовут только его. А жители других населённых пунктов, входящих в эту идентичность называют свой населённый пункт и данное ядро. Постепенное наслоение ответов позволяет достаточно чётко очертить границы территориальной идентичности и выделить её центр.

Опрос туристов, посетивших территорию, ориентирован на выявление образа тер-

риториальной идентичности, сформированного у внешних агентов.

Опрос представителей туристского бизнеса направлен на идентификацию особенностей маршрутов и инфраструктуры, расположенных на плоскости, занимаемой территориальной идентичностью. Такие опросы желательно провести несколько раз в течение определённого периода времени (например, раз в год в течение 3-х лет). Тогда можно будет говорить об устойчивости выделенной территориальной идентичности.

Результаты проведённых опросов сопоставляются. Формируется агрегированное представление о территориальной идентичности, границы которой и основные параметры наносятся на карту.

Далее для территорий в границах выявленных территориальных идентичностей, рассчитывается индекс локализации (LQ), являющийся стандартным показателем, оценивающим достаточность процессов комплексообразования для формирования кластеров. Индекс приводится в авторской модификации:

$$LQ = \frac{\frac{Eis}{Es}}{\frac{Ei}{E}} \quad (1)$$

где Eis – число занятых в туристской отрасли « i » в границах территориальной идентичности « s »; Es – общая численность занятых в границах территориальной идентичности « s »; Ei – число занятых в регионе в отрасли « i »; E – общее число занятых в регионе.

Принимая во внимание тезис о неделимости муниципальных образований при описании границ территорий выявленных идентичностей, Eis и Es для данных территорий рассчитываются как сумма соответствующих показателей для каждого муниципалитета, включённого в их состав. При этом первичные статистические данные публикуются на сайтах органов муниципальной власти или предоставляются при оформлении письменного запроса исследователя в данные органы.

Интерпретация значений индекса осуществляется на основе критериев, разработанных группой учёных под руководством А. Peiró-Signes [18]. Так, если $LQ < 1,25$, процессы комплексообразования рассматриваются как недостаточные для формирования кластера. В нашем случае это означает, что

устойчивый кластер на основе данной территориальной идентичности в настоящее время сформирован быть не может, требуется вложение инвестиций в развитие инфраструктуры. Если $LQ > 1,25$, то устойчивый туристский кластер может быть создан, необходимо подготовить программу, основанную на результатах исследования (прежде всего, на значении базовых элементов территориальной идентичности, составляющих её суть) и инвестиционные проекты.

Строгое соблюдение структуры территориальной идентичности в процессе проектирования туристского кластера позволит сделать его устойчивым в экономическом и культурно-этнографическом плане, поскольку, отражая в своём имидже основные ценности, символы, мифологию и структуру рассматриваемого конструкта, туристский кластер будет максимально отражать систему социокультурных связей и уклад живущих на его территории людей. Такая особенность превратит кластер в самоподдерживающуюся систему, соответствующую концепции устойчивости.

Полученные результаты и их обсуждение. Предложенная методика была апробирована на территории Пермского края. Основные результаты её импликации представлены на рисунке 5. Как из него следует, использование методики позволило идентифицировать на территории Пермского края семь территориальных идентичностей субрегионального уровня. Для каждого из них были идентифицированы основные структурные элементы, а также ключевые символы и ассоциации (вынесены на рисунок).

Для пространства, занимаемого каждой территориальной идентичностью был рассчитан индекс LQ .

В зоне № 1 отмечено некорректное значение индекса LQ , связанное со слабым уровнем развития трудоёмких отраслей, при наличии сравнительно крупной гостиницы, построенной в советские годы в каждом районном центре. Такая конъюнктура привела к искажению показателя и невозможности сделать однозначное заключение по данной территории.

Из остальных зон проектирование устойчивых туристских кластеров в перспективе возможно на территориях под номерами 2, 6 и 7.

В зоне 2 с учётом параметров территориальной идентичности, необходимо развивать историко-этнографический и паломнический туризм. Территория должна выстраивать свою стратегию позиционирования вокруг образа древнего княжества Пермь Великая. В качестве сувенирной продукции могут выступать изделия народных промыслов и порционные мешочки соли с логотипом соответствующего кластера.

На территории идентичности 3 также нужно развивать исторический и паломнический туризм. Стратегия позиционирования должна выстраиваться вокруг образа «Столица купечества». В качестве сувениров могут выступать Вязовские пряники, изделия из селенита, брендированные изделия народных промыслов.

Территориальная идентичность 7 выходит за границы Пермского края, вовлекая в свой состав города Воткинск и Сарапул (Удмуртская республика). Для формирования кластера необходимо договориться с соседним субъектом Федерации о подготовке единой программы. Территория подходит для развития спортивного, культурного, историко-этнографического и оздоровительного туризма. Стратегия позиционирования кластера должна быть построена на особенностях этой земли как актуализации двух начал: родина П.И. Чайковского и столица зимних видов спорта.

На наш взгляд, учет данных рекомендаций позволит создать на территории Пермского края три устойчивых туристских кластера на основе территориальных идентичностей. В то же время, формирование устойчивых туристских кластеров на основе других территориальных идентичностей, будет сопряжено со значительными временными затратами и инвестициями в туристскую инфраструктуру.

Выводы. В рамках исследования был проведён комплексный анализ концепции «территориальная идентичность», который позволил очертить содержательные границы данной категории в контексте смежных понятий, а также выявить основные подходы к данному феномену (психологический, маркетинговый, культурологический, социально-социологический, ресурсно-факторный) и их несовершенства, ограничивающие использование каждого из них отдельно для проектирования устойчивых туристских кластеров.

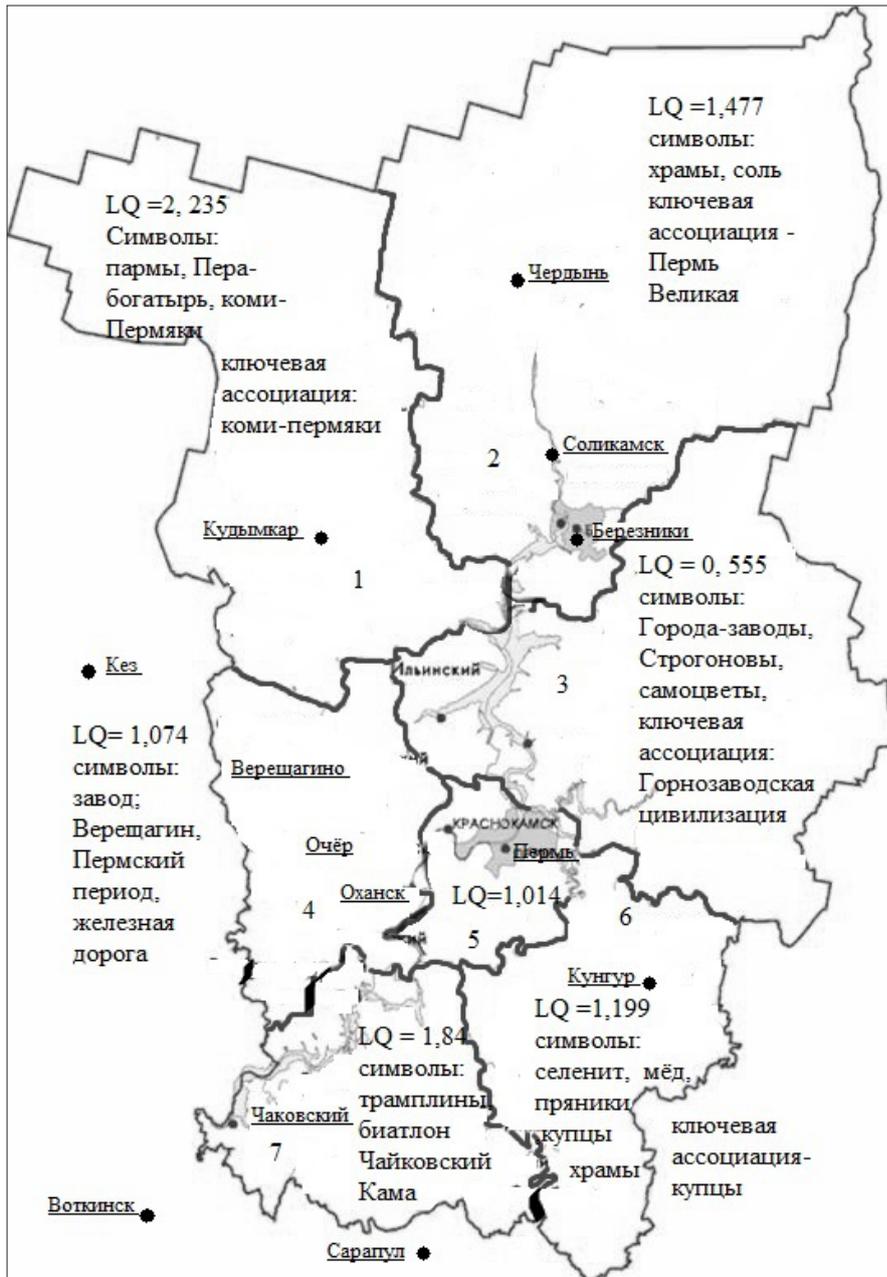

Рис. 5. Территориальные идентичности Пермского края

Дополнительный анализ показал, что подходом, способным решить поставленную задачу может стать интегрированный подход «маркетинг социо-культурных отношений», предполагающий собственную интерпретацию «территориальной идентичности», её структуры и элементного наполнения. На основании этого подхода была разработана авторская методика проектирования устойчивых туристских кластеров, прошедшая те-

стирование на территории Пермского края. Применение этой методики позволило сконструировать систему региональных туристских кластеров и внести предложения по их дальнейшему развитию.

В целом, предлагаемый подход может претендовать на определённую универсальность и использоваться вне зависимости от характера ресурсного потенциала и туристской специализации территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башмаков И.С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 141–144.
2. Зацепина Н.А. Влияние современных тенденций моды на формирование культурных практик отечественного туризма под влиянием глобальных социальных изменений // Национальная ассоциация учёных. 2015. № 2 (7). С. 170–173.
3. Каторин И.В. Формирование арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере архангельской области) // Арктика и север. 2018. № 31. С. 28–40.
4. Качанов Ю.Л. Территории в семантическом пространстве эмоциональных оценок // Региональная экономика. 1992. № 1. С. 213–227.
5. Кошечев Д.А., Исопескуль О.Ю. Проблемы реализации кластерной политики в туристской сфере Пермского края // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 91–98.
6. Кошечев Д.А. Проблемы политики устойчивого туризма на территории Пермского края // Проблемы устойчивого развития на макро-, мезо- и микроуровне. Мат-лы Междунар. научн.-практ. конф. Тюмень, 2018. С. 197–200.
7. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13–23.
8. Лысикова О.В. Социальные практики туристов в круизе по Волге в условиях глобального кризиса // Вестник СГТУ. 2012. № 1 (63). С. 194–205.
9. Люкманов Э.Т. К вопросу о понятии, содержании и особенностях территориальной идентичности (географический аспект) // Вестник МГПУ. Сер. «Естественные науки». 2014. № 1 (13). С. 65–71.
10. Назукина М.В. Локальная идентичность как ресурс развития моногородов: постановка проблемы // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. № 5. С. 244–251.
11. Петров Н.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2003. С. 125–186.
12. Тумакова К.Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.
13. Чернышов Ю.Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 5. С. 105–112.
14. Buttimer A. Home, reach, and the sense of place / Ed A. Buttimer, D. Seamon, The Human Experience of Space and Place. London: Croom Helm, 1980. P. 166–187.
15. Erikson E.H. Young man Luther: A study in psychoanalysis and history. London: Pion, 1958. 256 p.
16. Gu H., Ryan C. Place attachment, identity and community impacts of tourism – the case of a Beijing hutong // Tourism management. 2008. Vol. 29, № 4. P. 637–647.
17. Kavaratzis M., Hatch M.J. Dynamics of place brands: An identity-based approach to place branding theory // Marketing theory. 2013. Vol. 13, № 1. P. 69–86.
18. Peiro-Signes A. et al. The effect of tourism clusters on US hotel performance // Cornell Hospitality Quarterly. 2015. Vol. 56, № 2. P. 155–167.
19. Proshansky H.M. The city and self-identity // Environment and Behavior. 1978. № 10. P. 147–169.
20. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 185 p.
21. Stokols D, Shumaker S.A. People in places: transactional view of settings / Ed J. Harvey. Cognition, Social Behavior, and the Environment. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. P. 441–488.
22. Tuan Y.F. Rootedness versus sense of place // Landscape. 1980. № 24. P. 3–8.

Об авторах

Кошечев Дмитрий Александрович – преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь.

Исопескуль Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, руководитель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь.

Для цитирования:

Кошечев Д.А., Исопескуль О.Ю. Территориальная идентичность как основание проектирования устойчивых региональных туристских кластеров // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 118–129. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-11.

**Territorial identity as a designing basis for sustainable
regional tourist clusters**

D. A. Koshcheev*, O. Yu. Isopeskul**

National Research University Higher School of Economics, Campus in Perm, Russia

** email: dmitry.koshcheev@yandex.ru*

*** e-mail: oisopeskul@hse.ru*

The present article looks into possibility of territorial identity conception implication for the purpose of sustainable tourism cluster construction. Within this article, we present results of theoretical analysis, which illustrate the system of modern approaches to the concept mentioned. The present analysis also showed internal structure of territorial identity and allowed to describe interaction between this concept and sustainability factors. Basing on two relevant approaches, we created author model of territorial identity, which focuses on the ability of present concept to be integrated to the process of tourism cluster projecting. The model mentioned was laid the foundation for author methodology of territorial identities identification and their further implication for the purpose of projecting sustainable tourism clusters. This model was tested and ensured through the example of Perm krai. Basing on the model implication we suggested some recommendations on tourism development in the region mentioned.

Key words: touristic cluster, clusterization policy, territorial identity, region brand, Perm krai.

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» публикует научные статьи по методологии, теории, методике и практике региональных исследований в России и за рубежом; он выходит 4 раза в год. При публикации предпочтение отдается следующей тематике статей: региональный анализ, региональная диагностика, региональное развитие, региональная политика, экономическая, социальная, культурная, политическая и рекреационная география, региональная и пространственная экономика, региональная социология, история региональных исследований, а также тематические обзоры литературы и рецензии, информация о проведенных значимых научных мероприятиях по проблематике социально-экономической географии и региональных наук.

Редакция журнала настоятельно просит авторов при подготовке статей руководствоваться изложенными ниже правилами:

- статья должна излагать завершенные и *еще не опубликованные* результаты научных исследований и соответствовать *профилю* журнала;
- статья должна носить, как правило, *проблемный характер*, демонстрировать различные взгляды ученых на исследуемую проблему, быть написана в научном стиле;
- объем статей, как правило, не должен превышать *0,75 авторского листа (30 тыс. знаков)*;
- в статье должны быть четко обозначены актуальность, научная значимость, результаты исследования и выводы. Рекомендуется следующая рубрикация: *введение и постановка проблемы; обзор ранее выполненных исследований; материалы и методика исследования; полученные результаты и их обсуждение; заключение (выводы); благодарности*;
- на первой странице статьи необходимо указать индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), инициалы и фамилию(и) автора(ов), название статьи с их переводом на английский язык, аннотацию (реферат) на русском и английском языке, перечень ключевых слов (и/или словосочетаний) – *не менее 5 и не более 10* на русском и английском языках;
- аннотация (реферат) должна отвечать следующим критериям: информативность (не содержать общих слов); содержательность (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); последовательность изложения (краткое повторение структуры статьи, цели и задачи, методы, наиболее важные результаты и их значение); ее объем – *не менее 150 и не более 200 слов*. Перевод аннотации (реферата) на английский язык должен быть выполнен с использованием англоязычной специальной терминологии, не быть дословным переводом русскоязычной версии; ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, использовать термины из текста статьи;
- список литературы, как правило, должен включать *не менее 15 и не более 30 наименований*; список составляется в алфавитном порядке: сначала источники на русском языке, затем – на иностранных, сайты и другие интернет-источники даются в конце; ссылки на список литературы проставляются номерами в квадратных скобках;
- в статье должны быть представлены два идентичных по составу списка литературы: в первом все использованные в статье источники указываются на языке оригинала (русском и др.); во втором все использованные в статье источники *указывают на латинице (транслитерация)*;

- в списке на латинице сохраняется та же последовательность источников, что и в «традиционном» списке;
- информация о статье в журнале должна включать в себя: фамилию и инициалы автора(ов), название статьи, название журнала, том/номер/выпуск, год публикации, страницы; информация о книге должна включать в себя: фамилию и инициалы автора(ов), название книги, название издательства, место и год публикации, количество страниц; в случае с электронным источником информации обязательна ссылка и дата доступа;
 - для набора текста, формул и таблиц следует использовать редактор Microsoft Word для Windows. Параметры текстового редактора: все поля по 2 см; шрифт Times New Roman, размер – 12; межстрочный интервал – 1,5; выравнивание по ширине; абзацный отступ 1 см; ориентация листа – книжная;
 - таблицы размещаются в самой статье. Вверху таблицы необходимо дать номер таблицы и название (например, Таблица 3. Название таблицы);
 - рисунок должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название внизу рисунка и ссылку в тексте; все рисунки (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm;
 - иллюстрации и рисунки, кроме текстового файла, предоставляются *отдельными файлами в черно-белом варианте (grayscale)* с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.pdf, *.tif, *.jpg, *.psd;
 - авторы несут персональную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, будут возвращаться авторам без рассмотрения по существу.

В редакцию журнала в обязательном порядке представляется *справка об авторе(ах)*, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения об ученой степени и ученом звании, e-mail.: все данные дублируются на английском языке.

Рукописи подвергаются обязательному рецензированию, по итогам которого редакцией журнала принимается решение о публикации на основе научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не принимаются и не рассматриваются. Плата за публикации не взимается.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редсовета журнала.